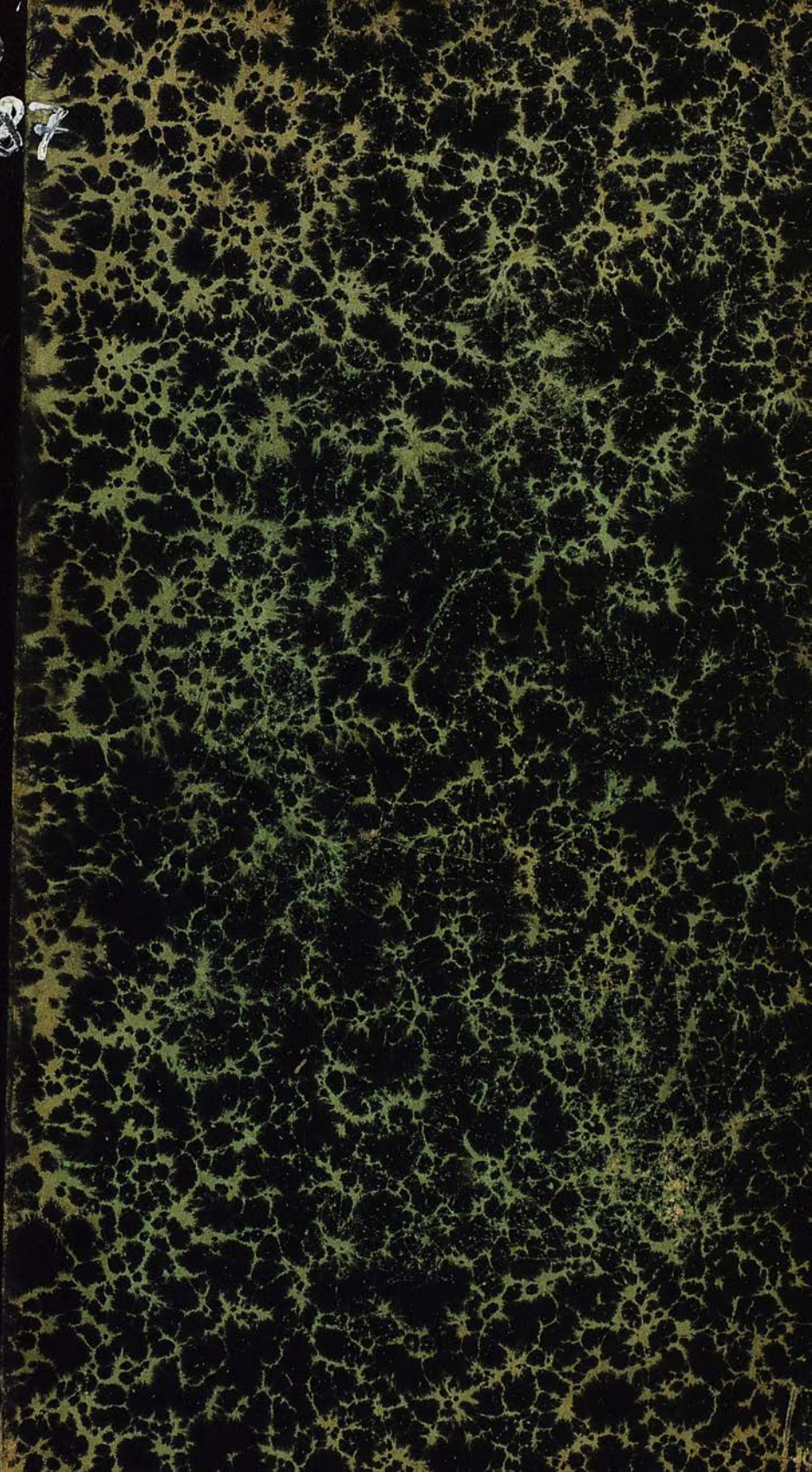

DO

3387

Продано 1884 г.

-- МАЙ 2008

СЛОГУ

Час-4

БИБЛИОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
В. - ЮРИД. АКАДЕМИИ
ШИФРА *Р. 822*
Л. 8

С.-Петербургский государственный университет
БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

С П Л О Т

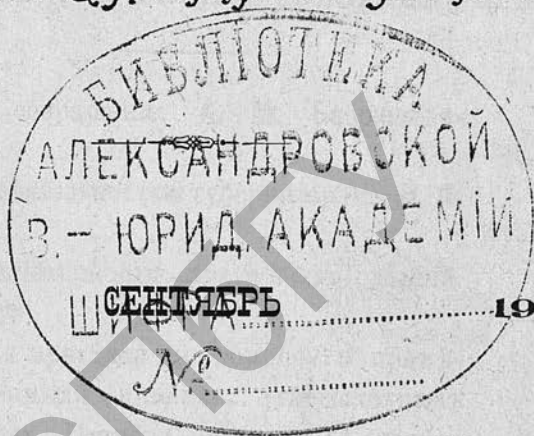
1905-7

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

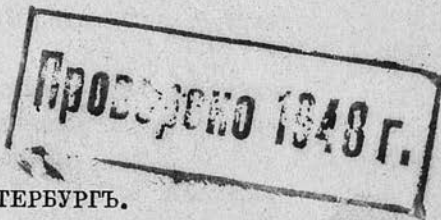
Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXXII.

1902.

№ 7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902

5

Къ сему № прилагаются: 1) Брошюра: Обь устройствѣ дачи для учениковъ Сенатской типографіи; 2) Объявленіе обь изданіяхъ „Судебное обозрѣніе“, „Вѣстникъ Сенатской практики“ и „Вѣстникъ законодательства и циркулярныхъ распоряженій“.

Всеподданнейшее

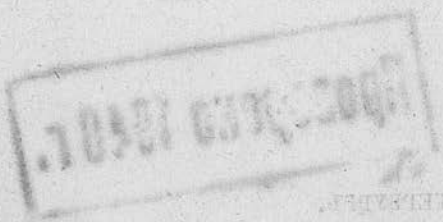
Жунага Юдидекаго Общества

Императорскому Университету

1902

XXVII

СЕНАТСКАЯ ПЕЧАТЬ
1902

Всеподданнейшее
Жунага Юдидекаго Общества
Императорскому Университету

1902 г.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА“.

- I. Что такое совращеніе. **А. М. Бобрищева-Пушкина** 1—36
- II. Надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ. **И. Л. Блинова** 37—77
- III. Условіе правомѣрности врачебныхъ дѣяній. **М. Кр—снаго** 78—98
- IV. Кассационная практика по вопросу о примѣненіи временныхъ правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Путей Сообщенія 11 ноября 1887 г. о выдачѣ пособій служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, получившимъ разстройство здоровья. **И. М. Гордона** 99—112
- V. Изъ судейской практики. **П. А. Тулуба** 113—126
- VI. Юридическое обозрѣніе: 127—208
1. С.-Петербургскій Конгрессъ Международнаго Союза Криминалистовъ (Юридическая бесѣда). **Г. Слюзберга** 127—147
2. Законъ 10 іюня о взысканіяхъ за нарушенія нѣкоторыхъ правилъ положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ 148—152
3. Изъ текущей практики Уголовнаго Кассационнаго Департамента. Похищеніе электрической энергіи. 156—163
4. Изъ текущей практики Гражданскаго Кассационнаго Департамента: А. Можно ли дѣлать городской дворъ, и слѣдуетъ ли признать его имуществомъ юри-

II

дически дѣлимымъ или недѣлимымъ?—В. Отвѣчаетъ ли
собственникъ лѣса за убытки, причиненные фактическими
его сплавщиками (случай ответственности за чужую вину).

С. Б. Гомолицкаго 163—182

5. Французскій законъ о союзахъ и конгрегаціяхъ
(Письмо изъ Парижа). **Р. Г. Шавельскаго** . . . 183—208

VII. Литературное обозрѣніе 209—228

1. Пересмотръ вопроса о феодализмѣ на Руси.

2. Г. И. Шрейдеръ. Наше городское обще-
ственное управленіе. Этюды, очерки и замѣтки.

С. Шумакова 209—228

Объявленія I—V

VIII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Проектъ Гражданскаго Уложенія. Книга 2-ая.
Семейственное право 49—120

2. Введеніе въ науку права. Проф. Колера. Пере-
водъ съ нѣмецкаго В. А. Гольденберга подъ
редакціею Сенатора С. Ѳ. Платонова 1—80

I.

ЧТО ТАКОЕ „СОВРАЩЕНИЕ“?

„Анализируя состав преступления, мы останавливаемся исключительно на юридических свойствах преступления, а определяя его понятие, мы необходимо должны иметь в виду его социальное и государственное значение“.

(Курсъ русскаго уголовного права проф. Н. С. Таганцева).

Недавно въ почтенномъ собраніи юристовъ два извѣстныхъ профессора высказались въ совершенно противоположномъ смыслѣ по одному и тому же вопросу, поставленному въ заголовкѣ моей статьи; разговоръ шель не о „понятіи преступления“, а только о его „составѣ“, почему, какъ я стараюсь показать ниже, вопросъ и не могъ получить какого либо разрѣшенія; присутствуя при этомъ спорѣ, я говорилъ себѣ, что, если бы рѣчь шла о „понятіи преступления совращения“, оба профессора сошлись бы на отрицательномъ рѣшеніи, а именно на томъ, что „совращеніе“, т. е. обращеніе кого либо въ другую вѣру или въ другой толкъ—не можетъ быть понимаемо какъ преступленіе, а слѣдовательно, не приходится и задумываться о его юридическомъ составѣ. Условія спора, имѣвшаго характеръ судебного разсмотрѣнія и рѣшенія, не позволяли, однако, ставить вопросъ такъ радикально ни въ дебатахъ, ни въ рѣшеніи. Приходилось обсуждать вопросъ

о наличности именно состава преступления въ данныхъ дѣйствіяхъ даннаго лица съ точки зрѣнія закона положительнаго, существующаго, дѣйствующаго.

Въ виду этого спорили о томъ, содержатся ли признаки подстрекательства въ вопросѣ, утвержденномъ присяжными, по отношенію къ совращенію опредѣленнаго не судившагося лица—другимъ лицомъ, осужденнымъ за совращеніе перваго въ раскольническій толкъ. Необходимо, однако, взглянуть въ детали этого спора.

Первый изъ профессоровъ указалъ, что юридическое понятіе подстрекательства едино въ теоріи права и что признаки подстрекательства ко всякому преступленію вообще тѣ же, что и признаки подстрекательства къ переходу въ другую вѣру или ересь.

На это оппонентъ его возразилъ, что особая природа преступленій противъ вѣры, обуславливаетъ спеціальныи составъ преступленія подстрекательства къ переходу въ иное вѣрованіе, что сообразно съ этимъ постановленія 13 ст. улож. о нак. изд. 85 г. не вполне примѣнимы къ данному случаю съ точки зрѣнія новѣйшихъ юридическихъ взглядовъ; въ доказательство правильности своего заключенія онъ указалъ на то, что въ объяснительной запискѣ къ проекту новаго уложенія религіозное подстрекательство конструируется своеобразно, не какъ подстрекательство вообще. Въ заключеніе, при сильномъ раздѣленіи голосовъ, большинство высказалось за послѣднее мнѣніе, находя, что въ случаѣ, предложенномъ ихъ разсмотрѣнію, нѣтъ тѣхъ спеціальныхъ признаковъ подстрекательства, наличность которыхъ одна могла бы обусловить преступность и наказуемость даннаго дѣйствія.

Необычное, странное на первый взглядъ по значительности его раздѣленіе голосовъ въ данномъ вопросѣ явно указываетъ на то, что въ основѣ своей споръ стоялъ не на надлежащей почвѣ; дѣйствительно, на этой почвѣ споръ не могъ получить иного разрѣшенія, какъ практическаго, узкаго, годнаго для даннаго случая и ничего не предвѣщающаго въ будущемъ.

Было очевидно, что каждый изъ оппонентовъ правъ по

своему и, со своей точки зрѣнія, аргументируетъ вполне основательно и убѣдительно. Принципіальнаго разрѣшенія вопроса не послѣдовало, какъ я уже говорилъ въ виду судебного характера спора, въ виду того, что рѣчь могла идти только о юридическомъ составѣ преступленія, а не о понятіи преступленія.

Будь дѣло поставлено иначе, я не сомнѣваюсь, оба оппонента сошлись бы на одномъ и томъ же рѣшеніи, которое и было бы принято единогласно: было бы рѣшено, что „совращеніе“ въ иную вѣру или толкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться преступнымъ; я говорю „ни въ какомъ случаѣ“, такъ какъ совращеніе въ иное вѣрованіе, по принужденію, есть психологическій *non sens*, если не понимать подъ принужденіемъ „гипнотизацію“, а имѣть въ виду насиліе и угрозы, какъ это дѣлаютъ съ давнихъ поръ кодексы и проектъ нашего новаго уложенія, усматривающій, впрочемъ, центръ тяжести насильственнаго совращенія въ преступномъ посягательствѣ на свободу лица. Доказательству этого положенія, т. е. непреступности „совращенія“, я и посвящаю настоящую статью.

Мнѣ представляется важнымъ теперь же заняться этимъ вопросомъ въ виду того, что преступность „совращенія“ все-таки признается проектомъ новаго уложенія и особенно потому, что „совращеніе“ конструируется редакторами въ объяснительной запискѣ, хотя и не такъ, какъ подстрекательство вообще, а дѣйствительно „спеціально“, но однако какъ видъ подстрекательства.

Нельзя не сказать, что это съ юридической точки зрѣнія все-таки шагъ впередъ по сравненію съ предыдущимъ и нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ, стоявшимъ на общемъ понятіи подстрекательства. Можетъ быть потому, что проектъ уже успѣлъ состариться или русская жизнь—не оффициальная, а дѣйствительная—народная, все-таки, не смотря на всѣ тормазы, идетъ впередъ быстрыми шагами—теперь пора бы, думается, поставить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ уже не о составѣ преступленія, а о понятіи его и придти къ предполагаемому мною отрицательному рѣшенію.

Прослѣдимъ однако кратко исторію того, какъ создалась конструкция этого „свораченія“, принятая проектомъ, а затѣмъ постараемся подойти къ понятію свораченія со стороны его „государственнаго и соціального значенія“, какъ рекомендуетъ въ своемъ „курсѣ“ профессоръ Таганцевъ. Для этого придется коснуться болѣе или менѣе близко фактическихъ данныхъ исторической и современной русской жизни, изслѣдовать ея отрицательныя и положительныя стороны.

I.

Юридическая мысль, развиваясь преемственно на философской почвѣ, давно уже усвоила себѣ положеніе Монтеסקье, что юристу-законодателю и судѣ надлежитъ вѣдать не мысль и идею, а поступки и дѣйствія; рядомъ съ этимъ въ области религіи все яснѣе сознавался, въ качествѣ постулата, принципъ свободнаго исповѣданія вѣрованій, который даже у Лютера, а тѣмъ болѣе у его послѣдователей, напр., у Кальвина—еще далеко не считался твердо установленнымъ.

Рядомъ съ эволюціей этихъ двухъ философскихъ идей въ области преступленій противъ вѣры, юридическая мысль все яснѣе сознавала и устанавливала, что объектомъ преступныхъ посягательствъ религіознаго характера не могутъ уже считаться Божество или даже общество вѣрующихъ (напр., при богохуленіи или отпаденіи), а могутъ являться объектомъ преступленія только нормы, опредѣляющія свободу группъ и личности вообще и въ частности свободу „исповѣданія или вѣры“.

Долгое время однако въ Россіи, отъ времени византийскаго права, эти вопросы вѣдались исключительно духовенствомъ; такъ въ XV вѣкѣ еще духовныя власти казнятъ еретиковъ смертью, сажаютъ въ клѣтки, рѣжутъ имъ языки и отдають ихъ въ монастыри; это послѣднее наказаніе и приговореніе къ нему все еще фактически остается въ духовныхъ рукахъ.

Начиная со столпаго собора въ теченіе XVI вѣка все рельефнѣе выдвигается въ религіозной области роль свѣтской

власти, которая уже въ XVII вѣѣ устанавливаетъ какъ принципъ, что карательная дѣятельность и въ области вѣры составляетъ ея прерогативу.

Рядомъ съ этимъ въ уложеніи Алексѣя Михайловича и въ воинскомъ уставѣ Петра Великаго строгими наказаніями со смертною казнью включительно—облагаются *поступки*, а именно „богохуленіе, церковный мятежь“ и т. п. и только по отношенію къ совращенію въ нехристіанство затрогивается область убѣжденій и вѣрованій.

Правда, охраняется также православіе отъ покушеній на цѣлость его паствы со стороны пасторовъ и инославныхъ христіанъ, но все таки указы 5 ноября 1728 года и 22 февраля 1835, на пространствѣ столѣтняго періода, отмѣчаютъ здѣсь прогрессивно растущее признаніе свободы исповѣданія вѣры; о впаденіи въ иновѣріе въ уложеніи 1649 г. нѣтъ рѣчи, какъ о преступленіи, а назначается отсылка къ духовному начальству, совратитель, однако, наказуется сожженіемъ, о раскольникахъ же никакихъ постановленій не имѣется.

Но уже съ 1667 года на Соборѣ подымается вопросъ о наказуемости еретиковъ и раскольниковъ, и это реакціонное движеніе въ духѣ духовнаго регламента все растетъ донинѣ; раскольники уже появляются въ разныхъ углахъ Россіи, записываются какъ особое состояніе въ государствѣ и облагаются особыми денежными тяготами; тѣмъ не менѣе долго и твердо стоитъ принципъ въ законодательствѣ, что свѣтскій судъ отпадшихъ не преслѣдуетъ, какъ онъ, напротивъ, очень давно практикуетъ это относительно совратителей.

Совратители (указъ 16 іюня 1749 года) подвергались, напримѣръ, сожженію въ тѣхъ случаяхъ, когда своими убѣжденіями доводили „простыхъ людей“ до самосожженія, столь распространеннаго въ то время. Съ этихъ поръ до послѣдняго времени рядомъ съ отвѣтственностью совратителей по суду свѣтскому, отпадшіе отъ православія (за исключеніемъ скопцовъ и вообще изувѣровъ) вовсе не интересовали свѣтскую судебную власть.

Послѣдовательно смѣнявшіеся затѣмъ уголовные кодексы

въ сущности только видоизмѣняли систему изложенія соотвѣствующихъ статей.

Сводъ законовъ 1832 года и уложеніе 1845 года выдѣлили религіозныя посягательства въ особую главу „о преступленіяхъ противъ вѣры“, причемъ наблюдается, какъ я уже говорилъ, постепенная эволюція въ понятіи объекта преступления, напр. преступное суевѣріе преслѣдуется какъ нарушеніе постановленій, ограждающихъ общественный порядокъ и спокойствіе. Коммисія при составленіи проекта новаго уложенія пошла въ значительной степени въ своемъ законодательномъ творчествѣ путемъ сводовъ, т. е. историческимъ путемъ, придерживаясь прежнихъ воззрѣній на существо преступленій противъ вѣры,—нѣсколько только отдѣляя эволюцію въ объектѣ; на примѣръ, въ святотатствѣ центръ тяжести переносится на имущественный характеръ дѣянія; также нарушеніе церковныхъ правилъ выдвигается при незаконномъ исполненіи требъ. Это послѣднее Коммисія рѣзко отдѣлила отъ понятія совращенія, въ качествѣ преступления *sui generis*.

Послѣднее важно отмѣтить хотя бы только попутно, какъ важный шагъ впередъ.

Въ теченіе долгаго времени въ разрядѣ совратителей числились и по закону строго наказывались лица, какъ посвященныя, такъ и не посвященныя, отправлявшія духовныя требы для раскольниковъ—это недоразумѣніе, устраненное уже въ значительной мѣрѣ ко времени уложенія 1885 года, изъ законодательства продолжало и, можно сказать, продолжаетъ жить до сихъ поръ въ воззрѣніяхъ паствы и пастырей; въ самомъ дѣлѣ, фактъ исполненія того или другого обряда въ обществѣ уже самъ по себѣ считается не только однимъ изъ признаковъ совращенія, но нерѣдко отождествляется съ совращеніемъ; это—нѣкотораго рода переживаніе взглядовъ и продолжающееся еще торжество формальной точки зрѣнія церковниковъ. Какъ ни мягко относится проектъ (статьи 334—335) къ этимъ проступкамъ онъ, не впадая въ смѣшеніе ихъ съ совращеніемъ, тѣмъ не менѣе видимо придаетъ большое значеніе совершенію обрядовъ и незакон-

ныхъ служеній, нарушающихъ цѣлость данныхъ группъ вѣрующихъ, признанныхъ гражданской властью.

Не вдаваясь здѣсь въ критику этого формалистическаго направленія, я въ своемъ мѣстѣ только иллюстрирую его современными примѣрами, теперь же обращусь къ дѣятельности совратителей—въ собственномъ смыслѣ слова—которыхъ Проектъ выдѣлилъ, особо установивъ ихъ отвѣтственность въ статьяхъ 336—339-й проекта.

Здѣсь перечислены всѣ виды совращения вслѣдъ за статьей 336-й общаго характера о насильственномъ (sic) „совращеніи изъ одного вѣроисповѣданія въ другое“, съ оговоркой, „буде . . . не подлежитъ наказанію по статьямъ 337—339“; въ этихъ послѣднихъ статьяхъ всѣ три вида совращения: совращеніе христіанина въ нехристіанство, совращеніе православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе и, наконецъ, совращеніе въ расколученіе, уже существующее или вновь проповѣдуемое. Въ этихъ статьяхъ нѣтъ никакого указанія, кромѣ выдѣленнаго во вторыхъ части статей—насилія и наказуемой угрозы, какъ квалифицирующихъ средствъ—на то, въ чемъ же состоятъ признаки совращения; по этому не безъ основанія можно бы заключить, что въ совращеніи по проекту мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ sui generis, съ полицейскимъ проступкомъ, суть котораго въ причиненіи перехода въ другую вѣру или расколъ даннаго лица безразлично къ тому, какими средствами это было достигнуто. Съ точки зрѣнія систематики представляется очень удобнымъ, что всѣ статьи дѣйствующаго уложенія, обнимающія совращеніе въ ереси и расколъ и распространеніе ихъ или заведеніе новыхъ, объединены въ статьѣ 339; въ самомъ дѣлѣ, въ третьей ея части говорится даже о принадлежащихъ къ скопчеству или къ изувѣрнымъ сектамъ лицамъ, совратившихъ кого-либо изъ неправославныхъ.

Съ точки зрѣнія, однако, практическаго удобства, въ редакціи статей Проекта о совращеніи есть неудобство именно въ такомъ оставленіи совершенно открытымъ вопроса о томъ, что такое совращеніе, изъ какихъ юридическихъ или психологическихъ моментовъ оно слагается, какъ относится къ ученію общей части

о подстрекательствѣ и т. д.; важно указать кстати, что 43-я статья общей части проекта, относящаяся къ подстрекательству, тоже обходитъ молчаніемъ признаки подстрекательства, устанавливая только въ 3-й части своей, что подстрекатель „подлежитъ наказанію лишь въ случаяхъ, закономъ указанных“.

Это обстоятельство еще болѣе даетъ право, казалось бы, утверждать, что Проектъ не только въ общей части не пошелъ по пути дѣйствующаго уложенія, не вдался въ казуистичность 13-й ст. уложенія по вопросу о подстрекательствѣ, но что при взвѣшиваніи въ судахъ отвѣтственности совратителя судѣ тоже не будетъ надобности сообразоваться со статьей 43-й проекта о подстрекательствѣ вообще, а останется свободно опредѣлять, по внѣшнимъ признакамъ въ каждомъ данномъ случаѣ, что такое совращеніе по статьямъ проекта 336—339 и вообще, слѣдовательно, не ломать головы надъ „спеціальнымъ составомъ“ совращенія. Такой выводъ былъ бы, однако, невѣренъ, и ближайшее разсмотрѣніе этихъ статей въ связи съ объяснительной запиской показываетъ, что редакторы проекта понимаютъ совращеніе какъ особый видъ подстрекательства, какъ видъ *sui generis*, но все-таки—почти совпадающій по своимъ признакамъ съ подстрекательствомъ какъ его устанавливаетъ дѣйствующее нынѣ уложеніе и толкующая 13-ю статью сенатская практика.

Это вытекаетъ прямо изъ того, что Коммисія постановила „относительно совращенія сохранить систему дѣйствующаго права“ (стр. 111 проекта) послѣ того, какъ подробно изслѣдовала положительное право наше по уложенію и практикѣ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената.

Впрочемъ, чтобы не искать далеко доказательствъ—достаточно заглянуть на страницу 114-ую Объяснительной записки къ проекту редакціонной коммисіи (изд. 1895 г.), чтобы прочесть, что „для полного состава всѣхъ случаевъ совращенія необходима наличность какихъ либо мѣръ, имѣющихъ характеръ подстрекательства путемъ нравственнаго воздѣйствія или же“ далѣе слѣдуетъ пере-

численіе терминовъ, взятыхъ изъ нынѣ дѣйствующей 13 ст. уложенія о способахъ подстрекательства.

Юридическій составъ совращенія, такимъ образомъ, оставленъ Коммисіей безъ измѣненій, чтобы—согласно мнѣнію большинства членовъ— „не измѣнять дѣйствующаго права, ко-его система еще столь недавно была признана Государственнымъ Совѣтомъ цѣлесообразною“. Ясно, что или не ставился вовсе вопросъ о томъ, можетъ ли совращеніе считаться преступнымъ, или ставился, но рѣшенъ утвердительно.

Во всякомъ случаѣ, если и было подвергнуто критикѣ самое понятіе о такомъ анахронизмѣ, какъ преслѣдованіе за распространеніе своихъ религіозныхъ вѣрованій средствами непреступными, то критика эта оказалась недостаточно убѣдительной. Это тѣмъ болѣе странно, что исключая статьи 185 и 188 изъ уложенія, редакторы Проекта въ сущности признали непреступнымъ отпаденіе въ иное вѣроисповѣданіе или раскольнической толкѣ, за понятнымъ исключеніемъ членовредительныхъ и вообще изувѣрныхъ сектъ; такое признаніе ставить редакторовъ въ неудобное положеніе карателей подстрекательства, т. е. побужденія другихъ къ тому, что самими законодателями преступленіемъ не признается; прибавлю къ этому отъ себя, что самое отпаденіе въ ересь или расколъ вообще только случайно и временно каралось на Руси и притомъ только духовными властями по спеціальнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ указамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сводѣ 1832 года объ отпаденіи въ расколъ вовсе не упоминалось, а въ ул. 45 и 85 годовъ полагалось только „вразумленіе“. Всѣ эти соображенія позволяютъ заключить, что редакторы стояли при составленіи проекта исключительно на точкѣ зрѣнія исторической и признали согласно со взглядами русскихъ духовныхъ властей, что расколъ распространяется въ русской жизни не въ силу органическихъ причинъ, а вслѣдствіе злоумышленнаго вліянія расколуучителей, которыхъ и надлежитъ преслѣдовать. Мнѣ думается, что ближайшее изученіе того, почему и какъ зарождаются и распространяются секты—позволить сдѣлать выводъ о безцѣльности, а, слѣдовательно, и о несправедливости

преслѣдованія такъ называемыхъ совратителей, значеніе которыхъ совершенно ничтожно въ ряду другихъ причинъ распространенія расколосектантства.

Многія отрицательныя стороны русской духовной жизни, какъ это давно извѣстно, стоятъ тутъ на первомъ планѣ, но кромѣ того есть возможность привести и положительныя данныя для убѣжденія въ томъ, что въ настоящее время православные сами устремляются въ секты, добиваются не сразу, а съ трудомъ, вниманія и содѣйствія сектантскихъ наставниковъ и пресвитеровъ и исполненія ими требъ у этихъ вновь и свободно обратившихся прозелитовъ. Что означаетъ „имѣть въ виду соціальное и государственное значеніе“ того, что закону угодно признавать преступленіемъ? Не значить ли это сличать законъ съ дѣйствительностью и, можетъ быть, и зачеркнуть его въ законодательномъ порядкѣ при составленіи новаго проекта, если окажется, что и теорія и дѣйствительная жизнь уже не могутъ считать преступленіемъ инкриминируемыхъ, однако, дѣйствующимъ закономъ поступковъ.

Въ своей рѣчи передъ диспутомъ въ Казанскомъ университетѣ 22 октября 1900 года, говоря о значеніи соціологическаго направленія въ наукѣ права, Н. А. Гродескуль, справедливо отдавая этому направленію преимущество предъ догматическимъ и историческимъ направленіемъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

„Правосудіе есть дѣло великой важности, но все же не самое важное въ области права; въ жизни права есть задача, еще болѣе важная, чѣмъ примѣненіе права, а именно его созданіе, и передъ этой задачей догматика оставляетъ насъ совершенно безсильными, ибо вопросъ о томъ, каково *должно быть* право, есть вопросъ, для нея не существующій“.

Относительно же историческаго направленія правоизученія—имѣя въ виду настоящую научную исторію, для созданія которой „требуется предварительныя работы въ области исторіи“, г. Гродескуль правильно заключаетъ, что „чтобы понимать исторію какого либо явленія, надо сперва понять самое это явленіе, уяснить себѣ его природу, какъ такового, помимо его историческаго движенія“.

Разсмотрѣвъ подробно значеніе разныхъ моментовъ въ развитіи исторической школы права и поставивъ девизомъ „durch den Rudolph Ihering und über denselben hinaus“, Н. А. Гродескуль заканчиваетъ такой оцѣнкою соціологическаго направленія въ изученіи права: „оно даетъ намъ возможность разумно созидать право, научить насъ разрѣшать самую важную въ области права практическую задачу, — какимъ должно быть право. И если при господствѣ догматики права идеаломъ юриста является, въ нѣкоторомъ родѣ, пушкинскій дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зрящій на правыхъ и виновныхъ, знатокъ текстовъ и тонкій діалектикъ, всегда готовый разрѣшить, на основаніи существующаго права, самый запутанный юридическій казусъ, — то при соціологическомъ изученіи права предъ нами вырисовывается уже другой идеаль юриста, идеаль, прекрасно указанный профессоромъ Антономъ Менгеромъ. Это юристъ — третейскій судья въ борьбѣ общественныхъ классовъ, юристъ — творецъ права, юристъ, консультирующий обществу о томъ, какимъ должно быть право, и выполняющій эту задачу, какъ безпристрастный ученый, *съ полной независимостью сверху и снизу*“.

II.

Вѣроисповѣдное прикрѣпленіе личности давно установлено въ нашемъ отечествѣ 36 ст. уст. о пред. и прес. прест. въ формѣ достаточно категорической, хотя основные законы (ст. 44 и 45) и рядъ соотвѣтствующихъ статей въ уставѣ иностранныхъ исповѣданій и въ положеніи объ инородцахъ стоятъ вполнѣ на высотѣ тѣхъ требованій, которыя теперь вправѣ предъявлять къ законодательству принципъ свободы совѣсти; но взятыя въ общемъ всѣ эти статьи всетаки создаютъ почву, на которой утверждается расколъ; дѣйствительно, нигдѣ — расколъ и ереси не укоренялись при свободномъ исповѣданіи вѣры въ формѣ болѣе или менѣе устойчивой: только борьба за свободу совѣсти вызывала обыкновенно особую ревность къ данному вѣроученію; при этомъ ереси

или расколъ становились въ лицѣ своихъ представителей тѣмъ сильнѣе и нетерпимѣе, чѣмъ большее противодѣйствіе своему распространенію встрѣчали они въ церкви—метрополи; здѣсь, какъ и въ механикѣ, дѣйствуетъ тотъ же законъ, гласящій, что сила равна сопротивленію. Поэтому практическіе способы защиты православія въ качествѣ господствующаго вѣроисповѣданія въ Россіи пріобрѣтаютъ громадное значеніе въ дѣлѣ народненія и усиленія расколосектантства; сама по себѣ привилегія православія въ Россіи, состоящая въ томъ, что только православіе можетъ по закону дѣлать прозелитовъ въ свою пользу—не представляется опасной въ этомъ смыслѣ; дѣйствительно, почему бы обостряться отношеніямъ между православіемъ и сектантствомъ, если бы, какъ это многократно напоминалось въ литературѣ, соблюдалось правило, что „православная вѣра порождается благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами“, какъ говорить ст. 70 того же уст. о пред. и прес. прест.?! „Посему, продолжаетъ та же статья, господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ, при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди Апостольской“. Ясно, что такой принципъ объемлетъ не только проповѣдываніе вновь обращаемымъ въ православіе, но, и при томъ тѣмъ болѣе—долженъ наблюдаться также и относительно усомнившихся, ослабѣвшихъ, отпадшихъ. На дѣлѣ вся исторія расколо-сектантства опровергаетъ на практикѣ этотъ слишкомъ оптимистическій выводъ, теоретически и догматически не подлежащій, однако, сомнѣнію. Подробныя доказательства этого положенія приведены мною въ книгѣ „Судь и раскольники-сектанты“ (Гл. II и III) и я повторяю ихъ не буду.

Умѣстно будетъ только сдѣлать слѣдующую оговорку: на страницѣ 66-й loco citato я рѣшительно заявилъ увѣренность въ томъ, что церковь не можетъ нынѣ считать гоненіе дѣйствительнымъ средствомъ укрѣпленія православія и ореолъ

мученичества, настоящій или кажущійся, полезнымъ элементомъ въ дѣлѣ борьбы за религію; дальше (стр. 71) однако, говоря о волкахъ въ овечьей шкурѣ, о лицемѣрахъ-оппортунистахъ, я установилъ, а затѣмъ и доказалъ, думается мнѣ, достаточно многочисленными примѣрами и рядомъ выводовъ, что съ самаго давняго времени по отношенію къ расколо-сектантству принципы и законы были сами по себѣ, а духовная и административная практика и примѣненіе закона тоже были сами по себѣ; систематическія гоненія, направленные на ереси и расколъ, развиваемыя до грандіозныхъ размѣровъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ, и только отъ времени до времени смягчаемыя вмѣшательствомъ государей и лучшихъ представителей бюрократіи (рѣже духовенства), часто доходили въ то же время по формѣ до лицемѣрно-слащавой снисходительности, вызывавшей въ сектантахъ презрѣніе и ненависть къ проповѣдникамъ господствующаго исповѣданія. Эти чувства, укрѣпляясь съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе затрудняли и, наконецъ, пресѣкли возможность дѣйствовать далѣе по образу „проповѣди Апостольской“; даже при наилучшихъ для этого данныхъ у отдѣльныхъ миссіонеровъ, наступило время, когда рядомъ цитатъ изъ устъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ приходится констатировать что „въ представленіи сектанта миссіонеръ отождествился съ гонителемъ“ (I. с. 117).

Насколько это сознавалось въ высшихъ сферахъ—ясно изъ бѣглаго даже просмотра императорскихъ указовъ, особенно Императора Александра I, а также Николая Павловича, лично входившихъ въ детали расколо-сектантской борьбы въ цѣляхъ болѣе правосуднаго и гуманнаго обращенія съ этими жертвами чиновческаго и церковническаго фанатизма.

Позволю себѣ привести только одинъ изъ этихъ указовъ въ доказательство приведеннаго положенія; это указъ отъ 27 ноября 1801 года Императора Александра Перваго дословно слѣдующаго содержанія:

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Слободско-Украинскій гражданскій губернаторъ Зильберганишъ,

вмѣстѣ съ рапортомъ вашимъ о духоборцахъ, получивъ обстоятельное по сему предмету донесеніе отъ пребывающихъ въ Харьковѣ сенаторовъ, всѣ сдѣланныя ими въ семь случаевъ распоряженія, яко на благоразуміи и истинномъ понятіи дѣла основанныя, утверждаю во всей силѣ ихъ и пространствѣ и поручаю вамъ не только на настоящее время, но и на будущее принять ихъ правиломъ и руководствомъ въ поведеніи вашемъ съ сими людьми, возлагая на собственный вашъ отчетъ какъ спокойство ихъ, такъ и защиту отъ всѣхъ притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію. И разумомъ, и опытами давно уже дознано, что умственные заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало по малу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться и на немъ то основано было и повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ во свояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго обряду ихъ мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ правовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ; а чтобы все сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобы они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется и послѣ претерпѣннаго ими разоренія войти въ ихъ состояніе, что и поручаю вамъ немедленно исполнить, представивъ мнѣ о дѣйствительномъ положеніи ихъ хозяйства, о нуждахъ ихъ, обстроились ли они, имѣютъ ли дома, вступили ли въ хлѣбопашество, имѣютъ ли чѣмъ платить повинности; все сіе, со скромностью и благоразуміемъ развѣдавъ, подробно мнѣ донесите, означивъ именно сколько на построеніе домовъ ихъ по количеству ихъ и по мѣстнымъ цѣнамъ будетъ денегъ потребно, дабы, получивъ свѣдѣніе сіе, могъ я дать о надлежащемъ имъ по-

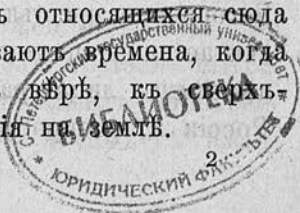
собии повелѣніе“. 9 Марта 1802 года за № 410 губернаторъ доносилъ Министру слѣдующее:—Сего мѣсяца 2 числа удостоился я получить Высочайшее именное Его Императорскаго Величества повелѣніе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи духоборцамъ, въ Высочайше вѣренному управленію моему губерніи обитающимъ и бывшею ссылкой разореннымъ, на поправленіе состоянія тысячи пятисотъ пятидесяти рублей безъ возврата и не въ счетъ тѣхъ расположеній, кои Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше имъ предназначены на случай ихъ переселенія“. Естественно думать, что въ массѣ случаевъ не удавалось Высочайшей милости такъ великодушно загладить зло, причиненное маленькими и большими гонителями, и въ самомъ дѣлѣ въ громадномъ большинствѣ старыхъ дѣлъ, относящихся къ концу XVIII и началу XIX вѣка, мы читаемъ длинные доклады и болѣе или менѣе изощренныя рѣшенія, казняція такъ или иначе раскольниковъ, безъ такихъ отрадныхъ эпилоговъ.

Разоренія же и бѣдствія, за которыя было бы справедливо вознаградить, имѣли часто очень своеобразный характеръ; такъ, на примѣръ, на рубежѣ этихъ двухъ вѣковъ Павла Петровича и Александра Благословеннаго, не смотря на въ высшей степени гуманное отношеніе обоихъ Императоровъ къ раскольникамъ, послѣдніе подъ вліяніемъ какъ преслѣдованій, такъ и собственнаго невѣжественнаго фанатизма, очень часто сожигали себя живыми; тутъ въ самомъ дѣлѣ вознагражденіе убытка становилось невозможнымъ. Не разъ, какъ значится въ старыхъ докладахъ, посланные розыскивать бѣгуновъ и обитателей скитовъ, судебные и полицейскіе чиновники съ понятными и депутатомъ священникомъ проѣзжали въ теченіе 3-хъ 4-хъ недѣль десятки верстъ по пустырямъ и лугамъ, записывая въ протоколахъ, что на пути видѣли оставленные деревни, одну, другую, третью; отъ времени до времени имъ попадались избы заколоченныя, заложеныя снутри и снаружи бревнами, досками и соломой—въ родѣ приготовленныхъ костровъ, когда, наконецъ, они добирались до послѣдней избы не пустой, а набитой бѣглецами въ саванахъ, то эти фанатики спасая свои души, сожигались на глазахъ безсильныхъ спасти ихъ преслѣдователей.

Были и другіе приемы самоуничтоженія; напримѣръ—человѣкъ 25 забирался въ дальнюю пещеру, закладывали узкій входъ сучьями и соломой и тутъ разыгрывались ввиду ожидаемой со дня на день въ зависимости отъ приближенія преслѣдователей „красной смерти“ трагическіе случаи безумія на почвѣ мученій отъ добровольнаго голоданія и отъ истощенія, охватывавшаго одного фанатика за другимъ. Близкое изученіе этихъ случаевъ обыкновенно открываетъ между этими добровольными мучениками одного болѣе другихъ энергичнаго, какъ бы коновода; но слишкомъ ясно, что онъ также какъ и его сотоварищи охваченъ стихійнымъ влеченіемъ къ спасенію по свѣду души; только объ этомъ думаютъ всѣ они; только къ этому склоняетъ ихъ коноводъ-подстрекатель, который меньше всего размышляетъ о вовлеченіи слушающихъ его въ преступное отступничество и, слѣдовательно, какъ ни всматриваться въ дѣятельность такого подстрекателя—въ ней не открытъ злой воли въ уголовномъ смыслѣ этого слова.

Еще невозможно отыскать этотъ необходимый элементъ преступности въ другихъ старыхъ уголовныхъ случаяхъ; нѣкто, мордвинъ по племени, обращенный въ православіе, неграмотный и дикій человѣкъ, видитъ во снѣ, что къ нему приближаются его покинутые имъ мордовскіе боги, что наступаетъ конецъ міра, что онъ призванъ въ качествѣ великаго святаго собрать своихъ единовѣрцевъ-язычниковъ, для встрѣчи великаго событія, которымъ начнется новая счастливая жизнь; для этого онъ, не скрывая своего сна, а, напротивъ, разглашая его, собираетъ всѣхъ единоплеменниковъ въ пустынное мѣсто, гдѣ они угощаются и радуются, предаваясь идолопоклонству по обрядамъ своей старой мордовской вѣры безъ всякаго особаго побужденія съ его стороны и вокругъ этого невѣжественнаго безумца живо возникаетъ легенда, осѣняющая его ореоломъ святости. И онъ въ этомъ старомъ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, выставленъ подстрекателемъ! Наше время, отдѣленное отъ рассказанныхъ случаевъ слишкомъ сотней лѣтъ, ни въ чемъ однако не уступаетъ ему—ни въ нелѣпости и изступленности при случаѣ сектантскихъ приемовъ спасенія;

ни въ поражающемъ по безцѣльности гоненіи завѣдомыхъ, однако, безумцевъ или напротивъ людей, разумныхъ и хорошихъ, стремящихся только спастись по своему. Изъ числа такихъ же бѣгуновъ красносмертовъ не такъ давно схоронило себя живо цѣлое населеніе терновскаго скита съ матерью Виталіей во главѣ, причемъ, зарывшіи ихъ и между ними свою жену съ дѣтьми—Ковалевъ при отрываніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ жертвъ при громадномъ стеченіи народа ждеть чуда объявленія раскольничьихъ мощей, какъ на это рассчитывали, повидимому и самозакапывавшіеся. Несомнѣнно, всѣ эти самоубійцы, убѣгавшіе отъ грозившей имъ въ видѣ переписи печати Антихриста меньше всего, какъ и мать Виталія, имѣли въ виду преступное отпаденіе отъ православія, а только думали о спасеніи своей души и души близкихъ имъ. Помимо очевидной непреступности такихъ дѣйствій нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что остановить дѣятельность такихъ подстрекателей самыми строгими наказаніями невозможно; чѣмъ можно устрашить или какъ исправить человѣка, склонившаго другого къ самосожиганію или къ самозакапыванію, сознательно идущаго вмѣстѣ съ нимъ на эту ужасную участь. Если еще можно и то чисто внѣшнимъ образомъ заподозрить мордовина, о которомъ я рассказалъ, въ созиданіи легенды и въ стремленіи къ ореолу святого, то въ наше время, когда, вообще говоря, возможно, чѣмъ прежде, религіозные шарлатаны, особенно назидательно указать на примѣръ такого же обожествленія по отношенію къ почтенному пастырю, который разумѣется стоитъ выше всякихъ подобныхъ подозрѣній; я говорю о глубокоуважаемомъ пастырѣ отцѣ Иоаннѣ Кронштадскомъ. Кому однако неизвѣстно въ Россіи, что его считаютъ святымъ и до того не скрываютъ этого даже передъ нимъ самимъ, что ему приходится сердито обличать малосмысленныхъ поклонниковъ; есть ли однако малѣйшее основаніе и здѣсь искать подстрекателей?! Особенно интересно остановиться на одномъ изъ относившихся сюда случаевъ въ доказательство того, что бывають времена, когда толпа со стихійной силой влечется къ вѣрѣ, къ свершенію естественному и жаждетъ царствія Божія на землѣ.

Несомнѣнно не отъ добра добра ищутъ эти люди и притомъ ищутъ неудержимо и сами по себѣ, такъ что никакой нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы ихъ кто нибудь толкалъ, вовлекая въ тѣ или другія сектантскія общины. Примѣръ съ легендою объ отцѣ Иоаннѣ особенно назидателенъ въ этомъ смыслѣ потому, что рѣчь идетъ объ образованномъ лицѣ, объ отставномъ гвардіи поручикѣ Александрѣ Федоровѣ Украинцевѣ, который и самъ, повидимому, повѣрилъ въ легенду объ отцѣ Иоаннѣ, да и дѣло имѣлъ съ группой лицъ хотя очень сомнительной нравственности, но несомнѣнно однако вѣрившихъ въ ту же легенду; пусть эта увѣренность вовлекла послѣднихъ въ корыстное преступленіе, но ихъ сектантская самостоятельность—бьетъ въ глаза и это тѣмъ болѣе наглядно, что мы имѣемъ дѣло съ лицами, обвинявшимися въ мошенничествѣ, а не съ обвиняемыми въ отпаденіи въ ересь. Какъ знаменіе времени дѣло это такъ интересно, что съ нимъ для моей цѣли важно познакомиться поближе. Московскій столичный мировой судья, 16 ноября 1901 года по разборѣ дѣла въ открытомъ засѣданіи постановилъ слѣдующій (въ общихъ чертахъ) приговоръ.

6 ноября 1901 г. въ Москвѣ отставной гвардіи поручикъ Украинцевъ, представивъ полиціи Михаила Петрова и Екатерину Каргачеву, заявилъ, что онъ хорошо знаетъ этихъ лицъ по Кронштадту, гдѣ бывалъ неоднократно, чтобы исповѣдываться и приобщаться Св. Таинъ у отца Иоанна Сергіева Кронштадтскаго. Эти лица по словамъ Украинцева принадлежатъ къ сектѣ, существующей въ Ораніенбаумѣ; главою ея состоитъ дѣвушка, именуемая себя матерью Порфиріею и называемая въ народѣ Богородицею. По словамъ заявителя, Петровъ именуется себя Архангеломъ Михайломъ и вмѣстѣ съ Екатериной Каргачевой распространяетъ ложное противохристіанское ученіе, а именно, что отъ Иоаннѣ самъ Господь Иисусъ Христосъ, а мать Порфирія—Пресвятая Богородица; крестьянинъ же Назарій, живущій въ Кронштадтѣ, считается за апостола Иоанна Богослова. Задержанные Украинцевымъ лица разѣзжаютъ, по его словамъ повсюду въ Россіи и, распространяя это ложное ученіе, вымогаютъ у

простого народа деньги. Въ подтвержденіе своего обвиненія заявитель сослался на свидѣтеля Гордѣва. Свидѣтель Гордѣвъ на дознаніи показалъ, что въ половинѣ мая 1901 года, когда онъ жилъ на дачѣ въ Перловкѣ, кухарка Раппопортъ, Татьяна Егорова, привела какую-то женщину, которая ему передала, что она была слѣпа и исцѣлена о. Іоанномъ Кронштадтскимъ и принесла для продажи кронштадтскіе вѣнки. Называла Іоанна Кронштадтскаго Богомъ, а на его замѣчаніе, можетъ ли онъ быть выше Св. Николая Чудотворца, отвѣтила ему, махая руками: „что ты, онъ самъ Богъ“. Спустя нѣсколько дней женщина та стала посѣщать его жену и приводить другихъ женщинъ и даже мужчинъ. Всѣ эти лица представлялись въ высшей степени религіозными и проповѣдывали, что пришелъ конецъ міра и даже по поводу того, что тогда горѣли въ разныхъ мѣстахъ лѣса, говорили, что это повѣстка конца міра, почему ничего жалѣть не слѣдуетъ и слѣдуетъ все отдавать на добрыя дѣла для передачи о. Іоанну Кронштадтскому. Въ іюлѣ мѣсяцѣ пришелъ къ Гордѣву мужчина, называвшій себя Виноградовымъ и, повидимому, намѣреваясь склонить его въ свою секту, приглашалъ его ѣхать въ Кронштадтъ къ о. Іоанну. Имѣя намѣреніе еще ранѣе поѣхать и исповѣдываться у о. Іоанна Кронштадтскаго, онъ согласился и поѣхалъ съ нимъ. Во время пути Виноградовъ передавалъ Гордѣву, что въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ много святыхъ и онъ увидитъ въ живыхъ всѣхъ пророковъ: Илью, Еноха, св. Магдалину, Михаила Архангела, Назарія (sic) и др., про себя же говорилъ, что онъ удостоивается присутствіемъ всѣхъ этихъ лицъ и съ ними даже пьетъ чай; все это онъ говорилъ съ благоговѣніемъ, сопровождая всякое свое слово крестнымъ знаменіемъ. По прибытіи въ Кронштадтъ Виноградовъ повелъ Гордѣва въ какую-то квартиру, гдѣ, по его словамъ, Гордѣвъ увидитъ „благодать Святую, Пророковъ и Святыхъ дѣвъ“. Придя въ квартиру, онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, будто бы испорченныхъ, которыя бросились на полъ и стали биться, крича: „вотъ достойный“. Виноградовъ поставилъ принесенную имъ икону на приготовленное мѣсто, а самъ съ Еван-

гелиемъ подошелъ къ бьющимся на полу женщинамъ, читаль молитвы, дулъ на нихъ, а послѣ сего онѣ успокоились. Присутствовавшіе въ домѣ пѣли акаѳисты и стихи Іоанна Кронштадтскаго, а нѣкоторыя женщины указывали ему на Виноградова, какъ на Илью Пророка. Увидавъ все это, онъ усумнился въ справедливости происходящаго и заподозривъ, что всѣ эти люди намѣрены совратить его съ настоящей православной вѣры и подѣ видомъ этого новаго вѣрованія, желаютъ его обобратъ, „пожелалъ ихъ оставить“, но они его не хотѣли выпустить, показывали ему деньги и усиленно предлагали ему съ ними остаться. Выйдя однако изъ квартиры, Гордѣевъ пошелъ съ Виноградовымъ въ квасную, а затѣмъ и отъ него ушелъ; послѣ этого Гордѣевъ помѣстился въ д. № 3, гдѣ имѣется квартира для богомольцевъ и тамъ то и встрѣтился съ Федоромъ Украинцевымъ, который и предупредилъ его не вѣрить мошенникамъ и не ходить къ нимъ. На слѣдующій день въ церкви его окружили сомнительныя лица и показывали ему живого Михаила Архангела, но онъ имъ болѣе уже не вѣрилъ. При этомъ Гордѣевъ добавилъ, что Виноградову онъ купилъ билетъ до Петербурга и давалъ ему на расходы. Въ дорогѣ Виноградовъ вовсе не проявлялъ благочестивой жизни, пилъ вино, пиво и ѣлъ мясную пищу. Изъ Москвы женщины и Виноградовъ отправляли куда то разныя вещи, которыя одинъ разъ временно оставляли въ его квартирѣ.

На разбирательствѣ у мирового судьи Гордѣевъ не подтвердилъ своего показанія, почему обвиняемые были оправданы, хотя Украинцевъ продолжалъ утверждать, что они рядомъ съ обманомъ и вымогательствомъ денегъ распространяли ложное ученіе. Московская Консисторія, тоже, какъ и мировой судья, не нашла нужнымъ возбуждать вопроса о распространеніи ложнаго сектантскаго ученія, что хотя весьма политично, но не совсѣмъ понятно съ консисторской точки зрѣнія, такъ какъ, несомнѣнно, и Петровъ, и Еватерина Коргачева могли бы подлежать подобному обвиненію независимо отъ обвиненія въ мошенничествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ показаніяхъ ихъ звучитъ неподдѣльная увѣренность въ догматахъ, если можно такъ выразиться, которые, по словамъ Украинцева, исповѣдуетъ новая секта.

Вотъ что говорилъ, напр., Петровъ: имѣя въ Петербургѣ собственный домъ, онъ ничѣмъ не занимается, такъ же какъ и Коргачева, бывшая прежде распутной женщиной, и оба ходятъ по св. мѣстамъ, не распространяя никакого ложнаго ученія, они оба исповѣдуютъ православную вѣру и спасаются отъ грѣховъ; относительно же Иоанна Кронштадтскаго полагаютъ свое вѣрованіе въ томъ, что онъ святой и въ немъ самъ Господь и Св. Троица. Порфирія Киселева, по словамъ Петрова, благочестивая дѣвица святой жизни, къ которой еженедѣльно прѣзжаетъ о. Іоаннъ, чтобы приобщать ее Св. Таинъ. Богородицей ее не называютъ, такъ же какъ и его не величаютъ Михаиломъ Архангеломъ.

Коргачева объяснила нѣсколько подробнѣе, что она была изъ Соловецкаго монастыря и что имѣющійся при ней камень голубого цвѣта—святой камень—изъ Соловецкаго монастыря, и что ладанъ, вата и просфоры взяты ею изъ другихъ монастырей отъ мощей; везетъ она ихъ на родину, но не слыхала, чтобы ее называли мироносицей. Доставленный съ нею Петровъ по словамъ ея: „ради Господа разлучился съ женою и ведетъ благочестивую жизнь. Въ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ она видитъ Бога, потому что это сказалъ ей Духъ Святой. Три раза видѣла Пророка Еноха и Илью въ г. Архангельскѣ, С.-Петербургѣ и въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Преподобный Сергій тоже ходилъ по землѣ и одинъ разъ благословилъ ее. Въ заявителѣ, доставившемъ ее въ участокъ, она видитъ Антихриста; Порфирію Ивановну она считаетъ святою женщиной, но объ образѣ ея жизни ничего не знаетъ, а равно и о томъ, чѣмъ она просвѣтилась, но Бога и Св. Троицу она видѣла; Назарій также св. старецъ и въ немъ видѣла Бога и Св. Троицу“.

Объ образѣ жизни Порфиріи Ивановой извѣстно только со словъ Украинцева, что онъ посѣтилъ Иванову въ Ораніенбаумѣ, въ ея квартирѣ, и что она „появилась ему въ какомъ то фантастическомъ шелковомъ костюмѣ и попросила удалиться, что онъ и исполнилъ“.

Не касаясь вопроса о виновности или невинности оправданныхъ, за отсутствіемъ доказательствъ, обвиняемыхъ, нельзя

не видѣть во всемъ этомъ дѣлѣ проявленія во всѣхъ его участникахъ, не исключая заявителя Украинцева, постоянно ѣздящаго къ о. Иоанну въ Кронштадтъ и посѣтившаго Иванову, глубокой вѣры въ святость отца Иоанна, а также—не замѣтить и того, что всѣ элементы возникновенія и укорененія новой секты—на лицо. Не менѣе ясно, что распространители этой легенды, вполне искренно вѣруя въ Иоанна Кронштадтскаго и убѣждая въ этомъ другихъ, вовсе, однако, не имѣютъ въ виду совращенія слушателей изъ православія, а преслѣдуютъ гораздо болѣе матеріальныя цѣли.—Вполнѣ мудро съ общей точки зрѣнія, разумѣется, поступила Московская Консисторія, не возбудившая дѣла о совращеніи, элементы котораго, однако, съ точки зрѣнія современныхъ гонителей духовнаго и свѣтскаго званія—на лицо; при существованіи нынѣ здравствующаго ученія о подстрекательствѣ вполне возможно представить себѣ и судъ по столь курьезному дѣлу, такъ какъ въ сущности разсмотрѣнный нами случай ничто иное, какъ *reductio ad absurdum* самую жизнь цѣлаго ряда судебныхъ случаевъ совращенія, наполняющихъ южно-русскіе суды.

Не менѣе важно указать, что случай этотъ подтверждаетъ, сдѣланное мною выше, указаніе на то, что русскій народъ въ переживаемое нами время, самъ по себѣ, внѣ всякаго вліянія подстрекателей представляетъ почву, необыкновенно восприимчивую къ образованію легендъ и народженію сектъ. Недаромъ въ сектантской литературѣ и въ многочисленныхъ сектантскихъ письмахъ, образцы которыхъ у меня подъ руками, постоянно встрѣчается какъ эпиграфъ или какъ заключеніе фраза: „нивы пожелтѣли и жатвы много, но дѣлателей мало“.

Тонъ и содержаніе сектантскихъ писемъ, о которыхъ я упомянулъ, таковъ, что если бы не русскій языкъ, на которомъ они написаны и подписаны, то смѣло можно было бы принять ихъ за письма первыхъ христіанъ, изъ временъ римскихъ гоненій. Вотъ какъ на примѣръ начинается одно письмо: „Ижитская 27 янв. 1902 г. Дорогой и любезный братъ во Христѣ.

Не знаю твоего имени, но думаю что это не такъ важно,

какъ то имя, которое записано въ книгѣ жизни. Посылаемъ сердечное привѣтствіе отъ всей Ижитской общины, какъ тебѣ такъ и всему дому твоему и всеѣмъ братьямъ и сестрамъ, любящимъ Господа. Братъ NN.—Темный рассказываль, что послѣ спасенія его чуднымъ образомъ, какъ его Господь спасъ для своей работы!—онъ писалъ многимъ братьямъ письма и получалъ много отвѣтовъ. Въ числѣ этихъ онъ показалъ и Ваше письмо, которое мы съ жадностью прочитали. О сколько мы нашли отраднаго въ этомъ письмѣ, читая, что у васъ такая свобода... У насъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ совсѣмъ иное. Сойдись два, три брата вмѣстѣ—уже считается собраніемъ и преслѣдуется. Штрафуютъ всегда не менѣе 50 руб... Недавно было погребеніе, но прислали полицію еще съ вечера. Пѣть и читать совершенно запретили... Жаловаться совершенно нѣкуда и нѣкому. Первую жалобу разбираетъ земскій начальникъ и еще не было случая, чтобы онъ насъ оправдалъ. Мы заносимъ жалобу въ уѣздный сѣздъ; сѣздъ, несмотря на всѣ показанія, подтверждаетъ приговоръ; дѣло переходитъ въ губернское присутствіе, тамъ его вовсе не пересматриваютъ, а только подтверждаютъ и жалобу оставляютъ безъ послѣдствія! И это какъ третейскій судъ, дальше жаловаться нѣкуда.. Дѣтямъ нашимъ учиться также негдѣ; въ училище, если и принимаютъ, то съ условіемъ, что они будутъ соблюдать всѣ обряды по православному, на что наши братія не соглашаются и дѣти остаются совсѣмъ неграмотными“. Письмо оканчивается просьбой опять въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства: „напишите непременно намъ письмо, это наше подкрѣпленіе“.

Вообще всѣ письма изобилуютъ текстами, а наиболѣе бодрыя заканчиваются тирадами полными особаго достоинства, такъ напримѣръ: Да, они, говорится о сектантахъ, какъ вѣрующіе христіане знаютъ предсказаніе Іисуса Христа и Его св. Апостоловъ, что имъ придется страдать и терпѣть: Мат. 10, 17—18. Іоан. 15, 18—21 и 16 гл. 1—3... II. Тим. 3, 12. Но жаль и прискорбно за тѣхъ, которые также называются христіанами, а въ преслѣдованіяхъ другихъ христіанъ уподобляются древнимъ, о которыхъ сказано: „Горе вамъ“. Матѣ. 23, 27—36... (ср. 81 псал.)“. Большинство

писемъ начинается сѣтованіями на то, что „у насъ гоненія не прекращаются, но еще болѣе увеличиваются“, послѣ чего обыкновенно слѣдуетъ повѣствованіе о дѣйствіяхъ сотскихъ и десятскихъ, отбирающихъ дѣтей для насильнаго крещенія или о вторженіи на молитвенныя собранія, объ арестахъ и этапахъ.

Вотъ напр., чисто библейская сцена, записанная въ библейскомъ же стилѣ. Послѣ описанія того, какъ были доставлены съ сектантскаго собранія въ православную церковь три сектанта, гдѣ ихъ, по словамъ письма, подвергли поруганію, говорится: „Выведа насъ на паперть, стали еще больше ругать и злословить насъ, говоря, „провалитесь вы въ землю“, а потомъ кричали: „бей ихъ“... Грозятъ, что всякій разъ будутъ забирать насъ изъ собранія и доставлять на рукахъ въ церковь. Молитесь о насъ“.

Несомнѣнно, что мѣстная полиція въ своемъ исполнительскомъ усердіи въ связи съ некомпетентностью богословской и юридической, какъ ея такъ и начальниковъ ея, увлекается въ исполненіи даваемыхъ ей порученій. Въ этомъ отношеніи доказательствомъ можетъ служить циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ отъ 13 августа 1899 г. за № 27, въ которомъ констатируется, что принадлежность раскольниковъ къ сектамъ болѣе или менѣе вреднымъ не можетъ имѣть значенія въ отношеніи къ регистраціи, а между тѣмъ изъ полученныхъ въ Министерствѣ въ послѣднее время свѣдѣній усматривается, что нѣкоторые полицейскія управленія, руководствуясь Высочайше утвержденнымъ 4 іюля 1894 г. положеніемъ комитета министровъ о признаніи штундизма одною изъ наиболѣе вредныхъ сектъ русскаго раскола, отказываютъ послѣдователямъ этой секты въ записи браковъ ихъ, совершенныхъ по штундискому обряду, въ установленной закономъ 19 апр. 1874 г. метрической книгѣ. По этому поводу разъясняется, что „полицейскія управленія не должны отказывать штундистамъ въ записи браковъ ихъ въ установленныя закономъ 19 апр. 1874 г. метрическія книги“.

Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе правильности или неправильности совершающагося внѣ предѣловъ соб-

ственно судебныхъ учреждений, почему я оставляю въ сторонѣ, имѣющійся у меня матеріалъ по дѣятельности уѣздныхъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій, особенно о касационной дѣятельности послѣднихъ.

Вообще тѣ или другія неустройства на почвѣ июльскаго закона 1889 г., о земскихъ начальникахъ, какъ относящіяся до вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, могутъ въ случаѣ поступления жалобъ въ Министерство Юстиціи получить только направленіе въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 130 положенія о земскихъ начальникахъ. Дача же такого направленія предполагаетъ по тексту закона сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; вотъ почему и естественно ожидать только отъ послѣдняго помощи населенію на случай жалобы на то или другое учрежденіе, дѣйствующее въ порядкѣ Положенія о Земскихъ Начальникахъ.

Нельзя не отмѣтить неудобство, напримѣръ, такого явленія, съ которымъ приходится встрѣчаться въ сектантской перепискѣ, „что нерѣдко въ одной и той же семьѣ отецъ, мать и взрослые дѣти, сынъ, сноха, дочь, т. е. всѣ взрослые и способные къ труду присуждаются къ штрафу одновременно порознь каждый, и они должны или уплачивать всей семьей 150—200 р. или вынуждены отсиживать подъ арестомъ 6—8 мѣсяцевъ“. Поэтому поводу указывается въ одномъ письмѣ, что въ случаѣ ареста „все останется на произволь судьбы и приходитъ въ окончательное разореніе и это все только за чтеніе Свящ. Писанія, пѣніе духовныхъ пѣсенъ и за молитву“.

III.

Не трудно видѣть изъ предложенныхъ, отрывочныхъ, далеко не полныхъ, выписокъ, какая нежелательно высокая степень возбужденія царитъ въ мірѣ раскольниковъ сектантовъ и это уже не первое столѣтіе и, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе это возбужденіе. Не касаясь естественности возникновенія при такихъ условіяхъ отъ времени до времени и,

повидимому, все съ большей и большей силой разныхъ мѣстныхъ беспорядковъ, усугубляющихъ, разумѣется, тяжелое положеніе сектантовъ, я считаю возможнымъ изъ въ этихъ данныхъ, нужныхъ для моей задачи, констатировать несомнѣнность того, что такія условія жизни должны совершенно независимо отъ наличности „дѣлателей, которыхъ мало“, какъ пишутъ сами сектанты, способствовать самозарожденію, назрѣванію и укорененію новыхъ, все болѣе и болѣе фанатически настроенныхъ сектъ. Недавно присутствовали мы при безумномъ въ буквальномъ смыслѣ слова буйствѣ въ селѣ Павловкахъ, гдѣ дѣйствовали, какъ я глубоко убѣжденъ, страдавшіе религиознымъ бредомъ, малѣванцы, помѣшательство которыхъ охватило цѣлую толпу.

Все больше и больше сознается въ обществѣ въ цѣляхъ государственнаго благополучія необходимость остановить неразумныя гоненія, влекущія за собой такія ужасныя послѣдствія. Я позволю себѣ привести выдержку изъ письма почтеннаго дѣятеля въ этомъ смыслѣ, отставнаго генераль-лейтенанта И. И. Филипенко, который, не зная меня лично, сообщилъ мнѣ для этой цѣли въ высшей степени интересныя подробности о своей дѣятельности въ Севастополь: „я пятый годъ, пишетъ онъ, живя бокъ о бокъ со штундистами и изучая ихъ нравы и обычаи, а равно и возмущающія меня до глубины души дѣйствія противъ нихъ, миссіонеровъ, съ прошлаго года выступилъ защитникомъ ихъ передъ епархіальнымъ епископомъ и, гдѣ можно, передъ администраціей. Переписка моя съ епископомъ Таврическимъ Николаемъ, можетъ быть, когда нибудь, хотя послѣ моей смерти, увидитъ свѣтъ Божій въ печати. Теперь же къ величайшему утѣшенію для меня, старика, я вижу, что мои убѣжденія достигли здѣсь, въ Севастополь, хоть одной цѣли—штундистовъ на собесѣдованіяхъ миссіонеры не называютъ уже социалистами, революціонерами или вродѣ этого“.

„Мнѣ кажется, что я въ моихъ усиліяхъ остановить или по крайней мѣрѣ смягчить нехристіанскую злобу батюшекъ къ сектантамъ достигъ даже большаго. Какъ бы то ни было изъ прилагаемой Вамъ копіи съ одного изъ писемъ моихъ

къ Таврическому Епископу Николаю Вы увидите нѣчто, если не новое, то по крайней мѣрѣ заслуживающее популяризаціи въ большой публикѣ“.

Въ приложенной копіи, воспроизведеніе которой отвлекло бы меня далеко въ сторону отъ настоящей работы, встрѣчаются чрезвычайно интересныя подробности, относящіяся къ дѣятельности миссіонеровъ, цитируется чрезвычайно энергичная, повидимому, статья Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей „священника изъ Гомельскаго уѣзда“; по поводу этого, уже опубликованнаго матеріала необходимо привести выписку, именно, — то мѣсто письма къ Преосвященному, гдѣ генераль Филипенко сообщаетъ ему слѣдующее: „и у насъ въ Севастополѣ небольшая по численности секта штундистовъ несравненно больше повліяла на наружную, по крайнѣй мѣрѣ, порядочность духовенства, чѣмъ іерархическія внушенія“.—

Въ статьѣ, о которой я упоминалъ „священникъ изъ Гомельскаго уѣзда“ глубоко сожалеетъ, что „нѣкоторые наши отцы такъ недружелюбно относятся къ правдивому гласному слову, указывая что духовенство при такихъ условіяхъ никогда не освободится отъ тѣхъ многочисленныхъ недостатковъ, которые въ теченіе вѣковъ накопились и которые тяжелымъ кошмаромъ лежатъ на немъ, изъ нихъ же есть первый—недружелюбіе“.

Далѣе указывается, что оно (духовенство) безсильно поднять упавшія нравственныя, а черезъ то и матеріальныя силы народныхъ массъ, почему и представляется желательнымъ, какъ единственное оставшееся средство для поднятія нравственнаго уровня духовенства допущеніе полной, свободы распространенія евангелическихъ сектъ.

Къ числу ихъ авторъ относитъ и штундизмъ и прибавляетъ: „впрочемъ, при гоненіи на сектантовъ всегда возможно ожидать взрыва фанатизма... Не продолжать же намъ, въ самомъ дѣлѣ, усиленную фабрикацію гугенотовъ“!

Въ этомъ восклицаніи разгадка вопроса о подстрекательствѣ совратителей, будто бы насаждающихъ въ Россіи сектанство, и если слѣдуетъ, съ государственной точки зрѣнія, останавливать кого либо уголовными карами, то разумѣется

не сектанскихъ проповѣдниковъ, а тѣхъ кто „фабрикуетъ гугенотовъ“, ожесточаетъ ихъ и готовитъ серьезныя и постыдныя затрудненія своей родинѣ; не сектанты—убѣжденные проповѣдники, стремящіеся къ спасенію душъ, страшны тамъ, гдѣ сама жизнь и ея условія вызываютъ всѣ силы личности на страстное исканіе правды, на выискиваніе средствъ избѣжать погибели души; пока такое настроеніе живетъ и усугубляется фарисейскимъ формализмомъ обстановки, тамъ и безъ подстрекателей будутъ заводиться и разрастаться секты и возрождаться старыя вѣрованія, какъ, напримѣръ, случилось это въ приведенномъ мною изъ стараго дѣла эпизодъ съ мордовскимъ „святымъ“ пустынноикомъ.

Возрождать и укрѣплять сектантскій и даже языческій фанатизмъ, какъ и всякій другой, въ темныхъ, невѣжественныхъ углахъ, изъ которыхъ состоитъ русская земля, вѣдь очень не трудно; достаточно грубо, рѣзко затронуть что нибудь близкое душѣ человѣка и вотъ уже готовъ болѣе или менѣе крупный беспорядокъ; вооруженная самозащита черемисъ, избившихъ близъ деревни Ерыксы, Елабужскаго уѣзда, о.о. миссіонеровъ, Ергина и Домрачева, которые явились къ нимъ съ 72 понятиями, чтобы вырубить священную дубовую рощу этихъ язычниковъ . . . Пока характеръ этихъ беспорядковъ чисто мѣстный, можно сказать еще личный, и тѣмъ не менѣе имѣетъ уже крупныя очертанія; таковы, напримѣръ, прошлогодніе, недавно разсмотрѣнные судомъ, беспорядки въ селѣ Павловкахъ, Сумскаго уѣзда, гдѣ охваченнымъ безуміемъ (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) малеванцамъ представилось, что встрѣтившая ихъ у храма полиція силою не допускаетъ ихъ войти въ „царствіе Божіе“, явленіе котораго должно было послѣдовать въ храмѣ.

Итакъ, оборона переходитъ въ наступленіе.

Оба эти процесса принадлежать позднѣйшему времени и подробно изложены въ „Правѣ“ № 15, 25 и 26 за нынѣшній 1902 годъ.

По первому дѣлу трое подсудимыхъ были оправданы, а 18 человѣкъ приговорены къ четырехдневному аресту при полиціи каждый.

Такой снисходительный приговоръ самъ говорить за себя и за мои соображенія, если принять въ расчетъ, что первоначально предполагавшееся обвиненіе буйныхъ черемисъ по 212 ст., карающей каторжной работой (за убійство и вообще насиліе надъ священнослужителями во время службы) было прекращено; осталось только обвиненіе въ насиліи надъ приходскими священниками, какъ частными лицами; уже это одно указываетъ на то, что дѣйствительными потерпѣвшими явились защищавшіе свое мольбище дикари, на которыхъ, какъ выразился на судѣ защитникъ, было сдѣлано „грозное нашествіе“ съ „явнымъ нарушеніемъ ихъ правъ“.

Какое тяжкое впечатлѣніе при такихъ условіяхъ должно было произвести на судѣ показаніе переводчика изъ черемисъ Кузмы Васильева „помощника миссіонера“ заявившаго слѣдующее: „Я бы простилъ виновныхъ, если бы они обѣщались соблюдать православіе и оставить свою вѣру и обряды; такъ мнѣ совѣтоваль поступить преосвященный Владиміръ ¹⁾), когда я къ нему ѣздилъ за благословеніемъ въ г. Сарapulъ послѣ выздоровленія“; объ этомъ именно переводчикъ—миссіонеръ подсудимый Илембай Шуматовъ объяснилъ, что, на требованіе черемисъ предъявить приказъ о рубкѣ богомолья, онъ показалъ топоръ со словами: „вотъ вамъ приказъ“.

Существуетъ предразсудокъ, что лицемѣріе обыкновенно соединяется со смышленностью; здѣсь въ заявленіи Васильева объ условіяхъ прощенія виновныхъ мы видимъ замѣчательное совпаденіе лицемѣрія, которымъ дышетъ заявленіе Васильева, съ необыкновенной семинарской, какъ говорилось прежде, простоватостью, чтобы не употреблять слова наивность, все таки имѣющее въ себѣ что-то симпатичное.

Въ этомъ дѣлѣ судъ, исполнилъ свою задачу также добросовѣстно, какъ и обвинительная камера и настоящіе виновные выдвинуты процессомъ достаточно рельефно, чтобы на немъ дольше не приходилось уже останавливаться.

Гораздо сложнѣе приговоръ Харьковской судебной палаты, рассмотрѣнный въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ

¹⁾ Вырубка черемисской роци и была начата этимъ владыкою.

Правительствующаго Сената (по IV отдѣленію) 10 прошлаго мая („Право“ № 25 и 26).

Приговоръ палаты оставленъ въ силѣ главнымъ образомъ по тому основанію, что „для палаты не обязательно ходатайство защиты о направленіи дѣла къ дослѣдованію для освидѣтельствованія состоянія умственныхъ способностей“. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно только при разсмотрѣніи по существу, судъ можетъ рѣшать, есть ли поводы заподозрить, что подсудимые дѣйствовали въ ненормальномъ душевномъ состояніи; съ другой стороны, вполне справедливо поэтому, чтобы нравственная или юридическая отвѣтственность за осужденіе, напримѣръ, въ каторжную работу психически больного тяготѣла на томъ, кто лично его видѣлъ и наблюдалъ. Судья въ иныхъ случаяхъ можетъ быть недостаточно компетентенъ по специальному вопросу, разбираемаго имъ дѣла, такъ, напримѣръ, не знать, что основатель секты малеванцевъ Малеваный содержится въ Казанской лечебницѣ для умалишенныхъ въ качествѣ неизлѣчимаго больного, считающаго себя Сыномъ Божиимъ, что сотоварищъ его по больницѣ „Іоаннъ Креститель“ находится тамъ же, что эта секта давно зачислена по сектовѣдѣнію въ разрядъ „безумныхъ“ въ психіатрическомъ смыслѣ этого слова,—но тогда для судьи логически необходимо быть осторожнѣе и прибѣгать къ подлежащей, разумѣется, компетентной экспертизѣ.

Призывая палату къ этой осторожности, защитникъ Тодосіенка указывалъ на то, что кліентъ его содержался въ психіатрической лечебницѣ, въ доказательство своего заявленія о необходимости изслѣдовать этотъ вопросъ въ порядкѣ 354 ст. или 577 уст. угол. суд. онъ указалъ на „пріобщенное къ дѣлу изслѣдованіе извѣстнаго психіатра профессора Сикорскаго, посвященное изученію малеванщины, въ которомъ отведено особое мѣсто Моисею Тодосіенко, какъ одному изъ лицъ, одержимыхъ *paranoia religiosa* (религіознымъ помѣшательствомъ), распространившимся между послѣдователями Кондрата Малеваннаго“. Много ихъ было этихъ „послѣдователей въ Павловскомъ дѣлѣ . . . Палата не признала достаточныхъ поводовъ къ изслѣдованію Тодосіенко (онъ же Моисей,

генераль Линевичъ, царь Кругеръ . . .) и устранила вопросъ о психическомъ здоровьи подсудимаго отъ своего разсмотрѣнія. Трудно—и на мой взглядъ излишне—вглядываться въ такой приговоръ въ цѣляхъ извлеченія юридическаго матеріала и я не стану дѣлать этого; достаточно вывести на справку оглашенные сенаторомъ докладчикомъ данныя дѣла и части приговора, относящіяся къ составу „подстрекательства“ Тодосіенки и сопоставить ихъ съ соотвѣтствующимъ пунктомъ кассационной жалобы, доказывавшей неправильное примѣненіе 13-й ст. ул. „Тодосіенко—значится въ обвинительномъ пунктѣ акта а) выдавая себя . . . за Моисея пророка Израиля, посредствомъ такого обманнаго увѣренія, а также проповѣди лжеученія своего, вызвалъ въ жителяхъ села Павловой волненіе (1 ч. 938 ст.) б) . . . путемъ проповѣди и поученія убѣдиль сектантовъ Павловокъ разрушить православныя церкви и т. д.“ Мотивируя свой приговоръ по отношенію къ подстрекательству, палата ссылается на оговоръ подсудимыхъ, объяснившихъ, что „Моисей Тодосіенко, поучая Павловскихъ сектантовъ, говорилъ, что православныя церкви надо уничтожить, дабы освободить скрытую въ нихъ правду“ и далѣе: „слѣдуетъ признать, что Тодосіенко . . . не поименовывалъ церквей, о которыхъ говорилъ, но такъ какъ онъ проповѣдывалъ необходимость разрушенія вообще всѣхъ православныхъ церквей, то конечно, въ каждомъ данномъ случаѣ такую проповѣдь слѣдуетъ считать убѣжденіемъ или подговоромъ его къ разрушенію церквей той мѣстности, въ которой эта проповѣдь разрушенія произносилась. А такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Тодосіенко произносилъ свою проповѣдь въ Павловкахъ то тѣмъ самымъ онъ и побуждалъ (побудилъ?) Павловскихъ сектантовъ къ разрушенію именно Павловскихъ, а не какихъ либо другихъ церквей“.

По тому же вопросу о причинной связи, наличность которой необходима и по теоріи, и по ученію Правительствующаго Сената при обвиненіи въ подстрекательствѣ—палата прибавляетъ: „относительно же того, дѣйствительно ли совершившееся 16 сентября разгромленіе одной изъ Павловскихъ церквей и покушеніе на разгромленіе второй церкви произо-

шло вслѣдствіе подговора Тодосіенко, то въ этомъ особое присутствіе судебной палаты убѣждается какъ изъ самыхъ фактовъ разрушенія и покушенія на разрушеніе церквей, послѣдовавшихъ очень скоро послѣ отъѣзда изъ Павловокъ Тодосіенко, такъ равно и изъ того, что многіе подсудимые относятся къ нему (Тодосіенко) съ очевиднымъ почитаніемъ... называютъ не иначе какъ господинъ Моисей, слѣдовательно, велико было его вліяніе“ и т. д.

Вотъ отвѣтъ на это кассационной жалобы присяжнаго повѣреннаго Таубера (Право № 26). „Проповѣдь вообще можетъ составлять *delictum sui generis* и можетъ подлежать наказанію, какъ таковая, но она никогда не можетъ считаться подстрекательствомъ къ опредѣленному преступленію, которое должно всегда и въ намѣреніи физическаго исполнителя и въ намѣреніи подстрекателя индивидуализироваться признаками времени, мѣста и объекта. Это положеніе признается и нашими законами. Между тѣмъ, для установленія причинной связи между проповѣдью Тодосіенко и разгромомъ церквей въ Павловкахъ 16 сентября 1901 года въ распоряженіи палаты ничего не имѣется, кромѣ общихъ положеній о вліяніи Тодосіенка на сектантовъ“. Такое сопоставленіе цитатъ изъ дѣла представляется мнѣ въ данномъ случаѣ достаточно нагляднымъ и рѣшающимъ; въ виду этого я кончаю на этомъ съ Павловскимъ дѣломъ тѣмъ болѣе, что я пока не имѣю въ виду углубляться въ изслѣдованіе юридическаго состава совращенія или религіознаго подстрекательства, съ которымъ до сихъ поръ по закону и на практикѣ совпадаетъ „совращеніе“.

Въ предыдущемъ изложеніи я шелъ все время путемъ исключенія, — указывая *in concreto* на рядъ явленій, которыя не могутъ преслѣдоваться какъ преступленія; пользуясь тѣмъ же приѣмомъ, я хочу указать здѣсь, кстати, на рядъ проступковъ или преступленій въ изслѣдуемой мною области т. е. случаевъ, когда возможно уголовное преслѣдованіе, но и тутъ мы встрѣтимся съ излишнею обвинительною ревностью, съ эксцессами въ преслѣдованіи, нежелательными по безцѣльности или вредности ихъ. Нечего говорить о томъ, что уже

отвоевано, такъ сказать теоріей уголовнаго права изъ эклектическаго—(не юридическаго по смыслу заглавія и по содержанію)—отдѣла „преступленій противъ вѣры“; такъ напримѣръ—несомнѣнно возможны, какъ преступленія, съ другимъ, не религіознаго характера, объектомъ: святотатство, оскорбленіе священно-служителя во время службы, кощунство и т. п., вполне возможенъ полицейскій запретъ подъ страхомъ наказанія говорить проповѣдь, совершать требы для лицъ официально другого исповѣданія, при этомъ цѣль совращенія не должна, однако, играть роли ни въ составѣ преступленія, ни какъ мотивъ вообще, ни въ качествѣ цѣли законодателя, какъ ошибочный въ данномъ случаѣ по нецѣлесообразности приѣмъ.

Послѣднее очень важно помнить, такъ какъ съ постепеннымъ распространеніемъ у насъ права законодательной власти на цѣлый рядъ лицъ и учрежденій, получившихъ право издавать обязательныя постановленія здѣсь открывается широкое поле для quasi—юридическаго, а въ сущности политиканствующаго творчества, притомъ тенденціознаго характера. У меня кстаги имѣется матеріалъ по этому вопросу чрезвычайно удобный для разработки, какъ по наглядности его, такъ и потому, что, относясь къ религіозной области, онъ касается однако не православія и сектанства, а лютеранства въ его самозащитѣ противъ развѣдающаго лютеранство баптизма. Лютеранскій фанатизмъ—явленіе непривычное для насъ, мало знакомыхъ съ настоящимъ лютеранствомъ,—достаточно нетерпимымъ по существу—хотя и зачисленнымъ, вообще говоря, не безъ основанія въ религіи рационалистическаго характера; еще непривычнѣе то, что эксцессъ приходится усмотрѣть, согласно рѣшенію Сената по одному такому дѣлу (Ульберта—р. уг. кас. деп. Сен.—отъ 7 мая 1902) въ дѣйствіяхъ православнаго губернатора, слѣдовательно лица, стоящаго внѣ обѣихъ замѣшанныхъ въ дѣло религіозныхъ группъ.

Разскажемъ однако по порядку.

Въ прошломъ году въ Газенпотскомъ уѣздѣ Курляндской губерніи крестьянка Глуть просила младшаго помощника уѣзднаго начальника не допустить, чтобы мужъ ея, баптистъ,

обратившійся изъ лютеранства, вторично, перекрестилъ въ баптизмъ сына ихъ малолѣтняго Глута; получивъ разъясненіе полицейскаго управленія, что надо руководствоваться циркуляромъ губернатора отъ 16 октября 1893 года помощникъ предложилъ баптистскому наставнику Ульберту дать соотвѣтствующую подписку о воздержаніи отъ крещенія, въ чемъ однако получилъ отказъ; въ текстѣ подписки значилась ссылка на упомянутый циркуляръ, который и въ п. 4-мъ устанавливаетъ, „что при крещеніи въ баптизмъ членовъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія наставники безусловно обязаны требовать предъявленія имъ свидѣтельствъ подлежащихъ евангелическо-лютеранскихъ пасторовъ о томъ, что обращаемый въ баптизмъ заявилъ пастору о своемъ намѣреніи перейти изъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія въ баптистское, при чемъ отказъ подлежащаго пастора въ выдачѣ подобнаго рода свидѣтельства отнюдь не освобождаетъ баптистскаго наставника отъ обязанности требовать предъявленія таковаго и можетъ служить лишь поводомъ къ обжалованію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствій пастора по принадлежности; рядомъ съ этимъ въ пунктѣ пятомъ устанавливалась и отвѣтственность за ослушаніе т. е. по 29 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. До крещенія Гаута дѣло не дошло, ибо энергичный урядникъ во время обряда насильно удалилъ Гаута изъ толпы собравшейся для воспріятія крещенія.

Это была двойная удача полиціи; я говорю двойная потому, что толпа баптистовъ не перешла, какъ могло однако случиться, изъ молитвеннаго въ воинственное настроеніе—но и такая удача не обезоружила лютеранствующую православную власть. Оказалось, что въ этотъ же злополучный день 27 мая Ульбертъ окрестилъ двухъ дѣтей лютеранъ, по желанію ихъ родителей баптистовъ—въ баптизмъ, не истребовавъ отъ нихъ свидѣтельства лютеранскаго пастора. Съѣздъ вслѣдъ за „добавочнымъ мировымъ судьей“ призналъ по этому поводу Ульберта виновнымъ по 29 ст., но Правительствующій Сенатъ кассировалъ все производство, признавъ п. 4 губернаторскаго циркуляра—незаконнымъ постановленіемъ, и дѣяніе

Ульберта—не заключающимъ въ себѣ признаковъ преступленія.

Не входя въ сложныя детали дѣла, укажу только, что эта попытка религіознаго закрѣпощенія лютеранъ основана была не на одномъ только недоразумѣніи юридическаго характера, а въ этомъ то и значеніе самого случая. Юридическое недоразумѣніе заключалось въ томъ, что правило о свидѣтельствахъ лютеранскихъ пасторовъ, установленное въ видахъ регистраціи для случаевъ перехода лютеранъ изъ одного прихода въ другой (461 ст. уст. иностр. испов.), было перенесено губернаторскимъ циркуляромъ на случаи совершеннаго выхода изъ лютеранства въ баптизмъ, тоже имѣющій организацію приходскую; хотя примѣчаніе къ ст. 779 того же устава (XI... св. зак. ч. 1) и дозволяетъ желающимъ прозелитамъ пользоваться этимъ порядкомъ вмѣсто обращенія къ сложному порядку (6 ст. уст. иностр. исп.) перехода въ баптизмъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; но всетаки такой порядокъ для нихъ необязателенъ. Изученіе мотивовъ и исторіи этого закона совершенно ясно устанавливаетъ причины этой осторожности; вполне естественно было ожидать, что лютеранскіе пасторы будутъ отказывать въ выдачѣ свидѣтельствъ („о заявленіи желанія перейти“ (sic!)) на переходъ въ баптизмъ; это и оправдалось на дѣлѣ и даже предусматривается, какъ мы видѣли п. 4, циркуляра отъ 16 октября.

Суть дѣла однако была въ томъ, что Ульбертъ слыветъ на мѣстѣ за наставника, необыкновенно успѣшно привлекающаго лютеранъ въ баптизмъ и противъ него давно ведется организованная борьба.

Этотъ случай, какъ я уже упоминалъ наглядно показываетъ, что, несмотря на давно введенное даже въ наше Уложеніе коренное различіе между совращеніемъ и совершеніемъ требъ для инославныхъ—мотивъ узко религіозный, исповѣдное крѣпостничество все старается увидѣть здѣсь моментъ благопріятный для себя, въ смыслѣ вмѣшательства; излишне повторять, насколько важно слѣдить по этому не только за вѣрнымъ примѣненіемъ законовъ о совращеніи и отпаденіи вообще, а также и за делигетами *sui generis* въ частности.

Достаточно въ этомъ отношеніи незначительнаго недосмотра со стороны суда и судъ превращается въ орудіе мѣсты и лицъ, осуществляющихъ нынѣ вѣроисповѣдное гоненіе въ Россіи, становится невольно въ число факторовъ, вызывающихъ къ жизни ереси и поднимающихъ сектантовъ до фанатизма, до вспышекъ и беспорядковъ.

А. М. Воврищевъ-Пушкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II.

НАДЗОРЪ ЗА ДѢЯТЕЛЬНОСТЮ ГУБЕРНАТОРОВЪ.

(Историко-юридическій очеркъ).

Конецъ XIX в. ознаменовался расширеніемъ дѣятельности губернаторовъ; не вдаваясь въ подробности достаточно напомнить законъ 12 іюля 1889 г. (о земскихъ участковыхъ начальникахъ), земское положеніе 1890 г. и городовое положеніе 1892 г., и наконецъ, законы 1900 г.: 1) о фиксаціи земскаго положенія и 2) объ изыятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земствъ. И вотъ рядомъ со столь быстрымъ развитіемъ дѣятельности губернаторовъ совершенно не развивается *надзоръ за ихъ дѣятельностью*, который въ качествѣ условія, обезпечивающаго законность въ мѣстномъ управленіи, является краеугольнымъ камнемъ правильной организаціи мѣстнаго управленія. Вопросы обезпеченія законности въ управленіи стали лишь недавно (послѣдніа десятилѣтія) занимать государствовѣдovъ. Что касается русской литературы, то она очень бѣдна въ этомъ отношеніи, и это даетъ мнѣ право предложить настоящій историческій очеркъ надзора за дѣятельностью губернаторовъ.

Вопросъ этотъ, какъ мнѣ кажется, имѣетъ въ настоящее время особенно важное значеніе, именно, въ виду той роли, которую теперь играютъ губернаторы въ мѣстномъ управленіи. Для удобства изложенія очеркъ раздѣленъ на три части: 1) надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ до учрежденія о губерніяхъ 1775 г.; 2) надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ отъ учр. 1775 г. до реформъ 60-хъ г.г. XIX в., и 3) надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ послѣ реформъ 60-хъ г.г. XIX вѣка.

I.

Положеніе надзора за дѣятельностью областной администраціи въ XVII в. было очень плохо. Правительство сравнительно больше обращало вниманіе на надзоръ за финансовой дѣятельностью воеводъ; но вообще, благодаря совокупности многихъ причинъ, „контрольное начало въ XVII вѣкѣ не имѣло самостоятельнаго юридическаго значенія“¹⁾. При Петрѣ Великомъ недостатокъ подходящихъ лицъ для массы новыхъ должностей въ губерніяхъ, а также крайне плохое обезпеченіе этихъ лицъ въ связи со всеобщей необразованностью,—все это породило необходимость организовать строгій и сложный надзоръ за губернской администраціей²⁾. Необходимость такого надзора сознавалась и правительствомъ, и многими представителями тогдашней администраціи; такъ извѣстный Курбатовъ въ своемъ проектѣ реформы администраціи³⁾ указывая, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при канцеляріи тайныхъ дѣлъ, было нѣсколько лицъ, посылавшихся для тайно-нужныхъ посылокъ, совѣтуетъ примѣнять эту мѣру для наблюденія за дѣятельностью губернаторовъ.

Въ своемъ проектѣ, говоря объ устройствѣ высшаго правительственнаго учрежденія—кабинетъ-коллегіума или архиканцеляріи, Курбатовъ говоритъ: „а въ нужнѣйшихъ дѣлахъ ради увѣданія и досмотра посылать изъ того правленія знатныхъ и вѣрнадежныхъ особъ посылаемымъ провѣдывать каковыми порядки управляють народъ и государственные сборы губернаторы, вице-губернаторы. . . .“⁴⁾

Кромѣ этого образца для надзора за мѣстной администраціей былъ подъ руками и другой,—это шведскіе фискалы. Какъ мы увидимъ впоследствии Петръ Великій воспользовался обоими этими образцами.

Губернаторъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, начальникомъ данной губерніи, центральная власть, по общему правилу, сносилась съ нимъ, на немъ лежала отвѣтственность за дѣятельность остальныхъ чиновъ областной администраціи и поэтому прежде всего и сильнѣе

¹⁾ Объ этомъ вопросѣ см. По л е ж а е в ъ—Журналъ Министерства Юстиціи за 1859 г.

²⁾ Лешковъ.—Русскій Вѣстникъ 1859 г. т. 24, стр. 348—349.

³⁾ Павловъ-Сильванскій.—Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго.

⁴⁾ Въ подтвержденіе основательности своего проекта Курбатовъ прибавляетъ „въ древнихъ исторіяхъ есть писано, во время состоянія монархіи персидскія были для так. посылокъ избранные вѣрнадежные люди“.

всего необходимъ былъ надзоръ за нимъ. По справедливому замѣчанію проф. Градовскаго, до Петра Великаго царила система довѣрія къ служилому классу, а съ Петра—система организованнаго недоувѣрія. Мнѣ, для полноты характеристики, остается прибавить, что недоувѣріе это было вполне основательно.

При изложеніи надзора за дѣятельностью губернаторовъ я долженъ прежде всего остановиться на учрежденіяхъ и лицахъ, осуществлявшихъ надзоръ. До учрежденія Сената таковымъ была ближняя канцелярія; ей одной были подчинены губернаторы и посылали по разнымъ вопросамъ доношенія ¹⁾. Указомъ 22 февраля 1711 года объявлено: „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“, послѣ списка сенаторовъ въ этомъ этомъ же, учреждавшемъ Сенатъ указѣ, устанавливается отношеніе губернатора (правда лишь московскаго) къ Сенату,—первый долженъ губернію управлять и доносить второму. Указомъ 2 марта 1711 г. объявлено: „повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ военнаго и земскаго управленія высшимъ и нижнимъ чинамъ, что мы опредѣлили управительный Сенатъ, которому всякъ ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ Самому“ ²⁾.

Затѣмъ другимъ указомъ того же 2 марта набросана программа дѣйствій учрежденнаго Сената, которая состоитъ: 1) въ поддержаніи правосудія, 2) комплектованіи и довольствіи арміи и въ 3) дѣятельности финансовой.

Но на мѣстѣ, въ губерніи губернаторъ дѣлалъ тоже.

Эти три указа, по обычаю того времени, намѣчали лишь самыя общія черты новаго учрежденія; предоставляя дальнѣйшему законодательству и главнымъ образомъ практикѣ установить подробности.

Выяснилось лишь слѣдующее: 1) что губернаторы должны исполнять предписанія сената и вообще подчиняться сенату такъ же, какъ самому монарху, и 2) что губернаторы во *всѣхъ родахъ* своей дѣятельности подчинены сенату, который, являясь начальникомъ губернаторовъ, имѣетъ надзоръ за всѣми родами ³⁾ ихъ дѣятельности ⁴⁾,

¹⁾ Ближняя канцелярія по краткости времени, въ теченіе котораго она осуществляла надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ и благодаря отсутствію помощниковъ не сыграла никакой роли въ исторіи надзора за дѣятельностью губернаторовъ.

²⁾ П. С. З. № 2328.

³⁾ П. С. З. по указу за № 2330 за дѣятельностью финансовой, военной и полицейской.

⁴⁾ П. С. З. № 2330 особенно пункты 2-й и 6-й.

3) по малолетству сената и по разнообразію порученныхъ ему дѣлъ можно заключить, что онъ не предназначался для непосредственнаго управленія государственными дѣлами, а прямымъ его назначеніемъ былъ именно высшій надзоръ и контроль ¹⁾ за дѣятельностью губернаторовъ, въ рукахъ которыхъ была сосредоточена тогда вся тяжесть государственнаго управленія. Но затѣмъ съ помощью какихъ лицъ долженъ осуществляться надзоръ, каковы его средства, наконецъ, условія привлеченія къ отвѣтственности и наказанія виновныхъ,—все это, въ значительной степени, должно было выяснить будущее.

Уже вскорѣ послѣ своего учрежденія сенатъ былъ на столько обремененъ дѣлами, что необходимо было что нибудь предпринять для его облегченія и въ концѣ 1712 г. дѣла, возбужденныя по донесеніямъ фискаловъ, были переданы въ расправную палату ²⁾, которая состояла при сенатѣ и какъ бы имъ заслонялась. Въ нее также передавалось большинство ³⁾ дѣлъ *судебныхъ*, поступавшихъ въ сенатъ, такимъ образомъ ей приходилось разбирать постоянно апелляціи на губернаторовъ. Указъ 1713 г., опредѣляющій дѣятельность расправной палаты, говоритъ: „ежели кто будетъ бить челомъ о неправомъ вершеніи на губернаторовъ . . . и по такимъ челобитнымъ, такія вершенныя дѣла брать въ расправную палату и указъ чинить“ ⁴⁾. . . . Изъ дальнѣйшихъ словъ того же указа видно, что расправной палатѣ принадлежалъ надзоръ за быстротой рѣшенія судебныхъ дѣлъ губернаторами ⁵⁾, расправная палата посылала губернаторамъ *указы* и могла брать съ нихъ штрафы (расправная палата существовала до учрежденія коллегій). То же обстоятельство, которое вызвало передачу части сенатскихъ дѣлъ расправной палатѣ, заставило Петра Великаго повѣрку финансовыхъ отчетовъ, сперва возложить на особаго счетчика при сенатѣ, а потомъ передать ближней канцеляріи (1714 г.), которая по всѣмъ дѣламъ, касающимся контроля надъ финансовой дѣятельностью губернаторовъ, стала въ подчиненное положеніе по отношенію къ сенату ⁶⁾, по удач-

¹⁾ Градовскій—Собр. сочин. т. I стр. 118.

²⁾ Впрочемъ, и изъ позднѣйшихъ указовъ видно, что фискальскія дѣла, вѣроятно важнѣйшія, рѣшались въ сенатѣ.

³⁾ Лишь наиболѣе важныя рѣшалъ самъ сенатъ.

⁴⁾ П. С. З. № 2710.

⁵⁾ „А ежели люди стануть приносить въ расправной палатѣ челобитныя . . . что губернаторы . . . въ многопродолженное время по дѣламъ ихъ указу не чиняютъ . . . и такія челобитныя принимать . . . и посылать въ губернаторамъ указы, дабы по тѣмъ ихъ дѣламъ чинили указъ безволокитно . . .“

⁶⁾ Петровскій.—О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 37.

ному выраженію одного современнаго изслѣдователя ¹⁾, при контролѣ финансовой дѣятельности губернаторовъ, сенату принадлежала активная роль, ближней канцеляріи — пассивная ²⁾. Учрежденіе коллегій многое измѣнило въ организациі надзора за губернаторами, прежде всего и главнымъ образомъ, тѣмъ, что коллегіи стали въ непосредственное отношеніе къ губернаторамъ, которые были имъ подчинены во всѣхъ родахъ своей дѣятельности и лишь въ экстренныхъ случаяхъ, по дѣламъ, которыя „не прилежатъ“ коллегіямъ „яко о начати какой войны, мора или замѣшанія или какихъ припадковъ“, могли обращаться непосредственно къ сенату. Такимъ образомъ, сенатъ освободился отъ многихъ, непосильныхъ для него обязанностей и могъ больше сосредоточиться на функціи надзора; впрочемъ, губернаторы гораздо чаще фактически сносились непосредственно съ сенатомъ, который почти одинаково въ продолженіи всего XVIII в. былъ обремененъ дѣлами. Въ 1722 г. при сенатѣ учрежденъ генералъ-рекетмейстеръ, который долженъ былъ принимать жалобы отъ частныхъ лицъ на незаконность всякаго рода; дѣла попадали къ нему, пройдя уже всѣ инстанціи.

Въ томъ-же году учреждена сенатская контора въ Москвѣ, которая наблюдала за губернаторами ближайшихъ къ Москвѣ губерній и о замѣченномъ должна была доносить сенату, не имѣя, однако, права сама штрафовать губернаторовъ. Въ то время, когда сенатъ вмѣстѣ съ Дворомъ переѣзжалъ въ Москву, такая контора образовывалась въ Петербургѣ.

При сенатѣ была канцелярія, черезъ которую проходили всѣ дѣла прежде, чѣмъ попасть собственно въ сенатъ. Канцелярія эта раздѣлялась на столы, между которыми безо всякой системы, по чисто случайнымъ обстоятельствамъ, распредѣлялись дѣла: 1) въ секретный столъ въ числѣ разныхъ важныхъ дѣлъ подавались донесенія губернаторовъ; 2) приказный столъ вѣдалъ Московскую губернію (и другія дѣла); 3) губернский столъ — остальные губерніи (и др. дѣла). Кромѣ этихъ были и еще столы.

Таково распредѣленіе губернскихъ дѣлъ въ первое время по учрежденіи сената, но оно впослѣдствіи часто и многократно измѣнялось по чисто внѣшнимъ причинамъ.

¹⁾ Проф. Мрочекъ-Дроздовскій. — Областное управленіе Россіи XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ 1775 г. ч. I.

²⁾ Такимъ образомъ, на этотъ разъ ближняя канцелярія сыграла роль въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ, но роль вспомогательную, второстепенную.

Въ сенатѣ дѣла рѣшались до 1714 года единогласно, съ этого-же времени и до раздѣленія сената, при Екатеринѣ II-ой, на департаменты ¹⁾ по большинству голосовъ.

По Петровскому законодательству лишь сенатъ могъ штрафовать губернаторовъ (Расправная палата, представлявшая изъ себя учрежденіе, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ сенатомъ, какъ сказано, тоже пользовалась этимъ правомъ). И впоследствии, при преемникахъ Петра В. правило это подтверждалось и соблюдалось за исключеніемъ времени существованія кабинета, когда коллегіи могли штрафовать губернаторовъ. Все время до учрежденія 1775 г. сенатъ продолжалъ быть центральнымъ и главнѣйшимъ органомъ надзора за дѣятельностью губернаторовъ, что подтверждается многочисленными указами, напр. наказъ губернаторамъ 1728 г. ²⁾ говорить, что „бить челомъ на губернатора въ обидахъ“ надо сенату; по наставленію губернаторамъ 1764 г. ³⁾: „губернаторъ . . . состоять имѣть подъ собственнымъ нашимъ и сената нашего вѣдѣніемъ, почему и указы только отъ насъ и сената Нашего приемотреть“. По этому наставленію сенатъ уже является единственнымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ право самостоятельнаго контроля надъ дѣятельностью губернаторовъ, коллегіи же играли только служебную роль. Такое положеніе сената создано еще при Елизаветѣ, когда съ сенатомъ, всецѣло и энергично управлявшимъ государствомъ, не могло, конечно, конкурировать какое-либо другое учрежденіе въ дѣлѣ надзора за губернаторами. Но не одинъ сенатъ стоялъ надъ губернаторами, контролируя ихъ дѣятельность; на этомъ же поприщѣ дѣйствовали и коллегіи, хотя онѣ и не были облечены такой полнотою власти по отношенію къ губернаторамъ, не имѣя права, за исключеніемъ времени существованія кабинета, налагать на губернаторовъ взысканія. Въ общемъ, коллегіи, помогая сенату въ дѣлѣ надзора за губернаторами, не имѣли, въ качествѣ органовъ надзора, серьезнаго самостоятельнаго значенія. Но всѣ коллегіи получили право посылать губернаторамъ указы, слѣдовательно, всѣ коллегіи вошли въ непосредственное сношеніе съ губернаторами. Для исторіи губернскихъ учрежденій вообще и для исторіи губернаторской должности особенно, надо, однако, обратить вниманіе на камеръ-коллегію, которой губернаторы должны были рапортовать о разныхъ

¹⁾ Петровскій. — О сенатѣ въ царствованіе Петра В. стр. 336-ой.

²⁾ Наказъ губернаторамъ 1728 г. пунктъ 8.

³⁾ Наставленіе губернаторамъ 1764 г. пунктъ 1-ой.

сборахъ ¹⁾ и которая должна была имѣть „наибольшую корреспонденцію съ губернаторами“ и могла не только требовать отъ нихъ отвѣтовъ, по дѣламъ ея касающимся, но и подавать губернаторамъ совѣты ²⁾. Наконецъ, камерь-коллегія должна была „по должности своей имѣть смотрѣніе за губернаторами крѣпко, дабы всѣ . . . сборы по окладамъ собраны были сполна“ ³⁾. Такимъ образомъ камерь-коллегія являлась органомъ надзора за важнѣйшей дѣятельностью губернатора—за сборомъ доходовъ.

Въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ губернаторами была также и юстицъ-коллегія; въ качествѣ апелляціонной инстанціи для суда губернатора, она контролировала его судебную дѣятельность, но кромѣ того ей же были переданы, по уничтоженію расправной палаты, дѣла за исключеніемъ важнѣйшихъ, возникшія по донесеніямъ фискаловъ.

Большинство дѣлъ этого рода раскрывала злоупотребленія губернскихъ чиновниковъ, и потому рѣшеніе ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ, не могло не отражаться на губернаторахъ, такъ какъ до центральныхъ учреждений доходили лишь тѣ фискальскія дѣла, въ разсмотрѣніи которыхъ губернаторами или было отказано или которыя были вершены несправедливо, слѣдовательно, тутъ осуществлялся контроль надъ дѣятельностью губернаторовъ, по разбору дѣлъ начившихся фискалами; вскорѣ часть этихъ дѣлъ перешла въ ревизіонъ-коллегію. По сдачѣ-же должности губернаторы подавали въ юстицъ-коллегію вѣдомости о судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ.

Военная коллегія контролировала дѣятельность губернаторовъ въ качествѣ начальниковъ гарнизоновъ и затѣмъ совмѣстно съ камерь-коллегіей наблюдала за своевременнымъ сборомъ подушной подати; поэтому губернаторы должны были посылать періодическіе рапорты о сборѣ подушной подати и военной и камерь-коллегіямъ одновременно.

Штатскъ-канцлеръ коллегія, бывшая центральнымъ расходнымъ казначействомъ, вѣдала надзоръ за своевременной присылкой губернаторами слѣдуемыхъ денегъ ⁴⁾.

Черезъ нѣсколько дней по учрежденіи сената учреждены фискалы (2-го марта); черезъ три дня послѣ ихъ учрежденія въ самыхъ общихъ чертахъ изложена организація и дѣятельность этого института,

¹⁾ Наказъ губернаторамъ 1728 г. пунктъ 25-й.

²⁾ Петровский. — О сенатѣ въ царств. Петра В.

³⁾ Наказъ губернаторамъ 1728 г. пунктъ 25-й.

⁴⁾ Во время своего краткаго существованія ревизіонъ-коллегія тоже надзи-рала за финансовой дѣятельностью губернатора и особенно слѣдила за отчет-ностью.

причемъ сразу же выдвинулось значеніе фискаловъ, въ качествѣ органовъ, содѣйствующихъ сенату въ надзорѣ за губернскимъ управленіемъ. Указъ этотъ ¹⁾ устанавливаетъ цѣпь фискаловъ,—1) во главѣ стоитъ оберъ-фискаль, 2) подъ нимъ провинціаль-фискалы, 3) у каждаго дѣла по одному фискалу, которые подъ собою имѣютъ 4) нѣсколько „нижнихъ фискаловъ“.

Дѣятельность фискаловъ: „тайно надъ всѣми дѣлами надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, также въ сборѣ казны и прочаго (т. е. какъ разъ предписывается надзоръ за тѣми дѣлами, которыя составляли функціи губернатора) и кто неправду учинить, то долженъ фискаль позвать его передъ Сенатъ (какой степени ни есть, т. е. самыхъ высшихъ чиновниковъ, а слѣдовательно, и губернаторовъ) и тамъ его уличать“.

Такимъ образомъ, этими указами созданы были дѣятельные помощники сената по надзору за управленіемъ и судомъ вообще и за губернаторскимъ управленіемъ и судомъ въ частности. Законодатель, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ указовъ, установилъ лишь самыя общія черты института фискаловъ, предоставляя дальнѣйшее его развитіе законодательству и практикѣ сената. И дѣйствительно, и законодательство и практика не мало занимались этимъ институтомъ и создали ему очень опредѣленное юридическое положеніе. Въ указѣ 1714 года (марта 17-го) уже подробнѣе и обстоятельнѣе развивается предметъ вѣдѣнія фискаловъ, охватывая всю дѣятельность губернаторовъ, причемъ строго опредѣляется іерархическая послѣдовательность подачи доносовъ,—провинціаль-фискаль долженъ доносить губернатору, „А буде губернаторъ . . . розыскъ чинить будетъ неправой-же, или самъ впадетъ въ какое прегрѣшеніе; и о томъ провинціаль фискалу писать къ оберъ фискалу съ товарищи, а ему доносить въ сенатъ“.

Въ этомъ-же указѣ прибавлено,—„въ дѣлахъ взысканіе имѣть съ 1700-го году, а далѣ не починать“. Такимъ образомъ были установлены: 1) предметъ надзора, 2) порядокъ донесеній и 3) предѣлы надзора во времени.

Указъ 1717 года ²⁾, измѣнивъ сущность института, установилъ лишь нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ подачи доносовъ; такъ провинціаль-фискалы должны были теперь доносить не „оберъ-фискалу съ товарищи“, а въ канцелярію сената. Практикѣ пришлось разъяснить и развитъ еще больше, чѣмъ этимъ приведеннымъ и другимъ

¹⁾ П. С. З. № 2331.

²⁾ П. С. З. № 3081.

бывшимъ указомъ. Отвѣчая на вопросы перваго оберъ-фискала. Былинскаго, сенатъ указалъ, какъ, въ какихъ случаяхъ и съ какими полномочіями должны дѣйствовать фискалы. По справедливому замѣчанію профессора Градовскаго, главнымъ лицомъ системы фискаловъ—былъ провинціалъ-фискаль, который игралъ такую-же важную роль въ надзорѣ за областнымъ управленіемъ, какъ губернаторъ въ самомъ этомъ областномъ управленіи.

Въ 1719 году при передачѣ фискальскихъ дѣлъ въ юстицѣ коллегію, ей-же былъ подчиненъ и оберъ-фискаль. Дѣятельность фискаловъ, оказалось, не чужда многихъ злоупотребленій и очень любопытно, что Петръ приписалъ это тому, что фискалы были взяты изъ людей низкаго происхожденія, неранговыхъ и поспѣшилъ исправить ошибку,—въ указѣ 1723 года 22 февраля говорится: „понеже фискалы въ началѣ распорядка статскихъ дѣлъ въ скорости выбраны были изъ самыхъ нижнихъ людей.... которые нынѣ явились въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ.... нынѣ фискалы опредѣлены изъ знатныхъ офицеровъ“.

Въ 1723 году назначенъ главой фискаловъ генераль-фискаль. Съ учрежденіемъ генераль прокурора фискалы были подчинены ему.

Не останавливаясь больше на этихъ и другихъ, не указанныхъ мною, измѣненіяхъ которыя претерпѣвали фискалы, такъ какъ измѣненія эти были чисто формальнаго свойства, не измѣняя сущности института и его надзора за губернаторами, я упомяну лишь объ указѣ Екатерины I въ 1725 году ¹⁾, въ которомъ наиболѣе полно и обстоятельно вылился институтъ фискаловъ; значеніе этого указа чисто систематизаціонное; онъ не внесъ ничего новаго ²⁾. Я не останавливаюсь на земскихъ фискалахъ потому, что они не существовали и указъ о нихъ остался на бумагѣ.

Съ учрежденіемъ прокуратуры фискалы отѣсняются на задній планъ, становятся, до извѣстной степени даже излишними, такъ какъ многія функціи ихъ дѣятельности переходятъ къ прокурорамъ ³⁾. Про существовали фискалы до учрежденія о губерніяхъ 1775 года, причемъ вторую и большую часть періода своего существованія про нихъ именно можно сказать лишь, что они существовали, а отнюдь не жили и дѣйствовали ⁴⁾.

¹⁾ П. С. З. № 4698.

²⁾ По этому вопросу крайне обстоятельно у г-на Петровскаго.—О сенатѣ въ царствованіе Петра В.

³⁾ Тамъ же стр. 156.

⁴⁾ Я не останавливаюсь на генераль-ревизорѣ, оберъ-секретарѣ и штабъ-

Въ числѣ лицъ, помогавшихъ сенату, въ надзорѣ за администраціей вообще и за мѣстной администраціей въ частности, были прокуроры. Этотъ институтъ оказался гораздо жизненнѣе института фискаловъ и игралъ большую роль въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода. Дѣятельность прокуроровъ фактически хотя и оченьближается съ дѣятельностью фискаловъ, но она основана на другомъ принципѣ. Сущность фискальской должности—тайный досмотръ, тайное провѣдываніе про совершенныя преступленія¹⁾. Фискаль долженъ былъ быть всюду, гдѣ онъ могъ добыть нужныя свѣдѣнія, для обнаруженія злоупотребленій и уличенія кого-либо. Прокуроры же осуществляли гласный надзоръ за должностными лицами и учреждениями, имѣя право вмѣшиваться, извѣстнымъ образомъ, въ дѣятельность тѣхъ и другихъ, предупреждая совершеніе нѣкоторыхъ дѣйствій, а въ случаѣ совершившихся злоупотребленій должны были доносить въ установленномъ порядкѣ. Такимъ образомъ фискалы содѣйствовали лишь надзору карательному, если такъ можно выразиться, а прокуроры и карательному и кромѣ того предупредительному. Во главѣ прокураторы стоялъ генераль-прокуроръ, который долженъ былъ смотрѣть, „чтобы въ сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствіямъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ“; конечно, будучи облеченъ такою властью, имѣя помощниковъ на мѣстахъ въ лицѣ фискаловъ, а потомъ и губернскихъ прокуроровъ²⁾, генераль-прокуроръ игралъ весьма значительную роль въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ³⁾.

Для надзора за дѣятельностью губернаторовъ, первое время по учрежденіи генераль-прокурора, не было особыхъ прокуроровъ въ губерніяхъ, были лишь прокуроры надворныхъ судовъ, которые наблюдали за дѣятельностью этихъ судовъ. Но съ уничтоженіемъ Петровскихъ губернскихъ учреждений и съ усиленіемъ власти губернатора

офицерахъ гвардіи, въ роли надзирателей за сенатомъ, потому, что они хотя и существовали не только на бумагѣ и должны были содѣйствовать сенату въ надзорѣ за исполненіемъ его указовъ и проч., но сколько нибудь серьезнаго значенія ихъ дѣятельность не имѣла.

¹⁾ Петровский.—О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 157.

²⁾ Указы о губернскихъ прокурорахъ въ 1731 и 1733 годахъ II. С. З. №№ 5736 и 6475.

³⁾ Проф. Энгельманъ преувеличиваетъ вообще значеніе генераль-прокурора—Das Staatsrechts es Ruissccshen Reichs § 35; правильнѣе у проф. Градовскаго,—„Высшая админ. и ген.-прокуроры“.

вполнѣ естественно было создать губернскаго прокурора, которому въ 1733 году дана инструкція „смотреть накрѣпко, дабы губернаторъ съ товарищи должность свою хранили и въ званіи своемъ во *всѣхъ дѣлахъ* истинно и ревностно, безъ потерянiя времени *всѣ дѣла* порядочно отправляли по регламенту и указамъ“¹⁾. Такимъ образомъ, прокуроръ долженъ былъ имѣть надзоръ за всѣми родами дѣятельности губернатoра. Эта же инструкція указываетъ, что въ частности и въ особенности прокуроры должны были обратить вниманіе на финансовую дѣятельность губернатора, на правосудіе и проч. Прокуроры подавали о замѣченномъ донесенiя генераль-прокурору, который, уже для рѣшенiя, передавалъ дѣла по принадлежности въ коллегіи или сенатъ²⁾; такимъ образомъ, изъ этого указа ясно видна служебная вспомогательная роль прокуроровъ въ организаціи надзора за дѣятельностью губернаторовъ; но въ этой своей вспомогательной роли они обладали большими полномочіями, имѣя право протестовать противъ дѣйствій губернатора „въ судахъ и расправахъ“, останавливая этимъ данныя дѣйствiя и перенося ихъ такимъ образомъ на усмотрѣніе высшей инстанціи.

Значеніе губернскихъ прокуроровъ, не только не уменьшалось вполсѣдствіи, но даже увеличивалось, по крайней мѣрѣ, юридически. Создался порядокъ, по которому всякое рѣшеніе губернскаго присутственнаго мѣста не могло быть приводимо въ исполненіе, пока оно не было представлено прокурору и пока прокуроръ съ нимъ не согласился,—нарушеніе этого порядка вызвало подтвердительный указъ сената въ 1767 году³⁾.

При перечисленіи лицъ, служившихъ для надзора за губернаторами, надо упомянуть еще: 1) о полковникахъ и офицерахъ, 2) о сенаторахъ и 3) о комиссарахъ.

Создавъ фискаловъ и прокуроровъ, законодатель все еще не былъ удовлетворенъ положеніемъ надзора за губернаторами и принялъ странную, на нашъ современный взглядъ, мѣру⁴⁾,— въ указѣ 1724 г.⁵⁾

1) П. С. З. № 6475.

2) П. С. З. № 6475, пунктъ 2.

3) П. С. З. № 12867.

4) При Петрѣ Великомъ бывали случаи, что сенаторовъ судила военная комиссія изъ капитановъ и поручиковъ; конечно, это, такъ же, какъ и предоставленіе полковникамъ надзора за губернаторами, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что офицеры того времени были лучшими, во *всѣхъ* смыслахъ, представителями тогдашней интеллигенціи.

5) П. С. З. № 4535.

читаемъ, „когда изъ Сената или изъ коллегій и канцелярій къ губернаторамъ и воеводамъ и прочимъ управителямъ присылаться будутъ о какихъ дѣлахъ указы, а оныя по тѣмъ указамъ отправленіе будутъ чинить медленно, тогда полковникамъ . . . а въ небытность ихъ оставшимъ офицерамъ, ежели увидятъ или увѣдаютъ . . . оныя управители, что чинить стануть въ противность тѣхъ указовъ . . . о томъ имъ развѣдавъ подлинно, писать въ тѣ мѣста откуда какіе указы будутъ присланы“, т. е. въ сенатъ или въ коллегіи, такъ какъ лишь эти учрежденія могли посылать губернатору указы. Весьма вѣроятно, что проектъ Курбатова, относительно надзора за дѣятельностью губернаторовъ съ помощью посылаемыхъ изъ „архиканцелярій“ „вѣрнадежныхъ людей“, легъ въ основаніе указа Петра о сенатскихъ ревизіяхъ, по которому „для смотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобъ во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать каждый годъ изъ сенатскихъ членовъ по одному“¹⁾. . . .

Ни сенаторы, ни полковники съ офицерами, не сыграли никакой роли въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ. Насколько извѣстно, не было даже ни одной такой послышки сенатора, ни при Петрѣ Великомъ, ни при его преемникахъ въ теченіе всего періода до учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Такимъ образомъ, мы встречаемся здѣсь съ должностными лицами, юридически долженствовавшими помогать сенату и коллегіямъ въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ, фактически же не имѣвшими значенія, но былъ и обратный случай, — комиссары отъ губерній, предназначенные лишь служить передаточной инстанціей, благодаря практикѣ сената, наблюдали также, чтобы указы, посылавшіеся губернаторамъ, исполнялись какъ можно скорѣе. Съ 1756 года (19 ноября) иногда являются въ качествѣ фактическихъ контролеровъ дѣятельности губернаторовъ „главные сыщики воровъ и разбойниковъ“, распоряженія которыхъ губернаторы должны были исполнять безпрекословно²⁾.

Уже изъ перечисленія учреждений и лицъ, отправлявшихъ надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ, достаточно выяснилось, что контролировалась вся совокупность губернаторской дѣятельности, хотя нельзя не признать, что наибольшее вниманіе законодателя было сосредоточено на финансовой дѣятельности губернатора, какъ на важнѣйшей его функціи. Высказанное мною сейчасъ положеніе будетъ подтверждаться

¹⁾ П. С. З. № 3931.

²⁾ Лешковъ. Раздѣленіе Россіи на губерніи и области по законамъ Петра Великаго и Екатерины II-й. Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 172 (1863 г.).

ниже, при изложеніи средствъ надзора. Забѣгая нѣсколько впередъ, я замѣчу, что наибольшее число средствъ давалъ законодатель именно для надзора за финансовой стороною дѣятельности губернаторовъ. При изложеніи средствъ, содѣйствовавшихъ центральнымъ учреждениямъ, отправлять надзоръ за губернаторами, можно ихъ, для удобства перечисленія, соединить въ нѣсколько группъ:

I. Различныя доношенія губернаторовъ, не имѣющія характера періодическаго, такъ напримѣръ, доношенія о полученіи какого либо указа, почему по этому указу не исполнено немедленно; доношенія Сенату о разныхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ и проч.

II. Очень важную роль для надзора играла всякаго рода отчетность губернатора и особенно финансовая. До учрежденія Сената ревизія финансового управленія была поручена ближней канцеляріи, куда губернаторы и должны были посылать третныя и годовыя вѣдомости; по учрежденіи Сената это дѣло перешло въ его руки. Особенно большое вниманіе Сенатъ обратилъ на отчетность губернаторовъ ¹⁾ въ 1714 г. когда потребовалъ себѣ отъ нихъ „вѣдомостей о всякихъ сборахъ и расходахъ съ 1701 по 1714 г.“, т. е. даже за много лѣтъ, когда губерній и губернаторовъ не существовало, причѣмъ Сенатъ въ 22-хъ пунктахъ изложилъ вопросы, на которые предстояло отвѣтить губернаторамъ. Въ томъ же 1714 году Сенатъ приказалъ губернаторамъ подавать себѣ полугодичныя вѣдомости, содержащія полный отчетъ по общегубернскому управленію ²⁾. Иногда же при сборѣ свѣдѣній о финансахъ, для какихъ либо спеціальныхъ цѣлей, требовались подлинныя приходорасходныя книги. Позднѣйшее законодательство повторяло неоднократно о присылкѣ губернаторами періодическихъ отчетовъ, но не измѣняло, сколько нибудь существенно Петровскихъ указовъ. Наказъ губернаторамъ 1728 года установилъ только болѣе краткіе періоды отчетности по сбору разныхъ денегъ, въ томъ числѣ и подушной подати, — „рапорты“, представлявшіе изъ себя краткую вѣдомость о приходѣ, должны были присылаться ежемѣсячно. Кромѣ того, оставлены и третныя вѣдомости. Хотя эта періодическая отчетность губернаторовъ и была далека отъ идеала, но все-же установленіе ея на опредѣленныхъ началахъ, представляетъ въ дѣлѣ отчетности значительный шагъ впередъ, по сравненію съ XVII вѣкомъ. Законодательствомъ 30-хъ годовъ XVIII вѣка было установлено; что по сдачѣ своей должности губернаторъ долженъ былъ пріѣхать въ столицу и представить

¹⁾ П. С. З. № 2774.

²⁾ П. С. З. №№ 2774, 2776 и др.

соответственные отчеты въ Сенатъ и военную камеръ и юстицъ коллегію ¹⁾.

Ш. Жалобы частныхъ лицъ, приносимыя на незаконность всякаго рода, для пріема которыхъ учреждена была при Сенатѣ особая должность генераль-рекетмейстера ²⁾.

Послѣдующее-же законодательство предписывало обращаться съ жалобами непосредственно въ Сенатъ, причемъ категорически опредѣляется, что можно жаловаться на незаконность дѣйствій губернаторовъ, а также вообще на всякаго рода обиды ³⁾.

IV. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для контроля дѣятельности губернатора служили донесенія фискаловъ и прокуроровъ, какъ лицъ спеціально у этого дѣла поставленныхъ и облеченныхъ извѣстными полномочіями. Пользованіе донесеніями этихъ лицъ для Сената и коллегій являлось даже обязательнымъ, такъ какъ въ случаѣ неучиненія рѣшенія Сенатомъ или коллегіями, таковыя донесенія могли доходить черезъ генераль-фискала или генераль-прокурора до носителя верховной власти, что, конечно, заставляло Сенатъ и коллегіи относиться къ нимъ съ большимъ вниманіемъ.

До насъ дошли многочисленныя свѣдѣнія, указывающія на то, что многіе прокуроры и фискалы (послѣдніе особенно въ первое время своего существованія) были очень дѣятельны и своими донесеніями раскрыли немало злоупотребленій губернаторовъ, такъ что несомнѣнно самымъ важнымъ средствомъ для надзора за губернаторами были донесенія этихъ должностныхъ лицъ, тогда какъ отчетность, имѣя все же, формальный характеръ, мало содѣйствовала раскрытію истины.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что прокуроръ, имѣя постоянное мѣстопробываніе въ губернскомъ городѣ, часто не имѣлъ возможности подмѣтить тѣ или другія злоупотребленія губернскихъ властей, творившіяся внѣ губернскаго города, что, конечно, отражалось неблагоприятно на донесеніяхъ прокуроровъ, въ качествѣ средства для надзора за дѣятельностью губернаторовъ.

V. Наконецъ, нѣкоторую роль играли отвѣты губернаторовъ на запросы Сената, вызывавшіеся обыкновенно донесеніями фискаловъ и прокуроровъ.

Обнаруженные злоупотребленія и упущенія губернаторовъ вызывали привлеченіе ихъ къ отвѣтственности и наложеніе на нихъ взысканія.

¹⁾ Указъ 1732 года.

²⁾ Въ 1722 году.

³⁾ Наказъ губернаторамъ 1728 года, пунктъ 8.

Хотя, какъ сказано выше, существовалъ надзоръ за всѣми родами дѣятельности губернаторовъ, но особенно обращалъ законодатель вниманіе отправлявшихъ надзоръ учреждений и лицъ, на важнѣйшія губернаторскія обязанности: на заботы по комплектованію арміи и сбору доходовъ; при нарушеніи ихъ наиболѣе часто губернаторы дѣйствительно привлекались къ отвѣтственности.

Наказаніями, по большей части назначавшимися закономъ для губернаторовъ за преступленія и непорядки, были: 1) денежные штрафы ¹⁾ и очень приближавшійся къ нимъ правожъ денегъ съ крестьянъ, принадлежавшихъ губернатору, 2) арестъ ²⁾, 3) смѣна ³⁾ съ губернаторскаго поста. Конечно, дѣло этимъ не ограничивалось, въ то суровое время, и наказанія достигали смертной казни. Затѣмъ во многихъ указахъ крайне щедро расточались обѣщанія „жестокаго наказанія“ и другія угрозы строгой кары.

Особенной практичностью, справедливостью и цѣлесообразностью, изъ перечисленныхъ наказаній, отличаются денежные штрафы,—это самая излюбленная кара того времени за служебныя преступленія и упущенія губернаторовъ. Не заключая въ себѣ ничего унижающаго, обиднаго, безчестящаго, значительные денежные штрафы (въ тысячу и больше рублей) были въ то-же время чувствительны для губернаторовъ.

При наложеніи денежнаго взысканія губернаторамъ иногда напоминалось, чтобы они не вздумали бы наложить наложенный на нихъ штрафъ на губернію; за подобное желаніе избѣгать заслуженной кары имъ грозило обыкновенно болѣе тяжелое наказаніе. Къ сожалѣнію, иногда денежные взысканія, налагавшіяся на губернаторовъ, обращались въ фикцію, такъ какъ бывали случаи, что ихъ предписывалось взыскивать, даже правожомъ, съ крестьянъ, принадлежавшихъ губернатору. Фактически дѣло могло представляться и представлялось нерѣдко такъ: губернаторъ вопреки указамъ, не дославъ куда слѣдуетъ положенной суммы денегъ, взялъ себѣ жалованье; тогда предписывается взыскать это жалованье съ крестьянъ губернатора, а если тѣ не захотятъ платить, ставить ихъ на правожъ. Конечно, по взгляду законодателя, тутъ было ничто иное, какъ штрафъ съ имущества губернатора, но страдалъ отъ этого, большей частью, не губернаторъ, ко-

¹⁾ П. С. З. №№ 2776, 2483 и др.

²⁾ П. С. З. № 2483.

³⁾ Наказъ губернаторамъ 1728 года пунктъ 8.

торый, съ помощью тѣхъ же палокъ, могъ иногда взять съ крестьянъ такой-же оброкъ, какой тѣ платили обыкновенно.

Изложивъ въ самыхъ общихъ чертахъ, кто осуществлялъ надзоръ, что было объектомъ надзора, каковы были средства надзора и, наконецъ, упомянувъ, какія и гдѣмъ налагались взысканія за преступленія и неисправности по службѣ, мы очертили картину юридическаго положенія надзора за дѣятельностью губернаторовъ до учрежденія о губерніяхъ 1775 года; но при юридической работѣ вообще, а при историко-юридической въ особенности, нельзя ограничиться законодательнымъ матеріаломъ—необходимо обратиться къ жизни и взглянуть, хотя бы и бѣгло, на положеніе даннаго вопроса въ дѣйствительности.

Необходимо, для полноты изложенія, указать на нѣсколько типичныхъ явленій въ исторіи надзора за дѣятельностью губернаторовъ, явленій, которыя укажутъ на результаты мѣропріятій законодателя и дадутъ намъ понятіе о фактическомъ положеніи надзора. Глава и центръ надзора за дѣятельностью губернаторовъ—Сенать—очень дѣятельно исполнялъ функцію надзора, что мы видимъ изъ массы сенатскихъ указовъ. Въ 1711 году опредѣлено „за неприсылку по многимъ указамъ подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ на Сибирскомъ и Архангельскомъ губернаторахъ, а на Московскомъ управителѣ взять штрафъ по 1000 рублей“¹⁾. Въ 1713 г. Сенать налагаетъ штрафъ на Архангельскаго вице-губернатора за недоборъ доходовъ, а второстепенныхъ чиновниковъ приказываетъ поставить на правезь. Затѣмъ штрафуетъ губернаторовъ за невысылку потребнаго числа рабочихъ для казенныхъ работъ и т. д.

Дѣятельными оказывались нерѣдко и помощники сената—фискалы и прокуроры, напримѣръ фискалами было открыто злоупотребленіе московскаго губернатора по дѣлу Савелова.

Въ 1717 году извѣстный оберъ-фискаль Алексѣй Нестеровъ доносить Сенату, что губернаторы и вице-губернаторы въ противность указамъ, не заплатя денегъ въ положенныя мѣста, забрали себѣ жалованье²⁾. По заявленію прокурора штатсъ-канторъ-коллегии, Сенать обратилъ вниманіе на недосылку изъ губерній доходовъ и проч. Несмотря на многочисленныя донесенія фискаловъ и прокуроровъ и на щедро назначавшіеся сенатомъ, штрафы, а иногда и другія взысканія, губернаторская дѣятельность оставляла желать очень и очень много-

¹⁾ Соловьевъ—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. товарищества „Общественная Польза“ т. XVI стр. 134.

²⁾ Петровскій—О сенатѣ въ царствованіи Петра Великаго стр. 126.

го,—чуть ли не на каждомъ шагѣ можно было увидѣть плохую отчетность, неаккуратность, медленность, нерадѣніе всякаго рода и всевозможныя злоупотребленія.

Негодюя на дефекты дѣятельности губернаторовъ, Петръ Великій писалъ Меньшикову: „донынѣ Богъ вѣдаетъ въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на 1-ой недѣлѣ, а потомъ буду не словомъ, а руками со оными поступать“¹⁾.

Въ другомъ письмѣ, къ тому же Меньшикову онъ пишетъ: „и тако о вашей губерніи (Меньшиковъ въ это время былъ Петербургскимъ генераль-губернаторомъ) ни о чемъ не вѣдаемъ, будто о иномъ государствѣ“. Медленность и нерадѣніе губернаторовъ достигаетъ иногда чудовищныхъ размѣровъ и сенату приходилось по одному и тому же дѣлу посылать нѣсколько указовъ,—одинъ за другимъ; такъ напр., о поставкѣ въ городъ Брянскъ провіанта, сенатъ послалъ *девять* указовъ одному и тому же лицу²⁾.

О злоупотребленіяхъ губернаторовъ XVIII в. до насъ дошло много свѣдѣній. Всемъ извѣстно дѣло Сибирскаго губернатора князя Матвѣя Гагарина, который былъ казненъ Петромъ, но и слѣдующіе Сибирскіе губернаторы были не многимъ лучше и чуть ли не большинство ихъ привлекалось къ отвѣтственности. По отзывамъ извѣстнаго де-Геннинга, долгое время, при Петрѣ, завѣдывавшаго горнымъ дѣломъ на Уралѣ, состояніе управления Сибирской губерніей было и послѣ казни Гагарина плачевно и злоупотребленія губернаторовъ почти не прекращались³⁾.

Во многихъ указахъ самъ Петръ Великій констатировалъ лихоимство губернаторовъ, возмущался этимъ зломъ и въ одномъ указѣ сказалъ: „кто впредь дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ шельмованъ или казненъ будетъ“.

Въ одномъ указѣ 1720 года⁴⁾ мы читаемъ, что по указамъ изъ юстицъ-коллегіи „отъ губернаторовъ не токмо слабое отправление идетъ, но и весьма многое ослушаніе чинится“

Какъ ни дѣятеленъ былъ Петръ въ борьбѣ съ казнокрадствомъ всякаго рода, но при немъ чуть ли не всѣ губернаторы попадались

¹⁾ У него же стр. 84.

²⁾ Петровскій—О сенатѣ въ царствованіи Петра Великаго стр. 93.

³⁾ Поповъ—Административныя преобразованія Петра Великаго и первая служба Татищева—Русскій Вѣстникъ 1861 г. т. 32.

⁴⁾ П. С. З. № 3608.

въ этомъ,—Меньшиковъ, Салтыковъ, Апраксинъ, Волынской и др. И правительство и общество видѣли, что надзоръ недостаточенъ, что онъ не достигаетъ цѣли,—правительство создавало и пересоздавало институты, которые должны были служить дѣлу надзора и усиливало репрессию; представлялись проекты, въ которыхъ также не шло дальше созданія новыхъ институтовъ и усиленія репрессіи ¹⁾).

Но главнѣйшія причины неудовлетворительности надзора лежали не въ юридической конструкціи институтовъ и не въ недостаточности наказаній, налагавшихся на губернаторовъ, а прежде всего въ характерѣ самой должности губернатора того времени, облеченнаго по закону слишкомъ большими полномочіями, фактически же обладавшаго еще большей властью, нежели по закону; самодѣтельности же общества въ провинціи не существовало. Борьба съ губернаторомъ для фискаловъ и прокуроровъ часто оказывалась непосильной. Къ тому же надо прибавить социальныя и экономическія условія дѣятельности тогдашней администраціи и низкій уровень правового и нравственнаго развитія общества того времени.

II.

Учрежденіе 1775 года внесло существенное измѣненіе въ дѣло надзора за дѣятельностью губернаторовъ,—появились новые органы надзора—намѣстники и одновременно съ этимъ понизилось значеніе прежде дѣйствовавшихъ органовъ.

Вступивъ на престолъ и ознакомившись съ дѣлами, Императрица Екатерина II осталась недовольна тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое занималъ сенатъ (возвысившійся при Елизаветѣ). По ея мнѣнію, лишь отчасти правильному, онъ присвоилъ себѣ непринявшую ему по закону власть ²⁾ и это недовольство было исходной точкой ея отношеній къ сенату въ продолженіи всего царствованія. Въ 1763 году сенатъ былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ ³⁾, подъ

¹⁾ Павловъ-Сильванскій—Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго стр. 60—61.

²⁾ Градовскій—т. I, стр. 227.

³⁾ Департаменты: 1) для внутреннихъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ, 2) для судебныхъ дѣлъ, 3) для дѣлъ губерній, состоящихъ на особомъ положеніи, 4) для дѣлъ по военной и адмиралтейской коллегіи и еще два департамента въ Москвѣ.

предлогомъ, настоятельной необходимости облегчить и ускорить теченіе дѣлъ но такое раздѣленіе имѣло существенное политическое значеніе, такъ какъ ослабляло и нѣсколько унижало сенатъ, какъ единое и нераздѣльное высшее учрежденіе. Для разсматриваемаго нами вопроса имѣеть главнымъ образомъ значеніе I департаментъ и общее собраніе сената. Конечно, если бы предоставилъ широкое поле для дѣятельности общаго собранія, то этимъ поддерживалось бы высокое положеніе сената, чего Екатерина не хотѣла, поэтому въ инструкціи генераль-прокурору князю Вяземскому она требовала, чтобы онъ всячески старался устраивать поменьше общихъ собраній. По закону роль и власть сената оставались прежними, фактически же во многихъ отношеніяхъ сильно уменьшилась и на первый планъ выдвинулось значеніе сената, какъ органа надзора ¹⁾; но и въ этомъ отношеніи сенату не принадлежала монополія. Съ 1775 г. органами надзора явились и намѣстники. При Павлѣ I значеніе сената еще упало ²⁾. Первые годы царствованія Императора Александра I ознаменовались стремленіемъ вернуть сенату прежнее значеніе.

Во исполненіе указа 5-го іюня 1801 года была составлена (графъ Завадовскимъ) замѣчательная записка о преобразованіи сената, въ которой обозначается роль сената, какъ органа наблюдающаго за единообразнымъ исполненіемъ закона и общимъ направленіемъ всей администраціи ³⁾. Затѣмъ прослѣжена исторія сената, причемъ констатируется крайнее его униженіе „въ послѣднее время“ (т. е. при Екатеринѣ и при Павлѣ) и требуется возстановленіе прежняго положенія. Эта записка вошла, въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, въ указъ о правахъ и обязанностяхъ сената ⁴⁾, который былъ признанъ „верховнымъ мѣстомъ имперіи“ и потому ему подчиняются всѣ присутственныя мѣста и, какъ хранитель законовъ, онъ печется о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія и о прекращеніи всякихъ противозаконныхъ дѣйствій, кромѣ того наблюдаетъ за сборами податей, расходами и проч. ⁵⁾. Наконецъ, этимъ указомъ 1802 г. подтверждено, что указы сената должны исполняться всѣми, какъ собственные указы Государя. Такимъ образомъ, въ указѣ 1802 года почти повторена сущность относящихся до сената Петровскихъ указовъ. Одновременно съ указомъ, возстановляющимъ и подтверждаю-

¹⁾ По этому вопросу у Градовскаго—т. I, стр. 241—242.

²⁾ У него же стр. 272—273.

³⁾ Градовскій, стр. 288 т. I.

⁴⁾ 1802 г. 8-ое сентября.

⁵⁾ Проф. Куплеваскій.—Русское государство, право, т. II стр. 66.

щимъ права сената, были утверждены министерства (тоже 8-ое сентября 1802 г.), причемъ опредѣлены были отношенія между сенатомъ и министрами такъ: „Правительствующій Сенатъ имѣеть должность разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до сената дошедшими, дѣлать свои заключенія“... и представлять докладомъ Монарху ¹⁾). Вскорѣ этотъ порядокъ былъ уничтоженъ, и такимъ образомъ исчезла власть сената, контролирующая министровъ.

Съ учрежденіемъ министровъ видоизмѣнился и порядокъ надзора за губернаторами, такъ какъ получило въ этомъ дѣлѣ большое значеніе Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а частью и другія министерства.

Сенатъ только объединялъ надзоръ, какъ то было во время наибольшаго развитія значенія коллегій. Развитие министерствъ и усиленіе власти министровъ подорвали значеніе сената, какъ главнаго органа надзора за губернаторами. Совершилось это не столько въ силу закона, сколько въ силу административной практики. Число департаментовъ сената, постепенно увеличиваясь, достигло при Императорѣ Николаѣ I—одиннадцати. При Павлѣ I было установлено рѣшеніе дѣлъ въ сенатѣ по большинству голосовъ, при Александрѣ I въ департаментахъ сената дѣла рѣшались единогласіемъ, а въ общемъ собраніи большинствомъ двухъ третей. Въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ департамента его оберъ-прокурора дѣло переходило въ общее собраніе, въ случаѣ же несогласія съ рѣшеніемъ общаго собранія генераль-прокурора, дѣло докладывалось государю ²⁾).

Со времени раздѣленія сената на департаменты значеніе генераль-прокурора начинаетъ увеличиваться, замѣчается въ этой должности постепенное развитіе элемента личнаго управленія. Генераль-прокуроръ мало-по-малу превращается въ полновластнаго министра, соединяющаго въ себѣ функціи министровъ финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, поэтому вліяніе его на губернское управленіе громадно,—это въ особенности стало ясно въ царствованіе Павла I.

Въ смыслѣ надзора за губернаторами генераль-прокуроръ имѣлъ при Екатеринѣ и при Павлѣ, до нѣкоторой степени, самостоятельное значеніе, а не только вспомогательное, какъ то было раньше, напри-

¹⁾ Градовскій.—Полное собр. соч. т. I, стр. 289.

²⁾ К. Троцина.—Исторія судебныхъ учр. въ Россіи 1851 г. стр. 317.

мѣрь: ему стали подаваться отчеты по разнымъ сборамъ и лишь для понужденія скорѣйшаго взыскація недоимокъ и скорѣйшей присылки вѣдомостей онъ требовалъ указовъ сената ¹⁾. Въ 1802 году генераль-прокуроръ превратился въ министра юстиціи и хотя сохранилъ и прежнее наименованіе, но власть его сильно сократилась; по отношенію къ надзору за нимъ осталось нѣкоторое значеніе (отнюдь не самостоятельное), какъ за главой прокуратуры.

Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года создало должность намѣстника (генераль-губернатора). Сначала предполагалось поставить намѣстника во главѣ каждой губерніи, но при введеніи въ дѣйствіе учрежденія 1775 г. (1781 г.) эта мысль была оставлена, и намѣстники были назначены приблизительно одинъ на двѣ губерніи. Роль ихъ опредѣляется въ значительной степени слѣдующими строками учрежденія 1775 г. „... намѣстникъ не есть судья, но *оберегатель Императорскаго Величества изданнаго узаконенія*, ходатай за пользу общую и Государеву“... онъ „... долженствуетъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочать..., но отнюдь не мѣшается въ производство онаго (дѣла)“ ²⁾.

Должность государева намѣстника, по учрежденію 1775 года, носила въ себѣ зародышъ двухъ различныхъ системъ. По духу учрежденія намѣстникъ долженъ былъ составить часть мѣстныхъ установленій, осуществлять мѣстный надзоръ, но, благодаря значительной неопредѣленности полномочій, данныхъ намѣстникамъ, и различнымъ историческимъ обстоятельствамъ, они получили характеръ органовъ, снабженныхъ чрезвычайной властью. Толкуя учрежденіе 1775 г., профессоръ Градовскій приходитъ къ справедливому заключенію, что намѣстникъ не судья и даже не администраторъ, въ строгомъ смыслѣ слова, обязанность его есть наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона со стороны подчиненныхъ ему лицъ и, слѣдовательно, прежде всего со стороны губернатора. Имѣя право остановить несправедливое рѣшеніе, намѣстники должны были доносить объ этомъ тотчасъ же сенату или Государю. Учрежденіе 1775 г. мало опредѣляло подробности административной дѣятельности намѣстниковъ, поэтому они въ значительной степени были сами себѣ закономъ и управляли по своему усмотрѣнію ³⁾; пользуясь личнымъ довѣріемъ Монарха и зная виды высшаго правительства, они сообразно съ этими видами и должны были направлять

¹⁾ Градовскій.—Полное собраніе соч. т. I, стр. 257.

²⁾ П. С. З. № 14392 пункты 82 и 85.

³⁾ Градовскій.—Начала русскаго государственнаго права т. III, стр. 204.

мѣстную администрацію, при такихъ условіяхъ роль ихъ, конечно, не могла ограничиться мѣстнымъ надзоромъ, къ этому послѣднему присоединился и общій административно-политическій государственный надзоръ ¹⁾.

Надзоръ, задуманный Екатериной въ лицѣ намѣстниковъ, быстро обратился въ управленіе, въ высшей степени личное, да и какъ не развиться было этому личному управленію, когда генераль-губернаторамъ былъ врученъ надзоръ съ *правомъ исправленія*, которое и заключало въ себѣ залогъ будущаго чрезмѣрнаго ихъ усиленія. Какъ могъ развиться правильный надзоръ и какъ могли генераль-губернаторы охранять законъ, когда, по справедливому замѣчанію проф. Гессена, они поставлены были выше закона? Въ 1797 году генераль-губернаторы были упразднены въ качествѣ общаго института. Хотя надзоръ ихъ за мѣстнымъ управленіемъ и не былъ удовлетворителенъ, но съ ихъ упраздненіемъ губернское управленіе и дѣятельность губернаторовъ остались почти безо всякаго мѣстнаго надзора ²⁾.

Въ царствованіе Александра I во многихъ мѣстахъ возстановлены были генераль-губернаторы. Императоръ Александръ I неоднократно высказывалъ мысль, что генераль-губернаторы должны быть наблюдателями за губернскимъ управленіемъ вообще и въ особенности за губернаторами ³⁾, т. е. должны быть органомъ надзора,—въ этомъ духѣ въ 20-хъ годахъ и составлялись проекты повсемѣстнаго введенія генераль-губернаторовъ. Одинъ изъ такихъ проектовъ поручено было генералу Балашову привести въ исполненіе въ видѣ опыта ⁴⁾, изъ коего, какъ извѣстно, ничего хорошаго не вышло. Генераль-губернаторское управленіе мѣшало управленію министерскому и обратно. Нужно было держаться какой либо одной системы, что правительство, наконецъ, сознало и оставило генераль-губернаторовъ лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ силу политическихъ условій нужна была особенно

¹⁾ Градовскій.—Начала русскаго государственнаго права т. III, стр. 309 и также у проф. Андреевскаго (о намѣстникахъ, воеводахъ и губернат.) и проф. Гессена (губернаторъ какъ органъ надзора).

²⁾ Намѣстническое учрежденіе графа Сперанскаго 1821-го года.

³⁾ Андреевскій.—О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, стр. 135.

⁴⁾ Проекты были Сперанскаго, Гурьева, Балашова и др. По словамъ Балашова, Александръ I высказалъ мысль, чтобъ генераль-губернаторъ былъ всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго исполненія въ порученныхъ ему губерніяхъ и пр. Ср. Матеріалы собр. для Высочайше утвержден. комис. о преобраз. губерн. и уѣздн. учрежд. т. I, стр. 114.

сильная власть, гдѣ нужно было лицо, облеченное чрезвычайными полномочіями и особымъ довѣріемъ Монарха.

Совершилось это въ 1837 году и съ этого времени генераль-губернаторы перестаютъ быть нормальными органами надзора, являясь таковыми лишь въ видѣ исключенія.

При учрежденіи министерствъ роли ихъ и сената въ дѣлѣ надзора за губернскимъ управленіемъ не были соображены и согласованы между собою и такимъ образомъ открылось удобное поле для произвола, губернаторы же попали, благодаря этому въ затруднительное положеніе. Такія условія, конечно, не были благоприятны для развитія надзора за мѣстнымъ управленіемъ, хотя именно правильное устройство этого надзора и было одно изъ цѣлей учрежденія министерствъ, что видно изъ сопровождавшаго это учрежденіе манифеста ¹⁾. Для исторіи губернскаго управленія вообще и губернаторской должности въ частности, наибольшее значеніе имѣетъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, органомъ котораго сдѣлался губернаторъ въ большей части своей дѣятельности. Роль Министерства (или, что тоже самое, министра) Внутреннихъ Дѣлъ, какъ органа надзора за дѣятельностью губернаторовъ, категорически опредѣляется наказомъ 1837 года, „... начальники губерній, состоя подѣ непосредственнымъ и постояннымъ надзоромъ Мин—ства Вн. Дѣлъ“... и т. д.

Конечно, министръ внутреннихъ дѣлъ, будучи непосредственнымъ начальникомъ губернаторовъ, осуществлялъ за ними не только надвѣдомственный, но и вѣдомственный надзоръ; первый—главнымъ образомъ за ихъ дѣятельностью, какъ представителей высшей правительственной власти; второй—за большей частью дѣятельности административной (въ широкомъ смыслѣ слова). О значеніи министра юстиціи я уже упоминалъ. Предсѣдательствуя въ разныхъ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ разнымъ министерствамъ, губернаторъ, конечно, становился съ этими министерствами въ тѣсныя отношенія и попадалъ подѣ ихъ надзоръ, право котораго принадлежало, то министерству финансовъ, то министерству государственныхъ имуществъ и т. д.

И эти министерства, а иногда даже и департаменты ²⁾ могли дѣлать губернаторамъ напоминанія и замѣчанія. Кромѣ того, нѣкоторую роль въ дѣлѣ надзора, особенно фактически, играла Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія, которой губернаторы посылали раз-

¹⁾ Анчинъ.—Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учреждений въ Россіи, стр. 13.

²⁾ Напр. департаментъ путей сообщенія въ 40-хъ г.г.

личные донесенія, а также государственный контролеръ съ подвѣдомственными ему учрежденіями.

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ (въ 1802 г.) созданъ былъ комитетъ министровъ, причемъ въ учрежденіи министерствъ объ немъ лишь упомянуто вскользь, но, благодаря вниманію къ нему государя, комитетъ министровъ вскорѣ приобрѣлъ весьма важное значеніе среди высшихъ правительственныхъ мѣстъ ¹⁾ и сталъ, между прочимъ, органомъ надзора за дѣятельностью губернаторовъ. Первые правила (установленные въ 1805 г.) относили къ вѣдѣнію комитета министровъ слѣдующія дѣла: 1) по которымъ министры представляютъ Государю доклады, 2) которыя Государь самъ опредѣляетъ рассмотреть въ комитетѣ и 3) которыя министры вносятъ въ силу сомнѣнія ²⁾. Ясно, что дѣла по надзору за дѣятельностью губернаторовъ могли подходить подъ любую изъ вышеуказанныхъ рубрикъ. Дальнѣйшее законодательство еще больше расширило права и укрѣпило положеніе комитета министровъ.

Учрежденіе о губерніяхъ сохранило губернскихъ прокуроровъ и даже развило количественно ихъ дѣятельность; губернскіе прокуроры являются представителями элемента законности и блюстителями закона, имъ по учрежденію принадлежитъ двоякая роль, — они содѣйствуютъ: 1) осуществленію мѣстнаго, генераль-губернаторскаго надзора, 2) осуществленію общаго надзора и, дѣйствуя въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, доносятъ генераль-прокурору, а тотъ сенату ³⁾. Дѣятельность прокурора постоянно должна была соприкасаться съ дѣятельностью генераль-губернатора, или потому что первый доносилъ второму, или потому, что оба дѣйствовали на одномъ и томъ-же полѣ, такъ какъ предметы надзора были тѣ же самыя, — наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона, за скорымъ отправленіемъ правосудія и проч. Губернскій прокуроръ, по учрежденію 1775 года и послѣдующему законодательству, не могъ приостановить исполненія какого либо дѣла, а въ случаѣ несогласія долженъ былъ лишь доносить генераль-прокурору. Правда, прокурору представлялись на просмотръ всѣ дѣла, но это только непосильно обременяло его, нисколько не усиливая его значенія. Къ тому же прокуроръ былъ прикрѣпленъ къ мѣсту, губернскому

¹⁾ Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, стр. 4—6.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

³⁾ П. С. З. № 14392: пунктъ 405-ый „Буде губернскій прокуроръ усмотритъ за кѣмъ неисправленіе должности, то повиненъ доносить о томъ не токмо генераль-губернатору, но и генераль-прокурору“; и пр.

городу, что ослабляло возможность надзора, и не имѣлъ помощниковъ (сравнительно не долго онъ имѣлъ въ достаточномъ числѣ подчиненную ему прокуратуру и стряпчихъ) и рядомъ съ такимъ, я бы назвалъ канцелярскимъ надзоромъ, надзоръ всемогущаго генералъ-губернатора! Естественно что значеніе губернскихъ прокуроровъ не могло быть сколько нибудь существенно уже въ силу буквы закона.

Петровское законодательство о ревизіяхъ губерній сенаторами не было существенно измѣнено; при Павлѣ I даже была сдѣлана попытка развить его. Въ 1798 году государство было раздѣлено на округа и въ каждый изъ нихъ посланы два сенатора для обзорнія. Тогда же положено было и на будущее время дѣлать такія обзорнія периодически, черезъ опредѣленный промежутокъ времени. Но въ дѣйствительности это не дѣлалось и сенаторы были посылаемы для обзорнія въ „тѣ только губерніи, гдѣ возникали особенные случаи“¹⁾.

Объектомъ надзора была, конечно, вся дѣятельность губернаторовъ въ совокупности, что особенно хорошо выяснится при изложеніи средствъ надзора. Уже нѣтъ того преобладанія надзора за финансовой дѣятельностью губернаторовъ, какъ то было раньше. Хотя и теперь неисполненіе нѣкоторыхъ обязанностей по финансовому управленію (напр. запущеніе недоимокъ) скорѣе, чѣмъ неисполненіе чего-либо другого, навлекало на губернаторовъ взысканіе.

Переходя къ средствамъ надзора мы раздѣлимъ ихъ для удобства изложенія на группы:

I. Донесенія, не имѣющія періодическаго характера, по какимъ-либо частнымъ случаямъ, напр.: донесеніе Его Величеству послѣ исполненія одной изъ чрезвычайныхъ повинностей; донесенія Министерству Внутреннихъ Дѣлъ о появившейся „заразѣ, эпидеміи, или какой-либо необыкновенной болѣзни“, донесенія о слѣдствіяхъ „о прописныхъ (неправильно не внесенныхъ въ докладъ) душахъ министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; донесенія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ 3-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; сюда же надо отнести отчеты о приѣмѣ и сдачѣ управленія губерніей, посылавшіеся въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и заключавшіе въ себѣ свѣдѣнія о числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ, о состояніи продовольствія въ губерніи, о состояніи пожарной части, о количествѣ и родахъ недоимокъ въ губерніи и проч.; донесенія различнымъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ о

¹⁾ Введеніе къ намѣстническому учрежденію гр. Сперанскаго 1821 г.

безпорядкахъ и неисправностяхъ замѣченныхъ въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ при губернаторской ревизіи и т. д. ¹⁾).

II. Требованіе отъ губернаторовъ періодической отчетности продолжалось ²⁾; въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка различныя вѣдомости „о наличной всѣхъ сборовъ денежной и ефимочной казнѣ мѣсячныя“... представлялись генераль-прокурору, прежде же всѣ такія вѣдомости посылались, какъ извѣстно Сенату и отчасти коллегіямъ ³⁾. Этотъ фактъ указываетъ намъ на возвышеніе должности генераль-прокурора. Осталась также многочисленная отчетность Сенату. Губернаторы были обязаны отчетностью и генераль-губернаторамъ (конечно если данная губернія была подчинена генераль-губернатору) и министрамъ. Постепенно число отчетовъ увеличивалось и ко времени наказа 1837 года достигло очень значительной цифры. По наказу губернаторы должны были посылать статистическія свѣдѣнія о состояніи губерніи въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, годовые отчеты Его Императорскому Величеству, копии съ которыхъ представляются Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; генеральную вѣдомость Его Императорскому Величеству о всѣхъ земскихъ повинностяхъ и отчетъ о нихъ же въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, о числѣ лицъ коимъ привита оспа; вѣдомости Его Императорскому Величеству объ успѣхѣхъ взысканія податей и недоимокъ; вѣдомости Его Императорскаго Величества о происшествіяхъ, большая часть вѣдомостей Его Императорскаго Величества должна была подаваться въ то или другое отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, но въ видѣ исключенія нѣкоторыя адресовались въ собственные руки Государя Императора, напр.: вѣдомости объ издержкахъ на сдачу рекрутъ, объ исполненіи земскихъ повинностей и проч. Кромѣ этого губернаторы подавали различныя періодическіе отчеты Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, напр.: о числѣ разсмотрѣнныхъ приговоровъ, о состояніи заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія, о капиталахъ сего приказа и проч. ⁴⁾. Я далеко не перечислилъ всѣхъ вѣдомостей и отчетовъ, а остановился лишь на наиболѣе существенныхъ, но и ихъ больше чѣмъ достаточно. Конечно такая многочисленная и сложная отчетность страшно обременяла губернаторовъ и въ сущности, будучи средствомъ лишь формальнаго

¹⁾ 2-ое П. С. З. № 10303. §§ 156, 169, 222, 229, 244, 298—305 и 316-ый,

²⁾ Проф. Градовскій—Полное Собр. Соч. т. I стр. 238.

³⁾ Тамъ же, стр. 239.

⁴⁾ 2-ое П. С. З. № 10303. §§ 31, 81, 157, 170, 221, 317—322.

контроля, она имѣла небольшое значеніе для дѣла надзора безъ фактической повѣрки того, что написано въ отчетахъ.

III. Жалобы частныхъ лицъ и разныхъ установленій (напр. дворянскихъ собраній), которыя могли подаваться генераль-губернатору, министрамъ (главнымъ образомъ министру Внутреннихъ Дѣлъ) и Сенату (по одному изъ департаментовъ).

IV. Донесенія губернскихъ прокуроровъ генераль-прокурору, которыя онъ вносилъ въ Сенатъ; сила этихъ донесеній зависѣла, съ одной стороны, отъ значенія самихъ прокуроровъ, которое юридически возвысилось, благодаря уничтоженію генераль-губернаторовъ, съ другой стороны—отъ роли генераль-прокурора, которая сильно понизилась съ учрежденіемъ министерствъ. Но въ общемъ законодательство, разсматриваемаго нами періода, мало благопріятствовало развитію прокурорскихъ донесеній, какъ средства надзора за дѣятельностью губернаторовъ.

V. Въ разсматриваемый нами періодъ получили большое развитіе ревизіи губерній сенаторами ¹⁾, которые (по законодательству времени Александра I) обязаны были о всѣхъ замѣченныхъ ими недостаткахъ доносить Сенату. Сенаторскія ревизіи правительство, не безъ основанія, стало считать наиболѣе надежнымъ способомъ для того, чтобы узнать истину, и однимъ изъ лучшихъ средствъ для надзора за губернской администраціей. Оно назначало сенаторскія ревизіи вообще очень охотно, особенно—же въ затруднительныхъ случаяхъ. Донесенія сенаторовъ сдѣлались (въ разсматриваемомъ нами періодѣ) однимъ изъ излюбленныхъ и дѣйствительныхъ средствъ надзора за дѣятельностью губернаторовъ.

VI. Наконецъ, послѣдняя группа заключаетъ въ себѣ всѣ дѣловыя бумаги, шедшія отъ губернаторовъ къ генераль-губернаторамъ или министру внутреннихъ дѣлъ, а также непосредственное личное ихъ наблюденіе за губернаторами.

Въ наказѣ 1837 года мы впервые встрѣчаемся съ систематическимъ изложеніемъ поводовъ привлеченія губернаторовъ къ отвѣтственности; они сводятся къ слѣдующему: 1) виновность въ неисполненіи Высочайшихъ повелѣній, указовъ Сената и предписаній начальства, 2) допущеніе важныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, 3) лихоимство въ томъ или другомъ видѣ, 4) превышеніе власти, 5) неправильныя дѣйствія по слѣдствіямъ и вообще въ дѣлахъ уголовныхъ и 6) бездѣй-

¹⁾ 2-ое II. С. З. № 10303. § 324-й.

ствіе власти. Кромѣ этого, губернаторы отвѣтственны вообще за совершеніе преступленій по службѣ, предусмотрѣнныхъ сводомъ законовъ уголовныхъ, а съ 1845 года—уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

Кромѣ наказаній, вообще налагавшихся за служебныя преступленія, т. е. отъ замѣчаній и выговоровъ и до каторжныхъ работъ, губернаторы за нѣкоторыя дѣйствія подвергались особымъ наказаніямъ, напр. опубликованію совершенныхъ ими нѣкоторыхъ дѣяній ¹⁾, секвестру ихъ имущества и проч.

До 1816 года взысканія налагались на губернаторовъ Сенатомъ по собственному усмотрѣнію, указомъ же 1816 года 30 сентября Сенатъ лишенъ былъ права налагать взысканія на губернаторовъ безъ вѣдома Государя.

Обращаемся теперь къ изложенію нѣкоторыхъ чертъ, характеризующихъ фактическое положеніе надзора за дѣятельностью губернаторовъ отъ учрежденія о губерніяхъ 1775 года до реформъ 60-хъ годовъ XIX вѣка.

Сенатъ, ослабленный и униженный политикой Екатерины II, конечно, не проявлялъ въ дѣлѣ надзора за губернаторами той энергіи, каковой характеризуется по временамъ его дѣятельность до царствованія Екатерины II; да, наконецъ, если бы Сенатъ имѣлъ возможность дѣйствовать энергичнѣе, все-таки общій надзоръ его не могъ быть достаточенъ, такъ какъ, по удачному выраженію графа Сперанскаго, онъ не былъ „соразмѣренъ ни разстоянію мѣстъ, ни многосложности дѣлъ, ни настоятельности нужд“. Мы имѣемъ всетаки значительное количество указовъ Сената, свидѣтельствующихъ, что фактически онъ нерѣдко осуществлялъ надзоръ за губернаторами, восстанавливая нарушенный правопорядокъ и налагая на нихъ тѣ или иныя взысканія, таковы напр. указы, вызванные злоупотребленіями губернаторовъ въ отношеніи дворянскаго самоуправленія ²⁾, напр., одинъ указъ конца XVIII вѣка ³⁾, въ которомъ мы читаемъ: „открылось, что правитель губерніи, пришедъ въ собраніе дворянства, выслалъ изъ онаго дворянина, выговаривалъ губернскому предводителю за опредѣленіе, собраніемъ учиненное и подтвержденное въ принесеніи жалобы

¹⁾ П. С. З. № 30422. „...за незаконное рѣшеніе дѣла... и забезпорядки опубликовать повсемѣстно печатными указами...“

²⁾ А. Романовичъ-Словатинскій.—Дворянство въ Россіи.—стр. 441—445.

³⁾ П. С. З. № 16731.

Ея Императорскому Величеству на намѣстническое правленіе, настоялъ о выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергалъ выбраннаго дворянствомъ въ губернскіе предводители дворянина и сверхъ того приводилъ съ собою въ дворянское собраніе гостей“.

Комитетъ министровъ игралъ значительную роль въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ, ему приходилось разбирать очень много случаевъ и вопросовъ, касающихся мѣстнаго управленія ¹⁾; къ нему весьма часто обращались съ жалобами и донесеніями на дурное управленіе и различныя злоупотребленія губернаторовъ, въ подобныхъ случаяхъ комитетъ обыкновенно назначалъ слѣдствіе, въ случаяхъ-же особенно важныхъ предлагалъ Государю отправить сенатора для ревизіи губерніи; затѣмъ произведенное изслѣдованіе поступало въ Сенатъ и уже съ заключеніемъ Сената нерѣдко вносилось въ комитетъ министровъ ²⁾. Такимъ образомъ Сенатъ иногда утрачивалъ руководящую роль въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ; впрочемъ, комитетъ министровъ обыкновенно утверждалъ сенатскіе приговоры, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями; до 1810 г. приговоры Сената обыкновенно вносились въ Государственный Совѣтъ, который разсматривалъ, напр., дѣло объ упущеніяхъ Астраханскаго губернатора князя Тенишева, Казанскаго губернатора Коцарева и др.

Генераль прокуроръ, во время наибольшаго развитія его могущества, т. е. при Екатеринѣ II и Павлѣ, фактически игралъ большую и самостоятельную роль въ дѣлѣ надзора за губернаторами, такъ что эти послѣдніе стали по многимъ дѣламъ обращаться прямо къ нему, а не въ Сенатъ ³⁾.

Надзоръ, со властью исправленія, возложенный на генераль-губернаторовъ, далеко не оправдалъ ожиданій законодателя. Еще при Екатеринѣ генераль-губернаторы дѣйствовали удовлетворительно, такъ какъ она умѣла выбирать на эти должности подходящихъ людей, но послѣ нея надзоръ генераль-губернаторовъ быстро выродился и сталъ, по выраженію графа Сперанскаго: „непрестанно колебаться между самовластіемъ и послабленіемъ“, обнаружались большія злоупотребленія генераль-губернаторовъ, какъ, напр., дѣло Сибирскаго генераль-губернатора Селифонтова, беззастѣнчиво обиравашаго ввѣренный ему край ⁴⁾. Дѣятельность министровъ по надзору за губернаторами

¹⁾ Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ,—стр. 431.

²⁾ Тамъ-же—стр. 459.

³⁾ Градовскій.—Поли. собр. соч.—т. I стр. 239.

⁴⁾ Историческій Вѣстникъ 1884 г. „Сибирскіе сатрапы“.

оказалась неудовлетворительной, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство изъ официального источника ¹⁾. Надзоръ губернскихъ прокуроровъ имѣлъ вообще мало значенія. При Екатеринѣ положеніе этого надзора было нѣсколько лучше, благодаря энергической поддержкѣ, которую оказывалъ губернскимъ прокурорамъ генераль-прокуроръ; но чѣмъ дальше мы подвигаемся въ исторіи губернскаго управленія, тѣмъ рѣзче обнаруживается упадокъ прокурорскаго надзора; губернскіе прокуроры были страшно обременены дѣлами и не имѣли фактической возможности наблюдать за губернаторами и губернскимъ управленіемъ. Постепенно вырождаясь, дѣятельность прокуроровъ становится совершенно формальной, „и малѣйшій признакъ самостоятельности считается уже чѣмъ-то необыкновеннымъ и поражаетъ умы мѣстной администраціи“ ²⁾. Неудовлетворительность надзора губернскихъ прокуроровъ за дѣятельностью губернаторовъ ясно сознавалась современниками. Характеризуя вообще недостаточность надзора за мѣстнымъ управленіемъ, Сперанскій пишетъ: „есть надзоръ прокурора, но, во-первыхъ, его протесты не могутъ остановить исполненія, во-вторыхъ, что значить надзоръ, коего послѣдствія являются мѣсяць, два, годъ послѣ исполненія“? Сенаторскія ревизіи въ значительной степени удовлетворяли своему назначенію, съ помощью ихъ было обнаружено не мало злоупотребленій губернаторовъ (въ царствованіе Александра I результатомъ ревизій была смѣна цѣлаго ряда губернаторовъ) и другихъ должностныхъ лицъ и такимъ образомъ онѣ значительно содѣйствовали дѣлу надзора за губернскимъ управленіемъ. Особенно часты и богаты результатами были ревизіи первыхъ двадцати лѣтъ XIX ст.; нѣкоторыя губерніи въ короткій промежутокъ времени ревизовались дважды, напр., Вологодская и Волынская губерніи. Нѣкоторыя ревизіи обнаруживали положительно невѣроятныя вещи (полусгнившія подлинныя дѣла въ навозѣ на дворѣ полиціи и проч.), которыя безъ сенаторской ревизіи никогда не стали бы извѣстны центральному правительству ³⁾.

Несмотря на многочисленность учрежденій и лицъ, долженствовавшихъ служить дѣлу надзора за губернаторами, надзоръ этотъ былъ неудовлетворителенъ, и зачастую можно было встрѣтить всевозможныя злоупотребленія, медленность, плохую отчетность и т. д.

¹⁾ Анучинъ.—Историч. очеркъ развит. администрат. полиц. учрежд.—стр. 13.

²⁾ Градовскій.—Полное собр. соч.—т. I стр. 250.

³⁾ Историч. очеркъ дѣятельн. комитета м—овъ—стр. 451.

Въ 1813 г. министромъ финансовъ было обращено вниманіе на необычайное накопленіе недоимокъ въ Вологодской и Вятской губерніяхъ,—онѣ были обревизованы сенаторомъ, который обнаружилъ громадныя злоупотребленія, результатомъ ревизіи была смѣна губернаторовъ.

Ревизія въ 1816 году Казанской губерніи обнаружила несогласное съ закономъ теченіе дѣлъ, медленность, расхищеніе казенныхъ суммъ и незаконное ихъ употребленіе губернаторомъ гр. Толстымъ ¹⁾. Въ первой четверти XIX в. Казанскій помѣщикъ Есиповъ былъ уличенъ въ жестокостяхъ надъ своими людьми и, по приговору уголовной палаты, надъ нимъ учреждена была опека и ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ свое имѣніе, кромѣ того назначено было слѣдствіе о насиліяхъ Есипова надъ женами и дочерьми его крѣпостныхъ, но приговоръ палаты губернское правленіе (т. е. фактически губернаторъ) не привело въ исполненіе, такъ что сенату пришлось послать указъ и сдѣлать выговоръ губернатору.

Для иллюстраціи—до чего могли доходить самодурство и безобразіе, творившіяся губернаторами—я упомяну объ Иркутскомъ губернаторѣ Трескинѣ, который заставлялъ архіерея ѣздить въ маскарадъ ²⁾. Отчетность была очень неудовлетворительна, часто, совершенно не соответствуя дѣйствительности, до нѣкоторой степени это поддерживалось тѣмъ, что представляемые отчеты провѣрялись крайне плохо и медленно—иногда лишь черезъ десять лѣтъ ³⁾.

Медленность въ исполненіи дѣлъ была чрезвычайная, что многократно констатировалось въ разныхъ проектахъ и запискахъ объ улучшеніи существующаго губернскаго управленія (напр., во введеніи къ намѣстническому учрежденію Сперанскаго—1821 г.).

Недостаточность надзора за дѣятельностью губернаторовъ, во время отъ учрежденія 1775 г. до реформъ 60-хъ годовъ, постоянно сознавалась правительствомъ, пытавшимся неоднократно то тѣмъ, то инымъ способомъ улучшить надзоръ. Для многихъ, также какъ и для Сперанскаго, было ясно, что надзоръ за губернаторами нужно сдѣлать болѣе опредѣленнымъ, нежели тотъ, который установленъ учрежденіемъ 1775 г., болѣе мѣстнымъ, нежели общій надзоръ сената, болѣе непрерывнымъ, нежели сенаторскія обзорнія ⁴⁾, менѣе личнымъ и само-

¹⁾ Историческій обзоръ дѣят. комит. мин.—овъ стр. 445

²⁾ Истор. Вѣстн. 1884 г. № 8. „Сибирскіе сатрапы“.

³⁾ Проф. Куплеваскій, Русское Государственное право, т. II, стр. 184.

⁴⁾ А н у ч и н ъ, Историч. оч. развит. администр. полиц. учреждений въ Россіи.

властнымъ, нежели надзоръ намѣстника, и болѣе сильнымъ, нежели надзоръ губернскаго прокурора.

Главнѣйшими недостатками организациі надзора за губернаторами, въ разсматриваемый періодъ, были: 1) отсутствіе сильнаго и имѣющаго возможность энергично дѣйствовать учрежденія, которое бы объединяло надзоръ, такъ какъ Сенатъ этимъ требованіямъ не соотвѣтствовалъ (благодаря политикѣ конца XVIII вѣка и учрежденію министерствъ), 2) недостаточная опредѣленность и несогласованность правъ по надзору за губернаторами Сената, министровъ и генералъ-губернаторовъ и 3) отсутствіе вспомогательнаго органа, находящагося на мѣстѣ и имѣющаго возможность наблюдать за дѣйствительной дѣятельностью губернаторовъ, каковымъ органомъ не былъ губернской прокуроръ разсматриваемаго нами періода. Эти недостатки организациі и были наиболѣе существенными причинами неудовлетворительности надзора.

III.

Въ общемъ юридическое положеніе надзора за дѣятельностью губернаторовъ до настоящаго времени очень мало измѣнилось по сравненію съ концомъ прошлаго періода. Я постараюсь въ общихъ чертахъ изложить существенныя измѣненія, происшедшія въ организациі надзора, и буду избѣгать повторенія того, что уже изложено во второй главѣ.

Сенатъ и до сихъ поръ есть учрежденіе, охраняющее законы и надзирающее за дѣйствіями разныхъ установленій въ области управленія и суда. Значеніе сената и въ настоящее время опредѣляется словами, взятыми изъ указа 1802 г.: „Правительствующій Сенатъ есть верховное мѣсто, которому въ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены все вообще мѣста и установленія въ Имперіи, кромѣ тѣхъ, кои особеннымъ закономъ именно изъяты отъ сей зависимости“¹⁾. До второй половины царствованія Императора Александра II сенатъ дѣлился на двѣнадцать департаментовъ, изъ которыхъ часть была въ Москвѣ и Варшавѣ. Въ настоящее время сенатъ не представляетъ

¹⁾ Въ послѣднемъ изданіи учрежденія сената (1892 г.) говорится не о „мѣстахъ“, „особеннымъ закономъ изъятыхъ“, а о „высшихъ государственныхъ установленіяхъ“; по вполне убѣдительному толкованію проф. Коркунова, эта произвольная, кодификаціоннымъ порядкомъ внесенная, черемѣна совершенно неправильна.

изъ себя единого цѣлаго, а есть лишь совокупность нѣсколькихъ совершенно обособленныхъ коллегій ¹⁾, онъ раздѣляется теперь на шесть департаментовъ, изъ которыхъ, для разсматриваемаго мною вопроса, имѣютъ значеніе 1-ый и отчасти 2-ой, которымъ принадлежитъ надзоръ за губернаторами, поскольку эти послѣдніе являются органами надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, надзоръ-же за большей частью остальныхъ сторонъ дѣятельности губернаторовъ принадлежитъ 1-му Департаменту. Кромѣ того составляются въ Сенатѣ разныя присутствія, не имѣющія особаго значенія для дѣла надзора за дѣятельностью губернаторовъ. Департаменты 1-й, 2-ой и герольдіи составляютъ 1-ое общее собраніе Сената, въ которое при нѣкоторыхъ условіяхъ (напр., при несоставленіи нужнаго числа голосовъ) переходятъ на окончательное разрѣшеніе дѣла, начатыя въ Департаментахъ.

До 1869 года дѣла, во всѣхъ департаментахъ сената, рѣшались единогласно, въ настоящее время такой порядокъ существуетъ въ одномъ департаментѣ герольдіи, да и то лишь для нѣкоторыхъ дѣлъ. Дѣла-же, возникающія по надзору за губернаторами, какъ въ Департаментахъ, такъ и въ 1-омъ общемъ собраніи, рѣшаются большинствомъ голосовъ, или простымъ или двухъ третей.

Нѣкоторая доля надзора за дѣятельностью губернаторовъ принадлежитъ Государственному Совѣту и Комитету министровъ, которые являются высшей инстанціей для разрѣшенія большинства дѣлъ, возникающихъ изъ надзора губернаторовъ за цѣлесообразностью дѣйствій органовъ городского и земскаго самоуправления; очевидно, что при рѣшеніи этихъ дѣлъ, соглашаясь или не соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора, Государственный Совѣтъ и Комитетъ министровъ входятъ въ разсмотрѣніе его мнѣнія и его дѣйствій по данному вопросу и этимъ разсмотрѣніемъ, утвержденіемъ или неутвержденіемъ мнѣнія губернаторовъ, осуществляютъ надзоръ за одной изъ сторонъ его дѣятельности, причѣмъ надзоръ его имѣетъ двоякій характеръ: подвѣдомственный и вѣдомственный; первый простирается, главнымъ образомъ, на нѣкоторыя стороны дѣятельности губернатора, какъ представителя высшей правительственной власти, второй сосредоточивается на разныхъ сторонахъ дѣятельности губернатора, какъ администратора.

Губернаторы подчинены министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго и зависитъ ихъ служебная карьера и самое опредѣленіе ихъ къ должности. Правда, они назначаются Высочайшею властью, но изъ канди-

¹⁾ Проф. Боркуновъ, Русское Государственное право, т. II, стр. 525.

датовъ, представляемыхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Законодатель предполагалъ возможность неправильнаго выбора кандидата М—ромъ Вн. Дѣлъ и поэтому установилъ, чтобы о кандидатахъ на должности губернаторовъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представлялъ на Высочайшее благоусмотрѣніе черезъ Комитетъ Министровъ, такимъ образомъ и другимъ министрамъ предоставлена была возможность вліять на назначеніе губернаторовъ, чѣмъ ослаблялась ихъ исключительная зависимость отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Но въ дѣйствительности этотъ законъ никогда не соблюдается. При такихъ условіяхъ, понятно, надзоръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ за губернаторами имѣетъ въ дѣйствительности даже большее значеніе, чѣмъ по закону.

На излишнюю зависимость губернатора отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ обратила вниманіе особая Комmissія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова, проектировавшая вывести губернатора изъ положенія вѣдомственнаго чиновника Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ которое онъ попалъ, по выраженію комmissіи, „не въ силу закона, но въ силу обстоятельствъ....“¹⁾

Та же Комmissія предлагала дать всѣмъ министрамъ одинаковое право входить въ 1-ый Департаментъ Сената съ представленіемъ о возбужденіи отвѣтственности губернаторовъ.

Кромѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, нѣкоторая доля надзора принадлежитъ и другимъ Министрамъ. Губернаторы предсѣдательствуютъ во многихъ присутствіяхъ, которыя или совсѣмъ не подчинены Министру Внутреннихъ Дѣлъ, (напр., присутствія для отдачи съ торговъ казенныхъ имуществъ), или подчинены ему совмѣстно съ другими министрами (напр., по воинской повинности присутствія). Дѣятельность губернатора въ качествѣ предсѣдателя такихъ присутствій и служить объектомъ надзора для соответственныхъ министровъ (министровъ финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и др.), которымъ присутствія подчинены, а слѣдовательно иногда въ этомъ надзорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ совершенно не принимаетъ участія. Затѣмъ на губернаторовъ возложены обязанности по содѣйствію народному просвѣщенію и въ дѣятельности этого рода они состоятъ подъ надзоромъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы

¹⁾ Губернское управленіе, § 21—29 занятій особой Комmissіи подъ предсѣдательствомъ ст.-секрет. Коханова.

Маріи, точно также какъ относительно нѣкоторыхъ сторонъ финансовой дѣятельности—подъ надзоромъ министра финансовъ. Кромѣ того, органомъ надзора за губернаторами является государственный контролеръ и отчасти, больше фактически, чѣмъ юридически, собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія, въ которую подается большая часть періодическихъ отчетовъ и донесеній, представляемыхъ губернаторами на Высочайшее имя.

Очень большое значеніе въ качествѣ органовъ надзора за дѣятельностью губернаторовъ принадлежитъ ревизующимъ губерніи сенаторамъ, которые посылаются каждый разъ по особому Высочайшему повелѣнію. Но этотъ, особенно дѣйствительный способъ надзора нынѣ на практикѣ можно считать упраздненнымъ, такъ какъ около 20 лѣтъ уже сенаторской ревизіи ни разу не было.

Губернскіе прокуроры не дѣйствовали въ разсматриваемомъ нами періодѣ, такъ какъ они были уничтожены въ 1862 году.

Въ настоящее время, какъ мы сейчасъ видѣли, надзоръ за губернаторами не объединенъ; наоборотъ, онъ распредѣляется между нѣсколькими учрежденіями, что конечно представляетъ изъ себя условіе, затрудняющее надзоръ и отражающееся вообще очень неблагоприятно на дѣятельности губернаторовъ. Правда, преобладающая роль въ дѣлѣ надзора принадлежитъ сенату, но дѣятельность его парализуется какъ крайне неудобными условіями привлеченія губернаторовъ къ отвѣтственности, такъ и конкуренціей другихъ учреждений и должностныхъ лицъ и особенно исключительнымъ подчиненіемъ губернаторовъ министеру внутреннихъ дѣлъ.

На объектѣ надзора не представляется надобности останавливаться—имъ является вся дѣятельность губернаторовъ въ совокупности. Для отдѣльныхъ же должностныхъ лицъ объектомъ надзора служатъ тѣ или другія стороны дѣятельности губернаторовъ, какъ о томъ упомянуто выше.

Средства надзора можно свести въ группы почти аналогичныхъ соотвѣтственнымъ группамъ 2-й главы.

I. Неперіодическія донесенія, напримѣръ: о принятіи или сдачѣ губерніи, представляемыя министру внутреннихъ дѣлъ, о чрезвычайныхъ происшествіяхъ ему же, и проч. ¹⁾

II. Періодическія донесенія, отчеты и вѣдомости, представляемые на Высочайшее имя и доставляемые въ министерство внутреннихъ дѣлъ на основаніи дѣйствующихъ постановленій, утверждаемыхъ ми-

¹⁾ Общ. учрежд. губери. ст. 367.

нистромъ внутреннихъ дѣлъ росписаній и вслѣдствіе циркулярныхъ его предписаній; а сенату, прочимъ министерствамъ и другимъ главнымъ управленіямъ на основаніи особыхъ о томъ положеній ¹⁾.

Кромѣ того, министру внутреннихъ дѣлъ представляются копіи со всеподданѣйшихъ ежегодныхъ отчетовъ, представляющихъ изъ себя весьма подробныя свѣдѣнія о различныхъ частяхъ губернскаго управленія. Въ общемъ отчетность осталась почти въ такомъ же видѣ и такъ-же многочисленна, какъ это было и до 60-хъ годовъ XIX в. (см. выше.).

III. Жалобы частныхъ лицъ и различныхъ установленій, подаваемые сенату, ревизующимъ сенаторамъ, министрамъ (и главноуправляющимъ) и въ частности министру внутреннихъ дѣлъ. Какъ бы ни были развиты другія средства надзора, но они не въ состояніи предупредить или обнаружить всѣхъ отдѣльныхъ злоупотребленій, затрагивающихъ частныя интересы (отдѣльныхъ лицъ или установленій), вѣрнѣйшимъ способомъ огражденія которыхъ и является право жалобы ²⁾.

IV. Протесты самихъ губернаторовъ, въ силу которыхъ подлежащія дѣла (по надзору за городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ) переходятъ въ сенатъ, государственный совѣтъ, комитетъ министровъ или на соглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ.

V. Ревизіи сенаторовъ, представляющія изъ себя очень хорошее средство для надзора и вообще дающія правительству богатый матеріалъ для ознакомленія съ нуждами губерній и недостатками губернскаго управленія ³⁾.

VI. Личное усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и вообще вся совокупность дѣловыхъ его сношеній съ губернаторами.

Что касается поводовъ привлеченія губернаторовъ къ отвѣтственности, ⁴⁾ то они по дѣйствующему праву почти тѣ же, что и по наказу 1837 года, и сводятся въ группы, мною перечисленныя выше.

По дѣйствующему праву губернаторы подвергаются замѣчаніямъ, выговорамъ или инымъ взысканіямъ, или же суду и удаленію отъ должности не иначе, какъ по Высочайшимъ повелѣніямъ, исходящимъ непосредственно отъ Государя Императора, или вслѣдствіе предста-

¹⁾ Тамъ же, ст. 395.

²⁾ § 30 занятій комиссіи (подъ предсѣд. ст.-секрет. Коханова).

³⁾ Тамъ же, стр. 11.

⁴⁾ Общ. учрежд. губерн. ст. 396.

вленій отъ Правительствующаго Сената, министровъ или сенаторовъ, ревизующихъ губерніи ¹⁾.

До послѣдняго времени это правило стояло въ противорѣчій съ постановленіями устава уголовного судопроизводства, ²⁾ по которому преданіе суду губернаторовъ принадлежало 1 департаменту Правительствующаго Сената. Указанное противорѣчіе устранено Высочайше утвержденнымъ 26 мая 1897 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Исходя изъ того соображенія, что преданіе губернаторовъ суду департаментомъ сената унижаетъ губернатора, какъ представителя высшей правительственной власти,—новый законъ обусловливаетъ приведеніе въ исполненіе опредѣленій Правительствующаго Сената о назначеніи надъ губернаторами слѣдствія, о преданіи ихъ суду и о временномъ или совершенномъ удаленіи отъ должностей предварительнымъ испрошеніемъ Высочайшаго на сіе разрѣшенія чрезъ комитетъ министровъ ³⁾.

Эта новелла стоитъ въ противорѣчій съ проектомъ особой комиссіи (подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова), которая придавала, въ дѣлѣ надзора за дѣятельностью губернаторовъ, особое значеніе I департаменту Сената. По проекту комиссіи право возбужденія вопроса о служебной отвѣтственности губернаторовъ должно принадлежать именно I департаменту сената, и ему же должно принадлежать право преданія ихъ суду ⁴⁾.

Что касается взысканій, которыя могутъ быть налагаемы на губернаторовъ за преступленія по службѣ, то сюда принадлежатъ какъ общія, такъ и особенныя за преступленія по службѣ положенныя наказанія, согласно Уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ; кромѣ того, совершенное дѣяніе можетъ быть опубликовано во всеобщее свѣдѣніе сенатомъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Переходимъ къ фактическому положенію надзора. Дѣятельность Сената въ этомъ отношеніи незначительна ⁵⁾, отчасти тутъ виновато и законодательство, но главнымъ образомъ практика, поставившая губернаторовъ въ такое положеніе, что для нихъ не имѣетъ большого значенія надзоръ сената, отъ котораго не зависитъ ни ихъ служебная карьера, ни привлеченіе къ отвѣтственности, рѣшаемое Высочайшей властью, и, наоборотъ, слишкомъ большое значеніе имѣетъ надзоръ

¹⁾ Тамъ же ст. 397.

²⁾ Проф. Гессенъ.—Губернаторъ, какъ органъ надзора—стр. 194.

³⁾ Проф. Гессенъ.—Губернаторъ, какъ органъ надзора—стр. 194.

⁴⁾ § 30 занятій особ. комис. (подъ предсѣд. статсъ-секретаря Коханова)

⁵⁾ Современная Россія—стр. 38—39.

министра внутреннихъ дѣлъ, который можетъ защитить губернатора предъ Высочайшей властью, въ случаѣ возбужденія вопроса объ отвѣтственности, представить или не представить къ наградамъ и аттестовать губернатора такъ, что онъ немедленно будетъ смѣненъ. Въ силу же того, что надзоръ министра внутреннихъ дѣлъ является и надвѣдомственнымъ и вѣдомственнымъ, открывается обширное поле для произвола министра, и фактическая зависимость отъ него губернаторовъ еще болѣе увеличивается, но нельзя сказать, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ былъ удовлетворительнымъ органомъ надзора за дѣятельностью губернаторовъ. Здѣсь мы наталкиваемся на явленіе, совершенно аналогичное надзору губернаторовъ за полиціей. Надзоръ губернатора за полиціей и надзоръ министра внутреннихъ дѣлъ за губернаторами неудовлетворительны, главнымъ образомъ, потому, что и министръ, и губернаторы опредѣляютъ къ должности сами (по закону или лишь фактически) и несутъ отвѣтственность за дѣятельность тѣхъ лицъ, за которыми осуществляютъ надзоръ. Поэтому естественно, что для нихъ непріятно и нежелательно возбуждать вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности, такъ какъ злоупотребленія подчиненныхъ обнаружатъ слабость ихъ собственнаго надзора и, слѣдовательно, неудовлетворительность исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей.

Только практика обнаруживаетъ всѣ недостатки законодательства относительно губернскаго управленія вообще и губернаторской должности въ частности, и познакомиться съ этими недостатками можно лучше всего по даннымъ сенаторскихъ ревизій. Мнѣ нѣтъ надобности распространяться о значеніи надзора сенаторовъ и представляемыхъ ими свѣдѣній о дѣятельности губернаторовъ, такъ какъ изъ предыдущаго изложенія видно, насколько я широко пользовался этими свѣдѣніями, и какъ много даютъ они интереснаго матеріала. Къ сожалѣнію, сенаторскія ревизіи стали необычайно рѣдки, хотя, казалось бы, нѣтъ никакого основанія отказываться отъ частаго пользованія этимъ полезнымъ средствомъ надзора, а наоборотъ, при все расширяемой сферѣ дѣятельности губернаторовъ нужны были бы особенно частыя ревизіи. Исторія заставляетъ насъ отнестись съ особымъ довѣріемъ къ этому средству надзора за дѣятельностью губернаторовъ, средству, примѣнявшемуся съ громаднымъ успѣхомъ и въ XVIII и въ XIX вѣкахъ. Однѣ ревизіи 80-хъ годовъ XIX вѣка имѣютъ такое значеніе, что, не ознакомившись съ ними, нельзя представить себѣ сколько нибудь правильно положенія нашего мѣстнаго управленія послѣ реформъ 60-хъ годовъ XIX вѣка.

При такомъ юридическомъ и фактическомъ положеніи надзора нѣтъ ничего удивительнаго, что встрѣчаются на каждомъ шагѣ всевозможныя упущенія и непорядки въ дѣятельности губернаторовъ, обыкновенныя черты которой суть медленность, плохая отчетность, небрежность и многочисленныя злоупотребленія ¹⁾. Неудовлетворительная отчетность, правда, объясняется отчасти пробѣлами законодательства. Такъ, всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ по компетентному заявленію особой комисіи (подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова) рѣшительно не могутъ быть удовлетворительны за недостаткомъ общихъ отчетовъ по уѣздамъ и за отрывочностью доставляемыхъ губернаторамъ свѣдѣній по разнымъ частямъ управленія. Но медленность и небрежность подвѣдомственныхъ губернаторамъ учреждений, а также и ихъ собственныхъ канцелярій объясняется лишь недостатками дѣятельности самихъ губернаторовъ.

Сенаторскія ревизіи 1880 года обнаружили много безпорядковъ въ дѣятельности губернскихъ правленій. Конечно, зная отношенія губернаторовъ къ губернскимъ правленіямъ, мы должны эти безпорядки отнести на счетъ самихъ губернаторовъ.

Дѣла рѣшаются въ губернскихъ правленіяхъ по 10—20 лѣтъ. Но если-бы губернаторъ захотѣлъ, то этого, конечно-бы, не было. Чтобы не быть голословнымъ, характеризую дѣятельность губернаторовъ многочисленными злоупотребленіями, я приведу нѣсколько фактовъ, передаваемыхъ ревизовавшими сенаторами. Обнаружилось, что одинъ становой приставъ совершилъ нѣсколько злоупотребленій при производствѣ дознанія, произведено было предварительное слѣдствіе, подтвердившее это, но губернаторъ, по полученіи коши съ предварительнаго слѣдствія, приказалъ ее пріобщить къ дѣлу и не далъ дальнѣйшаго хода дѣлу, и, такимъ образомъ, становой приставъ совершенно незаконно не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Иногда губернаторы не стѣсняются даже вошедшими въ законную силу постановленіями губернскихъ правленій,—такъ, напр., было по дѣлу о становомъ приставѣ Г. (ревизія Кіевской и Черниговской губерніи сенаторомъ Половцовымъ), обвинявшемся въ оскорбленіи дворянки, которое заключалась въ томъ, что онъ пригласилъ ее въ становую квартиру и насильно подвергъ освидѣтельствуванію, чтобы опредѣлить, не заражена ли она сифилисомъ, на каковое освидѣтельствованіе не имѣлъ никакого права; означенная же дворянка, вернувшись домой, погусилась

¹⁾ Порядокъ надзора—§ 30 занятій особой комисіи (подъ предсѣд. ст.-секретаря Коханова).

на самоубійство. За такое преступное дѣяніе по должности губернскаго правленія опредѣлили предать Г. суду, удаливъ до окончанія дѣла отъ занимаемой имъ должности. Затѣмъ губернскимъ правленіемъ было сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе о приведеніи постановленія въ исполненіе, но губернаторъ приказалъ оставить пристава по прежнему въ этой должности.

Въ Казанской губерніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ всѣ заявленія разныхъ должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ и прокурорскаго надзора) о незаконныхъ и неправильныхъ дѣяніяхъ полиціи оставались губернаторомъ безо всякаго вниманія.

Недостаточность надзора за дѣятельностью губернаторовъ обуславливала возможность, по словамъ члена Государственнаго Совѣта и сенатора Ковалевскаго, для Казанскаго губернатора г. Скарятина дѣйствовать совершенно самовольно, распоряжаясь даже по суднымъ дѣламъ единолично въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, причемъ онъ считалъ себя подвѣдомственными дѣла всѣхъ административныхъ учрежденій губерніи, а потому принималъ къ своему разсмотрѣнію разнообразнѣйшія дѣла, ему по закону не подвѣдомственные; были случаи принятія имъ дѣлъ безусловно подвѣдомственныхъ суду (напр., о выдвореніи жильцовъ изъ квартиръ, о понужденіи заключившаго обязательство къ исполненію его и т. п.), причемъ губернаторъ входилъ въ ихъ разсмотрѣніе и дѣлалъ по нимъ свои распоряженія чрезъ полицію¹⁾. Затѣмъ тѣ-же губернаторы, которые такъ полновластно распоряжаются губернскими правленіями, въ то-же самое время допускаютъ въ этихъ правленіяхъ совершенно невозможныя вещи, напр.: переписку между двумя отдѣленіями одного и того-же губернскаго правленія въ теченіи семи лѣтъ, по дѣлу о назначеніи въ продажу дома Ицки Р., причемъ это назначеніе все-таки произведено не было²⁾; очевидно еслибы губернаторъ захотѣлъ, то эта продажа давнымъ давно совершиласьбы. На послѣдній примѣръ можно возразить, что губернаторы слишкомъ обременены дѣлами и поэтому не въ состояніи услѣдить за всѣми дѣйствіями губернскихъ правленій, но уже вышеприведенные факты никакъ иначе не назовешь, какъ злоупотребленіями и подобныхъ имъ фактовъ сенаторы, ревизовавшіе въ 1880 году губерніи, приводятъ массу³⁾. Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что дѣятельность губер-

¹⁾ Записка члена Государственнаго Совѣта и сенатора Ковалевскаго стр. 38. (Матеріалы Высочайше утвержденной особой комисіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова).

²⁾ Обзоръ дѣлопроизводства Кіевскаго губернскаго правленія.

³⁾ См. всеподданнѣйшіе отчеты г.г. сенаторовъ Половцова, Мордвинова, Ковалевскаго и Шамшина.

наторовъ далеко не удовлетворительна, и надзоръ за ней совершенно недостаточенъ. Отвѣтственность губернаторовъ, по справедливому замѣчанію проф. Гессена, имѣеть слишкомъ отвлеченный и сложный характеръ для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ обеспечивать законность дѣйствій губернаторовъ.

Главнѣйшими недостатками современнаго надзора за дѣятельностью губернаторовъ, кромѣ только что указаннаго характера отвѣтственности, являются: 1) раздѣленіе надзора между нѣсколькими учреждениями и должностными лицами, 2) слишкомъ большое, фактически, значеніе министра внутреннихъ дѣлъ и 3) отсутствіе вспомогательнаго органа надзора на мѣстѣ, въ видѣ ли постояннаго должностнаго лица или учрежденія или по крайней мѣрѣ въ видѣ частныхъ сенаторскихъ ре-визій.

Причина-же неудовлетворительности надзора за дѣятельностью губернаторовъ заключается, во-первыхъ, въ недостаткахъ его организаціи и, во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ дѣйствительности отъ закона.

Итакъ, честь созданія надзора за мѣстнымъ управленіемъ всецѣло принадлежитъ Петру Великому; только съ его времени можетъ идти рѣчь о серьезномъ стремленіи правительства обезпечить законность мѣстнаго управленія. Петромъ Великимъ была создана стройная система органовъ надзора за мѣстнымъ управленіемъ вообще и дѣятельностью губернаторовъ въ частности—ихъ объединялъ надзоръ сената.

Политика Екатерины II и учрежденіе министровъ унизили значеніе сената, создалась неопредѣленность во взаимныхъ отношеніяхъ органовъ, осуществлявшихъ надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ, имѣющая своимъ естественнымъ послѣдствіемъ крайне вредный для дѣла антогонизмъ между ними. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія стройности и единства, современный надзоръ стоитъ ниже надзора времени Петра Великаго и первыхъ его преемниковъ. Фактическое-же положеніе надзора за дѣятельностью губернаторовъ всегда было и есть неудовлетворительно.

И. Блиновъ.

III.

УСЛОВІЯ ПРАВОМѢРНОСТИ ВРАЧЕБНЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Случай съ проф. Модлинскимъ заставилъ нашу періодическую печать довольно оживленно потолковать объ ответственности врачебной дѣятельности. Много толковали о высокихъ обязанностяхъ врача,—о томъ, что онъ долженъ всего себя посвятить интересамъ страждущаго человѣчества. Но какъ далеко должно идти его стремленіе служить страждущему человѣчеству? Должно ли оно считаться съ личностью пациента и если должно, то въ какихъ предѣлахъ? Необходимо, однако, точно и опредѣленно установить принципы правомѣрности врачебной дѣятельности, ибо только въ такомъ случаѣ всѣ возникающія въ этой области коллизіи будутъ находить для себя вполне удовлетворительное разрѣшеніе.

Вопросъ объ условіяхъ правомѣрности врачебныхъ дѣяній нашей юридической литературѣ, можно сказать, совершенно неизвѣстенъ. На русскомъ языкѣ не имѣется ни одного спеціальнаго изслѣдованія по этому вопросу. На Западѣ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, хотя и тамъ нашъ вопросъ возникъ сравнительно недавно, всего какихъ-нибудь лѣтъ двадцать тому назадъ. Но и за это короткое время тамъ, особенно въ Германіи, образовалась богатая литература. Одно изъ новѣйшихъ изслѣдованій принадлежитъ проф. Heimberger'у. Въ своей брошюрѣ „Strafrecht und Medizin“ онъ излагаетъ цѣлый рядъ теорій правомѣрности врачебныхъ дѣяній, подвергаетъ ихъ остроумной критикѣ и, въ заключеніе, предлагаетъ свою теорію. На основаніи соч. проф. Heimberger'a читатель получаетъ возможность ознакомиться со всей исторіей нашего вопроса. Такъ какъ означен-

ная брошюра проф. Heimberger'a въ началѣ 1901 г. появилась въ русскомъ переводѣ и къ тому раньше она была рецензирована въ библиографическомъ отдѣлѣ „Вѣстника Права“ г. Розинымъ, то мы считаемъ лишнимъ излагать въ настоящей статьѣ исторію вопроса и подвергать разбору теорію Heimberger'a. Замѣтимъ здѣсь только, что въ литературной судьбѣ вопроса о правомѣрности врачебныхъ дѣяній насъ останавливаютъ два обстоятельства: во-первыхъ, стремленіе ученыхъ юристовъ для всѣхъ врачебныхъ дѣяній подыскать одно общее правовое основаніе, совершенно тождественное во всѣхъ своихъ деталяхъ, и, во-вторыхъ, какая-то предвзятая, ни на чемъ не основанная, увѣренность въ томъ, что врачебныя дѣянія для своего выполненія должны имѣть особое правовое основаніе, отличное отъ основаній всякихъ другихъ видовъ вторженія въ сферу чужихъ интересовъ. Эти два основныхъ положенія, по нашему мнѣнію, неправильныхъ, были главною причиною, породившею въ Германіи въ короткій промежутокъ времени массу разнообразныхъ теорій объ отношеніи права къ медицинѣ, изъ которыхъ ни одна не рѣшаетъ вопроса во всей его полнотѣ.

При обсужденіи вопроса о правовой конструкціи того или иного вида вторженій въ сферу чужихъ интересовъ, необходимо, прежде всего, опредѣлить правовую природу всякаго рода посягательствъ на неприкосновенность правовыхъ благъ третьихъ лицъ и потомъ уже, исходя изъ этого общаго опредѣленія, указать особенности правовой конструкціи для даннаго вида вторженій,—особенности, зависящія отъ видовыхъ свойствъ этихъ вторженій. Только такимъ путемъ можно правильно конструировать ученіе о правомѣрности врачебныхъ дѣяній, какъ одного изъ видовъ вторженія въ сферу чужихъ интересовъ.

Всѣ виды подобныхъ вторженій съ правовой точки зрѣнія могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія категории: 1) дѣянія, дающія въ своемъ результатѣ нѣкоторый плюсъ (и только плюсъ) для всей массы правовыхъ благъ того лица, по отношенію къ которому выразилось это вторженіе (напр., даръ въ сферѣ имущественныхъ интересовъ); 2) дѣянія, сопровождающіяся нѣкоторыми измѣненіями правовыхъ благъ этого лица (сюда относятся, напр., дѣйствія различныхъ ремесленниковъ, перерабатывающихъ данные имъ матеріалы тѣмъ или другимъ способомъ); 3) дѣянія, уничтожающія одно благо и создающія на его мѣстѣ другое (строитель рубить рощу и на занимаемомъ ею участкѣ изъ полученнаго такимъ образомъ матеріала строить домъ для его владѣльца) и, наконецъ, 4) дѣянія, только уничтожаю-

ція или повреждающія то или иное правовое благо, не сопровождающіяся никакими положительными результатами (поджогъ чужого имущества и т. д.). Въ жизненныхъ отношеніяхъ это схематическое дѣленіе часто подвергается тѣмъ или инымъ коррективамъ, благодаря различной комбинаціи указанныхъ группъ дѣяній. Но отсюда нельзя заключать, что оно не имѣетъ никакого практическаго значенія,—что здѣсь теорія, по образу и подобию многихъ существующихъ теорій, совершенно оторвана отъ жизни и ничего общаго съ нею не имѣетъ. Для насъ важно указать правовые принципы каждой категоріи перечисленныхъ дѣяній, и это указаніе будетъ имѣть практическое значеніе: разъ мы найдемъ принципы каждой категоріи въ отдѣльности, то въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть дѣло лишь съ той или иной комбинаціей этихъ принциповъ.

Перечисляя различные виды посягательствъ на неприкосновенность чужихъ благъ, мы указывали примѣры такихъ посягательствъ изъ области имущественныхъ отношеній; но нельзя ли раздѣлить на такія же категоріи также и врачебныя дѣянія? Намъ это представляется вполне возможнымъ: дѣяніе первой категоріи мы будемъ имѣть тамъ, гдѣ врачъ какому нибудь малокровному, напр., или чахоточному больному доставляетъ возможность жить, положимъ, въ санаторіи, пользоваться вполне здоровымъ воздухомъ, питательной пищей, лекарствами, укрѣпляющими организмъ и т. п.; дѣянія второй категоріи будутъ тамъ, гдѣ производится, напр., операція пластической хирургіи, исправляется какой нибудь уродливый тѣлесный недостатокъ и т. п.; къ третьей категоріи должно быть отнесено насильственное врачебное дѣяніе, когда врачъ, лишая больного свободы, производитъ ему соответствующую операцію и тѣмъ спасаетъ его жизнь; врачъ, повреждающій здоровье или тѣло больного, не принося этимъ никакой пользы пациенту, несомнѣнно, совершаетъ дѣяніе, относящееся къ четвертой категоріи; сюда же относятся и врачебныя дѣянія въ пользу третьихъ лицъ (трансплантація, трансфузія и т. п.) и совершаемыя съ научной цѣлью.

Далѣе, съ точки зрѣнія уголовного права всякій видъ вмѣшательства одного субъекта въ правовую жизнь другого можетъ проходить чрезъ всѣ моменты уголовно-правовыхъ отношеній, начиная съ дѣяній совершенно безразличныхъ въ этомъ отношеніи, продолжая дѣяніями, совершенными по неосторожности, въ состояніи крайней необходимости, необходимой оборонѣ, при исполненіи служебнаго долга и кончая преступными дѣяніями, совершенными съ той или другой степенью умышленности. Это замѣчаніе по справедливости должно отно-

ситься также и къ врачевнымъ дѣяніямъ, гдѣ блага одного подвергаются воздѣйствію другого. Поэтому одного общаго для всѣхъ этихъ дѣяній принципа нѣтъ и не можетъ быть. Они должны быть классифицированы подобно всѣмъ дѣяніямъ, представляющимъ собою вторженіе въ сферу чужихъ интересовъ, и для каждаго ихъ разряда долженъ быть указанъ особый принципъ безнаказанности или наказуемости. При этомъ необходимо замѣтить слѣдующее: оцѣнка дѣяній, происходящихъ изъ посторонняго вмѣшательства въ сферу чужихъ интересовъ, осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при такомъ вмѣшательствѣ, помимо тѣхъ правовыхъ благъ, на которыя оно простирается, нерѣдко такъ или иначе поражаются и другія блага. Благодаря этому оцѣнка такихъ дѣяній чрезвычайно затрудняется.

Итакъ, прежде всего намъ необходимо выяснить основные моменты, обуславливающіе собою право вмѣшательства одного лица въ сферу интересовъ другого. Вопросъ этотъ не рѣшенъ а priori и въ самомъ широкомъ обобщеніи существующими теоріями; между тѣмъ то или иное рѣшеніе его должно дать намъ ключъ къ правовой оцѣнкѣ врачевныхъ дѣяній.

Задача, цѣль общественной жизни—вотъ правовое основаніе для всякаго рода вторженій въ чужую правовую жизнь. Главная же задача общественной жизни заключается въ томъ, чтобы дать возможность каждому отдѣльному индивиду достигать того, чего онъ не достигъ бы своими собственными силами, дѣйствуя самостоятельно, безъ посторонней поддержки. Отсюда вытекаетъ нравственная обязанность и право каждаго члена общества оказывать помощь и содѣйствіе своимъ соотечественникамъ; отсюда вытекаетъ въ частности и право врачевной помощи. Каждый врачъ, въ нормальныхъ случаяхъ своей дѣятельности, имѣетъ своею задачею устранить то или иное зло въ жизни другого лица. Этой своей цѣли онъ достигаетъ однимъ изъ тѣхъ видовъ дѣяній, которые указаны нами выше. Его уполномочиваетъ на это самый фактъ существованія общественной жизни. Онъ здѣсь дѣйствуетъ во имя общества и его именемъ. Слѣдовательно, врачевныя дѣянія оправдываются ихъ *целью*.

Тѣмъ не менѣе не всякое вмѣшательство въ сферу чужихъ интересовъ, хотя бы съ самою благою цѣлью, можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія права. Постоянное вмѣшательство общества въ интересы отдѣльной личности до невозможности стѣснило бы послѣднюю; она лишилась бы одного изъ важнѣйшихъ своихъ свойствъ—свободы самоопредѣленія; общество поглотило бы личность, оно существовало бы само для себя, а не для личности. Это, несомнѣнно, повело бы

къ извращенію главнѣйшей, основной задачи общественной жизни, состоящей въ содѣйствіи развитію индивида. Во избѣжаніе такого порабощенія личности, право твердо устанавливаетъ и охраняетъ другой великій принципъ общественной жизни, по которому даже и *beneficia non obtruduntur*. Этимъ принципомъ въ достаточной степени гарантируется неприкосновенность личности. Такимъ образомъ, общественно-правовыя отношенія, выражающіяся во вмѣшательствѣ одной личности въ интересы другой, основываются на двухъ важнѣйшихъ принципахъ, изъ которыхъ *первый* даетъ право каждому члену общества содѣйствовать преуспѣванію и развитію своего сотоварища, а *последній* въ достаточной степени гарантируетъ для каждаго индивида его свободу самоопредѣленія, какъ важнѣйшій моментъ личной жизни. По отношенію къ врачебной дѣятельности второй принципъ выражается въ требованіи совершенія врачебныхъ дѣяній *только съ согласія больного*. Иначе сказать: цѣль врачебной дѣятельности оправдываетъ врача предъ обществомъ или государствомъ, а согласіе пациента — передъ этимъ послѣднимъ. Поэтому въ видѣ общаго правила можно установить слѣдующее положеніе: всякое врачебное дѣяніе не противоправно, а потому и ненаказуемо, коль скоро оно совершается съ цѣлью устраненія того или иного патологическаго состоянія больного и съ согласія этого послѣдняго. Оба эти момента являются основаніемъ права врачебной дѣятельности. Этимъ изложенный здѣсь взглядъ существенно отличается отъ взгляда у Lilienthal'я, которой основаніемъ врачебной дѣятельности считаетъ только цѣль ея, въ согласіи же пострадавшаго видитъ одну лишь границу для врачебныхъ посягательствъ. Нарушеніе перваго принципа въ области практики имѣетъ своимъ результатомъ обыкновенно тѣлесное поврежденіе, нарушеніе второго ведетъ къ деликту противоправнаго насилія.

Въ большинствѣ случаевъ врачебной практики оба эти принципа идутъ рука объ руку, не вступая ни въ какую коллизію другъ съ другомъ, но нерѣдко бываютъ и отступленія въ ту или другую сторону. Иногда правомъ допускается усиленіе требованій одного принципа и ослабленіе другого, доходящее иной разъ, повидимому, до полного устраненія. Отдѣлка такихъ отступленій съ правовой точки зрѣнія производится на основаніи свойствъ даннаго врачебнаго дѣянія, въ зависимости отъ того, къ какой изъ четырехъ вышепоименованныхъ категорій оно относится. Для дѣяній первой категоріи, т. е. содѣйствующихъ только увеличенію правовыхъ благъ того лица, по отношенію къ которому они предпринимаются, какъ и для дара въ имущественныхъ

отношеніяхъ, не требуется прямого согласія отъ лица управомоченнаго, лишь бы эти дѣянія совершались не прямо противъ ясно выраженной воли паціента. По мѣрѣ перехода къ дѣяніямъ слѣдующихъ категорій требованіе согласія паціента все болѣе и болѣе усиливается и достигаетъ своего крайняго выраженія въ сферѣ дѣяній, принадлежащихъ къ четвертой категоріи, гдѣ возможность врачебнаго посягательства опредѣляется исключительно волею подвергающагося посягательству, даже если бы этотъ послѣдній былъ не дѣеспособною личностью. Это важное обстоятельство относительно значенія согласія недѣеспособной личности въ области врачебныхъ дѣяній совершенно упущено изъ виду всѣми изслѣдователями нашего вопроса, между тѣмъ оно много содѣйствуетъ разъясненію отношеній права и медицины. Никакое поврежденіе блага (если это *только* поврежденіе) не можетъ быть выполнено безъ согласія заинтересованной личности. Но и здѣсь объективный принципъ правомѣрности дѣянія не теряетъ своего значенія; въ силу этого принципа отъ дѣяній такого рода требуется, чтобы они были не безнравственны и не противны общественнымъ интересамъ. Въ области врачебныхъ дѣяній такимъ образомъ конструируется оправданіе, съ правовой точки зрѣнія, врачебныхъ посягательствъ по отношенію къ третьимъ лицамъ (трансфузія, трансплантація, научные эксперименты надъ живыми людьми и т. п.). Всѣ подобныя посягательства могутъ быть совершены только съ согласія заинтересованныхъ личностей, хотя бы онѣ считались и недѣеспособными; только это согласіе оправдываетъ врача предъ объектомъ его посягательства; предъ государствомъ же исключаяющимъ наказуемость моментомъ является непротивная общественнымъ интересамъ и нравственности цѣль дѣянія.

Съ другой стороны, роль того или другого момента въ правовой оцѣнкѣ дѣяній, представляющихъ собою вторженіе въ сферу чужихъ интересовъ, въ сильной степени опредѣляется значеніемъ блага, поставляемаго этими дѣяніями въ опасность, и блага, которое они должны доставить. Чѣмъ важнѣе первое и чѣмъ ничтожнѣе второе, тѣмъ требованіе согласія со стороны подвергающагося вторженію становится все интенсивнѣе и интенсивнѣе. На крайней границѣ этого рода дѣяній мы опять таки встрѣчаемся съ требованіемъ согласія даже отъ лицъ недѣеспособныхъ какъ необходимаго условія для совершенія ихъ. Въ области врачебныхъ посягательствъ сюда относятся, напр., операціи пластической хирургіи, которыя во всѣхъ случаяхъ могутъ быть совершены только съ согласія паціента. Операціи этого рода сулятъ благо съ общественной точки почти безразличное, между тѣмъ онѣ

такъ или иначе подвергаютъ жизнь опасности; рискъ за исходъ такого предпріятія общество не можетъ и даже не имѣетъ права брать на себя, онъ всецѣло предоставляется заинтересованной личности. Совершенно обратное получается въ томъ случаѣ, если тѣмъ или инымъ дѣяніемъ поставляется въ опасность сравнительно ничтожное благо, тогда какъ въ случаѣ бездѣйствія съ увѣренностью можно ожидать поврежденія или уничтоженія важныхъ правовыхъ благъ. Дѣянія этого рода могутъ производиться даже и безъ согласія лица, подвергающагося имъ, особенно въ томъ случаѣ, если возможность получить такое согласіе чѣмъ-нибудь затруднена или же и вовсе устранена. Правомѣрность подобныхъ дѣяній основывается на презумпціи, что согласіе на дѣяніе было бы дано управомоченнымъ, если бы была къ тому возможность. Но этого мало: есть условія, при которыхъ известное дѣяніе можетъ быть предпринято даже противъ ясно выраженной или подразумеваемой воли управомоченнаго лица. Необходимо разсмотрѣть условія, затрудняющія или же устраняющія возможность полученія согласія, а также условія совершенія дѣяній противъ воли заинтересованнаго лица. Это бываетъ прежде всего въ томъ случаѣ, если дѣятелю приходится имѣть дѣло съ лицами недѣеспособными—по причинѣ ли гражданскаго несовершеннолѣтія, или вслѣдствіе постоянного или временнаго разстройства умственныхъ способностей, вплоть до случайной потери сознанія. Сюда же относятся случаи, когда внезапно постигшее несчастіе лишаетъ управомоченную личность, хотя бы и вполне дѣеспособную, возможности выразить свою волю или даже отнестись болѣе или менѣе сознательно къ совершающемуся факту. Во всѣхъ этихъ случаяхъ презумпція согласія заинтересованной личности вполне логична, возможна и допустима. Но иногда бываетъ и такъ, что управомоченный, въ противность своимъ интересамъ, не соглашается на вторженіе въ сферу его правовыхъ благъ со стороны посторонняго лица, причемъ несогласіе это клонится къ несомнѣнному вреду для его собственныхъ благъ. Общество (или государство) считаетъ себя въ правѣ взять такую личность подъ свою опеку и тѣмъ устранить вредъ, возможный вслѣдствіе обнаруженнаго ею проявленія воли. Это совершается въ томъ предположеніи, что проявленія воли такого лица ненормальны, что въ противномъ случаѣ согласіе на вмѣшательство несомнѣнно было бы дано. Слѣдовательно, и здѣсь презумпція соизволенія можетъ быть допущена. Въ такихъ случаяхъ критеріемъ для оцѣнки проявленій волевой дѣятельности управомоченнаго субъекта является такая волевая дѣятельность, которая можетъ быть проявлена со стороны *boni patris*

familias. Идея boni patris familias свойственна всякому праву, и только эта идея можетъ быть положена въ основу института всякаго рода опеки—какъ организованной, такъ и случайной. Проявленіе такой дѣятельности, которая несвойственна bono patri familias, даетъ государству или обществу право вмѣшаться въ жизнь проявляющаго ее лица и своею сильною рукою направить на тотъ путь, который избранъ былъ бы со стороны boni patris familias. При этомъ необходимо еще разъ замѣтить, что такого рода вмѣшательство въ сферу интересовъ той или другой личности, доходящее до полного игнорированія ея воли, можетъ быть допущено только тогда, когда результатомъ невмѣшательства должно явиться уничтоженіе или поврежденіе важныхъ правовыхъ благъ, и чѣмъ важнѣе подвергающееся опасности благо, тѣмъ ближе возможность насильнаго вмѣшательства. Если же при этомъ подвергается опасности не только правовое благо данной личности, но и блага другихъ членовъ общества, то государство считаетъ себя уполномоченнымъ на дѣйствія противъ воли этой личности, хотя бы даже и во вредъ для нея. Здѣсь принципъ согласія заинтересованнаго лица рѣшительно теряетъ всякое значеніе, онъ совершенно отпадаетъ, ибо соблюденіе его не приноситъ пользы заинтересованному лицу и вредитъ всему обществу, т. е. въ конецъ нарушаетъ всякій смыслъ общественной жизни. Итакъ, даже возможность подобныхъ явленій нисколько не колеблетъ установленнаго выше положенія о правовыхъ основаніяхъ дѣяній, представляющихъ собою вторженіе въ сферу чужихъ интересовъ. Общество имѣетъ полное право заботиться о самосохраненіи, ибо въ основѣ этой заботы лежитъ охраненіе интересовъ личности; оно не въ силахъ будетъ выполнять эту свою задачу, если не будетъ заботиться о самомъ себѣ.

Средства, употребляемая обществомъ для осуществленія своихъ задачъ, должны быть примѣняемы только до тѣхъ поръ, пока они цѣлесообразны; въ противномъ случаѣ общество имѣетъ полное право отбросить ихъ, какъ негодныя, и замѣнить новыми, болѣе соответствующими своему назначенію.

Такъ какъ при этомъ свобода личности подвергается серьезной опасности, то право, во избѣжаніе развитія произвола со стороны общества и государства, должно съ точностью указать условія возникновенія опеки надъ личностью и границы ея примѣненія; при регламентированіи этого вопроса, какъ видно изъ сказаннаго, руководящими моментами являются степень опасности для того или другаго блага, его значеніе въ общественной и личной жизни и, наконецъ, степень возможности довѣрять къ волеизъявленію лица, въ жизнь ко-

того вмѣшивается общество. Послѣдній моментъ должно считать важнѣйшимъ, ибо отъ вниманія къ нему зависитъ степень гарантіи личныхъ правъ. Если этотъ моментъ упускается изъ виду, то общество порабощаетъ личность вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ея развитію.

Переходимъ теперь къ чисто врачебнымъ дѣяніямъ. Необходимо выяснитъ условія, при которыхъ требованіе согласія на производство врачебнаго дѣянія ослабляется или и вовсе уничтожается. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ условія эти совпадаютъ съ условіями для осуществленія дѣяній крайней необходимости. Здѣсь, какъ и тамъ, требуется, чтобы опасность отъ невмѣшательства была слишкомъ серьезна—такъ, чтобы размѣрами и качествами своими она превышала степень и послѣдствія правонарушенія, необходимо соединеннаго съ подобнымъ вмѣшательствомъ безъ или противъ воли лица, котораго оно касается. По отношенію къ врачебнымъ дѣяніямъ патологическое состояніе, которое врачъ намѣревается устранить своимъ вмѣшательствомъ, должно быть безусловно опасно для жизни паціента, въ то время какъ самое врачебное дѣяніе должно быть совершенно безопасно въ этомъ отношеніи и безусловно необходимо для спасенія больного. Средство, употребляемое врачомъ для устраненія опасности, должно быть вѣрнымъ и общепризнаннымъ. Съ другой стороны, здѣсь, какъ и при крайней необходимости, играетъ роль интенсивность опасности, для устраненія которой требуется постороннее вмѣшательство. Если болѣзнь постигла человѣка внезапно, и для ея устраненія необходимо немедленное вмѣшательство, врачъ имѣетъ полное право оказать помощь больному, не ожидая его разрѣшенія. По общему правилу лицо, не оказавшее своего содѣйствія постигнутому внезапнымъ несчастіемъ, если для него такое содѣйствіе не соединялось ни съ какой опасностью, подлежитъ даже уголовной ответственности. Это правило должно распространяться и на врачей. Итакъ, серьезность возникающей опасности и интенсивность—вотъ два условія, всегда оправдывающія врачебныя дѣянія, предпринятые безъ согласія паціента, хотя бы и вполне дѣеспособнаго. По отношенію къ лицамъ недѣеспособнымъ такія дѣянія допускаются даже и безъ наличности второго условія; необходимо только, чтобы болѣзнь, для излеченія которой врачъ предпринимаетъ свое дѣяніе безъ согласія паціента, была опасна для здоровья или жизни. Интересно и въ высшей степени важно при этомъ выяснитъ значеніе воли представителей недѣеспособнаго паціента, ея вліяніе на правовую оцѣнку врачебнаго дѣянія. Прежде всего нужно отмѣтить, что никакой представитель, если только

онъ не спеціалистъ въ области медицины, не можетъ считаться компетентнымъ въ рѣшеніи вопроса о необходимости того или иного врачебнаго дѣянія по отношенію къ представляемому имъ. Оцѣнка врачебныхъ дѣяній, сулящихъ одно благо и нерѣдко повреждающихъ другое, производится или съ субъективной точки зрѣнія, или съ объективной. Первое доступно только лицу, подвергающемуся врачебному посягательству, второе — только спеціалисту. За отсутствіемъ дѣеспособности у пациента субъективная оцѣнка совершенно теряетъ свою силу и значеніе, остается одна только объективная. Поэтому вполне разумно было бы въ такихъ случаяхъ совершенно игнорировать волю представителей недѣеспособнаго лица. Этотъ взглядъ находитъ для себя оправданіе и въ самой организаціи опеки и представительства; какъ опека, такъ и представительство, въ случаѣ недѣеспособности данной личности, или учреждаются, или санкціонируются государствомъ; но въ большинствѣ государствъ *de jure*, а въ остальныхъ *de facto* врачъ тоже является какъ бы органомъ опеки. Такимъ образомъ, въ указанномъ случаѣ, несомнѣнно, сталкиваются два общественныхъ органа опеки, и предпочтеніе должно быть отдано не непосредственно приставленному къ недѣеспособной личности, а болѣе компетентному. И отвѣтственность за эти дѣянія должна ложиться исключительно на врача, согласіе представителей не должно играть роль момента, влияющаго на наказуемость. Briand (*De l'intervention chirurgicale chez les aliénés au point de vue médico-legal. Annal. d'hygiène publ.* 40, стр. 71) считаетъ труднымъ вопросъ о правѣ врачей на производство своихъ дѣяній тамъ, гдѣ таковыя запрещаются семействомъ больного, которое по какимъ-нибудь соображеніямъ желаетъ его смерти, а также и тамъ, гдѣ голоса членовъ семьи за и противъ совершенія врачебнаго дѣянія не могутъ объединиться въ какую-нибудь одну сторону ¹⁾. Трудность рѣшенія этого вопроса зависитъ исключительно отъ того, что волю представителей больного здѣсь придается рѣшающее значеніе. Возможность такихъ коллизій совершенно устраняется, разъ право найдетъ возможнымъ игнорировать въ такихъ случаяхъ волю замѣстителей больного. Это еще болѣе подтверждаетъ логическую вообще и правовую въ частности цѣлесообразность предложенной выше конструкціи отношеній врача къ недѣеспособному пациенту.

Что касается случаевъ, когда совершеніе врачебнаго дѣянія допу-

¹⁾ Zeitschrift f. d. gesammte Strafrechtswissenschaft. 1900 г. XX т., 758—759 стр.

скается безъ явно выраженной воли больного, причѣмъ можно презумировать скорѣе его несогласіе, чѣмъ согласіе, то здѣсь требуется, чтобы дѣяніемъ этимъ устранялась крайняя опасность для жизни, постигая больного моментально и требующая немедленнаго вмѣшательства третьихъ лицъ. Опасность эта можетъ быть создана самимъ больнымъ, желавшимъ ея наступленія; но его воля не принимается во вниманіе, ибо онъ здѣсь дѣйствуетъ не такъ, какъ дѣйствовалъ бы *bonus pater familias*. Сюда относятся, между прочимъ, случаи покушенія на самоубійство. Фактъ покушенія указываетъ самъ собою на нежеланіе врачебной помощи; но никакой судъ не подвергъ бы отвѣтственности врача, спасшаго самоубійцу, даже если бы послѣдній самъ подалъ на него жалобу. Волю такихъ лицъ право можетъ игнорировать, считать ее ненормальной и потому не заслуживающей общественной поддержки, ибо въ огромномъ большинствѣ случаевъ эта воля отмѣняется самими дѣятелями: не имѣя подъ руками соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ, мы все-таки съ увѣренностью можемъ сказать что лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ случаевъ покушенія на самоубійство, при неудавшейся первой попыткѣ, повторяются во второй разъ. Это обстоятельство даетъ намъ фактическое основаніе для предложенной оцѣнки подобныхъ врачебныхъ дѣяній. Правомѣрность дѣяній врача въ такихъ случаяхъ также несомнѣнна, какъ и правомѣрность дѣяній лица, которое принимаетъ мѣры къ тушенію пожара, устроеннаго самимъ собственникомъ загорѣвшагося имущества, хотя бы этотъ пожаръ ничѣму имуществу больше не угрожалъ.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ проявленіе воли со стороны управомоченнаго считается ненормальнымъ и потому игнорируется правомъ; это дѣлается въ томъ предположеніи, что управомоченный, если бы онъ пришелъ въ нормальное состояніе, самъ отмѣнилъ бы свою волю. Кромѣ того, дѣянія эти совершаются не во вредъ управомоченному; въ концѣ концовъ онъ даже не лишается возможности снова соотвѣтствующимъ дѣяніемъ подтвердить свою волю; въ случаѣ предотвращенія результатовъ предпринятаго имъ разрушительнаго дѣйствія свобода самоопредѣленія все-таки не уничтожается, между тѣмъ какъ по наступленіи этихъ результатовъ никакой свободы въ этомъ отношеніи уже не можетъ быть. Такимъ образомъ, въ подобныхъ случаяхъ личный принципъ общественной жизни сохраняется въ большей степени, чѣмъ когда-либо.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ дѣянія, которыми совершенно устраняется свобода самоопредѣленія личности во вредъ этой послѣдней. Къ такого рода дѣяніямъ во врачебной практикѣ должны быть

отнесены случаи, когда, напр., при распространеніи эпидемическихъ заболѣваній, больныхъ насильно изолируютъ; сюда же относятся и карантинныя мѣры. Цѣль этихъ дѣяній—оградить общество отъ такихъ стихійныхъ бѣдствій, активная борьба съ которыми рѣшительно не подъ силу человѣчеству. Иного способа, кромѣ изоляціи, пока нѣтъ въ распоряженіи человѣка, и потому общество въ интересахъ цѣлаго допускаетъ себѣ здѣсь полное нарушеніе личнаго принципа. Правомѣрность подобныхъ дѣяній опредѣляется исключительно ихъ цѣлью; субъективный моментъ здѣсь совершенно отпадаетъ. Интересно обратить вниманіе на то обстоятельство, что какъ тѣъ врачевныя дѣянія, относительно которыхъ требованіе согласія пострадавшаго достигаетъ наивысшаго значенія, такъ и тѣъ, при совершеніи которыхъ общество допускаетъ себѣ полный произволъ относительно заинтересованной личности, совершенно игнорируя ея волю, повидимому, вполне совпадаютъ по своимъ существеннымъ свойствамъ: и тѣъ, и другія совершаются въ интересахъ общества и во вредъ объекту дѣянія. Между тѣмъ отношеніе къ нимъ права діаметрально противоположно: въ то время какъ первыя могутъ быть совершены только съ согласія управомоченной личности, вторыя обыкновенно совершаются противъ ея воли. Это объясняется тѣмъ, что между обоими рассматриваемыми видами врачевныхъ дѣяній имѣется и существенное различіе. При врачевныхъ посягательствахъ, совершаемыхъ въ пользу третьихъ лицъ (трансплантація и трансфузія) или съ научною цѣлью для пользы общества, лицо, по отношенію къ которому допускается такое посягательство, нисколько не отвѣтственно за наступившее или могущее наступить несчастіе, съ точки зрѣнія права оно можетъ быть совершенно не заинтересовано въ этомъ; допуская посягательства на свои правовыя блага, оно только совершаетъ благодѣянія для другихъ; а насильно благодѣтельствовать нельзя никого заставить; это было бы со стороны права полнымъ отрицаніемъ свободы самоопредѣленія, полнымъ попраніемъ личнаго принципа. Не то въ случаѣ насильной изоляціи эпидемическаго больнаго: здѣсь этотъ послѣдній является или можетъ явиться виновникомъ, хотя иногда и невольнымъ, народнаго, общественнаго бѣдствія, слѣдовательно, онъ долженъ считаться отвѣтственнымъ передъ обществомъ за такое проявленіе своей воли, которое можетъ повредить обществу; во избѣжаніе возможнаго или для уничтоженія наступившаго вреда общество въ правѣ лишить данную личность свободы волеизъявленія. Здѣсь право одного вступаетъ въ коллизію съ такими же правами другихъ: уничтоженіемъ уже поврежденныхъ правовыхъ благъ перваго (заболѣвшаго эпидемической болѣзнью) общество

желает охранить въ цѣлости права послѣднихъ, еще неповрежденные, но подвергающіяся этой опасности при правовой охранѣ и поддержкѣ правъ больного. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ состояніемъ крайней необходимости, относящимся не къ отдѣльной личности, а къ цѣлому обществу. Также должно быть конструировано и право врачей производить перфоруцію въ случаѣ несчастной беременности. И въ этомъ случаѣ право на жизнь матери вступаетъ въ коллизію съ такимъ же правомъ вновь нарождающагося чловѣка. Согласіе матери на перфоруцію, конечно, не имѣетъ правового значенія, ибо никто не имѣетъ права давать согласія на умерщвленіе другого. Здѣсь, несомнѣнно, выполняется деликтъ убійства такого существа, которое снабжено самостоятельной правовой защитой. Если этотъ деликтъ допускается правомъ, то исключительно въ силу крайней необходимости. Плодъ снабжается правовой защитой въ томъ предположеніи, что онъ можетъ появиться на свѣтъ Божій естественнымъ путемъ. При его безусловной защитѣ, законъ создалъ бы неразрѣшимыя противорѣчія, ибо онъ совершенно неосновательно оставилъ бы безъ правовой защиты мать, цѣною жизни которой можетъ быть достигнута такая защита плода; между тѣмъ какъ его собственная жизнеспособность въ этомъ случаѣ представляется болѣе, чѣмъ сомнительной. Такъ разсуждаетъ и проф. Heimberger въ своей брошюрѣ „Strafrecht und Medizin“. Но если согласіе матери на перфоруцію не имѣетъ никакого значенія для оправданія этого дѣянія, то несогласіе, наоборотъ, должно быть признано безусловно рѣшающимъ вопросомъ о производствѣ этой операции: если никто не имѣетъ права давать согласія на умерщвленіе другого, то это не значить, что никто не можетъ жертвовать собою для спасенія другого; общественный строй жизни всегда допускалъ возможность самопожертвованія.

Общество (или государство), одобряя и оправдывая врачебную дѣятельность, имѣетъ въ виду ея благодѣтельную цѣль. Только поэтому оно считаетъ себя въ правѣ допустить себѣ тѣ или иныя ограниченія личности въ этомъ отношеніи. Но для того, чтобы подобныя ограниченія не оказались произвольными, общество должно извѣстнымъ образомъ гарантировать право личности. Гарантии эти должны быть направлены къ тому, чтобы, во-первыхъ, неприкосновенность личности нарушалась только въ случаѣ необходимости, и, во-вторыхъ, употребляемые обществомъ средства, по своему значенію для заинтересованной личности, вполне соответствовали своей цѣли. Иначе и проще сказать: обществу необходимо позаботиться о томъ, чтобы врачебная дѣятельность приносила больному пользу, а не вредъ, и чтобы она

допускалась только тогда, когда въ ней есть дѣйствительная нужда. Устраивая различныя спеціальныя учебныя заведенія для лицъ, желающихъ посвятить себя врачебной дѣятельности, предоставляя имъ всякія возможныя средства для усовершенствованія въ наукахъ медицинскихъ, государство, очевидно, стремится осуществить это требованіе въ жизни. Но этого мало: во многихъ государствахъ для большей увѣренности въ подготовленности врачей, а, слѣдовательно, и для большей безопасности личности, считается необходимымъ учредить особый контроль надъ кандидатами медицины въ отношеніи ихъ знаній и предоставить право врачебной практики только тѣмъ изъ нихъ, которые выдержатъ соотвѣтствующее испытаніе своихъ знаній со стороны государства. Это такъ называемая правительственная аппробація, удостоверяющая въ компетентности даннаго лица по той или другой отрасли наукъ, ремесль или искусствъ и разрѣшающая ему примѣнять свои знанія на практикѣ. Изъ сказаннаго видно, что эта аппробація ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться основаніемъ законмѣрности врачебныхъ дѣяній, какъ то думаютъ Binding ¹⁾, Таганцевъ ²⁾, отчасти Сергѣевскій ³⁾ и др.

Аппробація—не основаніе, а *только гарантія* законмѣрности врачебныхъ дѣяній. Только при такомъ взглядѣ на нее для насъ становится понятно, почему аппробація врачебной дѣятельности существуетъ далеко не во всякомъ государствѣ и почему также даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ она существуетъ, остаются безнаказанными удачныя врачебныя дѣянія, выполненныя лицами, не имѣющими соотвѣтствующей аппробаціи. Такимъ образомъ, аппробація является не болѣе, какъ коррективомъ къ объективному принципу врачебной дѣятельности; да иначе поставить дѣло даже и фактически невозможно: врядъ ли какое государство имѣетъ въ настоящее время достаточное количество лицъ, которыя заслуживали бы аппробаціи; установить аппробацію въ качествѣ основного принципа права врачебной дѣятельности значило бы поэтому создать для членовъ общества массу затрудненій въ дѣлѣ пользованія врачебной помощью, а также обезпечить правовой нормой самыя благоприятныя условія для возникновенія и развитія цѣлаго ряда такихъ преступленій и проступковъ, которые являются неизбѣжнымъ результатомъ даннаго строя общественной жизни. Во всякомъ

¹⁾ Handbuch, I, 1885 г., 802—803 стр. и Grundriss, 5 изд. § 77, III (цит. по „Strafrecht und Medizin“ Heimberger'a).

²⁾ П т. „Лекцій“, стр. 555—556.

³⁾ „Русское уголовное право, ч. общая“, изд. 4, стр. 235.

случаѣ, врачебное дѣяніе, совершенное по праву „призванія“, какъ выражаются нѣмцы, лишается своего противоправнаго характера только въ глазахъ государства, но не паціента, являющагося объектомъ этого дѣянія. Государство, проводящее этотъ принципъ относительно правомѣрности врачебныхъ дѣяній въ своемъ законодательствѣ, несомнѣнно, должно игнорировать личность, а преобладаніе такого отношенія къ личности указываетъ на полицейскій характеръ государственнаго строя. Кромѣ того, оно ведетъ къ развитію формальнаго принципа врачебныхъ дѣяній. Это мы видимъ, напр., въ древнемъ Египтѣ, гдѣ врачебное дѣяніе, совершенное не по правиламъ науки, хотя и съ благопріятнымъ исходомъ, все-таки влекло за собою смертную казнь для врача ¹⁾. Какъ видно изъ этого примѣра, разсматриваемая теорія правомѣрности врачебныхъ дѣяній находитъ свое призваніе не только въ наукѣ, но и въ дѣйствительности. Примѣръ проведенія ея въ жизнь мы видимъ и въ Россіи, о чемъ подробно будетъ сказано ниже.

Изложенное здѣсь о правѣ врачебной дѣятельности можетъ быть сведено къ слѣдующимъ формуламъ:

1. Всякое врачебное дѣяніе не противоправно, а потому и не наказуемо, разъ оно совершается въ интересахъ больного и съ его согласія.

2. Требованіе согласія паціента усиливается, если врачебное дѣяніе преслѣдуетъ безразличныя съ объективной точки зрѣнія цѣли въ отношеніи подвергающагося этому дѣянію (пластическая хирургія) или совершается въ интересахъ третьяго лица (трансфузія, трансплантаци) или науки, хотя и безъ опасныхъ для жизни и здоровья паціента послѣдствій.

3. Требованіе согласія паціента ослабляется, если врачебное дѣяніе, безусловно полезное для паціента и не вредящее ни въ какомъ отношеніи его здоровью и жизни, можетъ быть совершенно *только* безъ явно выраженнаго волеизъявленія больного (случаи врачебныхъ дѣяній надъ недѣеспособными по какой бы то ни было причинѣ лицами, хотя бы недѣеспособность эта относилась только къ моменту совершения врачебнаго дѣянія).

4. Согласіе паціента совершенно игнорируется въ тѣхъ случаяхъ, когда врачебное дѣяніе предпринимается съ цѣлью предупредить вредныя послѣдствія бездѣйствія для окружающихъ паціента лицъ, хотя бы и со вредомъ для самого подвергающагося врачебному дѣянію или для его правъ (случаи перфораци и изоляци).

Всякое врачебное дѣяніе, выходящее за предѣлы, намѣченные

¹⁾ Kühner, „Die Kunstfehler der Aerzte“, Fr. a/M. 1886, стр. 1.

этими формулами, относится уже къ области преступныхъ дѣяній. Ученіе объ этихъ дѣяніяхъ не нуждается въ особомъ разсмотрѣніи, такъ какъ составъ ихъ соотвѣтствуетъ общему составу преступленій, выражающихся въ умышленныхъ или небрежныхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, въ большей или меньшей степени опасныхъ для жизни, а также и въ насиліи и принудительномъ лишеніи свободы.

На практикѣ, однако, въ высшей степени трудно бываетъ установить разницу между преступными и непроступными медицинскими дѣяніями. Какъ замѣчено въ началѣ настоящей статьи, это зависитъ прежде всего отъ отсутствія въ теоріи и положительномъ правѣ опредѣленныхъ принциповъ, обуславливающихъ собою правомѣрность медицинскихъ дѣяній. Но даже и при наличности такихъ принциповъ затруднительное положеніе суда при разсмотрѣніи того или иного конкретного случая изъ медицинской практики почти не устраняется. Это потому, что судъ, вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующей подготовки, не имѣетъ возможности правильно рѣшить вопросъ о фактическомъ составѣ подлежащаго его разсмотрѣнію медицинского дѣянія. Для этого нужно спеціальное медицинское образованіе. Вслѣдствіе недостатка компетентности въ этой области судъ принужденъ прибѣгать къ содѣйствію врача-эксперта; но мнѣніе эксперта для суда необязательно, притомъ высказывается оно случайно и обыкновенно тонетъ безслѣдно въ массѣ слѣдственного матеріала. Поэтому вполне цѣлесообразно было бы устроить особые суды экспертовъ, въ составъ которыхъ входили бы специалисты своего дѣла (а также и представители отъ общества) и на обязанности которыхъ лежала бы задача опредѣленія фактическаго состава даннаго дѣянія. Необходимость устройства такихъ судовъ сказывается и въ другихъ областяхъ общественныхъ отношеній. Нѣкоторый намекъ на осуществленіе этой идеи мы видимъ въ устройствѣ промышленныхъ палатъ на Западѣ и отчасти въ организаціи административныхъ судовъ въ Германіи.

Въ нашемъ русскомъ законодательствѣ мы находимъ мало данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы рѣшить вопросъ о томъ, какъ смотреть нашъ законъ на условія правомѣрности медицинскихъ дѣяній. Притомъ имѣющіяся въ немъ данныя довольно противорѣчивы, неясны и неопредѣленны.

Въ основу права медицинской дѣятельности нашъ законъ кладетъ цѣль медицинскихъ дѣяній—„оказаніе дѣятельной помощи всякаго званія (?) людямъ, болѣзнями одержимымъ“ (114 ст. уст. врач., XIII т. Св. Зак.,). Согласіе пациента нигдѣ не устанавливается, какъ необходимый признакъ медицинского дѣянія, дѣлающій это послѣднее

непротивоправнымъ и ненаказуемымъ. Эта характерная черта русскаго законодательства объясняется глубокой тенденціей законодателя самостоятельно пеcись о благѣ подданныхъ и увѣренностью его въ своей полной компетентности на этотъ счетъ. Особенно наглядно идея попеченія о благѣ подданныхъ выражена въ 952 ст., п. 1, уст. врач., которая по поводу принятія полицейскихъ мѣръ безопасности на случай распространенія эпидемическихъ заболѣваній гласитъ: „Внушается обывателямъ, что принимаемыя мѣры необходимы для прекращенія оказавшейся болѣзни и служатъ къ ихъ общему благу. Присемь священники приглашаются принять на себя обязанность объяснять необходимость и пользу таковыхъ мѣръ и убѣждать, чтобы они были спокойны, полагаясь на благость Божію и *попеченіе начальства*, и въ общепользномъ дѣлѣ *безропотнымъ повиновеніемъ* помогали совѣтамъ и приказаніямъ врача“. Насколько велика увѣренность обывателей въ благостномъ попеченіи о нихъ начальства, показываютъ, между прочимъ, такъ называемые холерные бунты, которыми всякій разъ ознаменовывается появленіе въ Россіи эпидемии и которые происходятъ не только въ глухихъ селахъ и деревняхъ, но даже и въ городахъ. Конечно, главною причиною такихъ бунтовъ является невѣжество народа и тотъ паническій страхъ, который овладѣваетъ массою при появленіи этого стихійнаго бѣдствія. Но врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что немаловажную роль въ этомъ случаѣ играетъ также и то обстоятельство, что государство требуетъ отъ обывателей только пассивнаго послушанія и вѣры въ благотѣльность попеченій начальства, ничего не оставляя имъ на долю самоопредѣленія. Если бы въ этомъ отношеніи допускалась государствомъ хотя бы какая-нибудь фикція, то и тогда обыватель въ большей степени считалъ бы себя обязаннымъ исполнять то, что имъ свободно на себя принято; тогда было бы взаимное обязательство, а не одно только подчиненіе съ одной стороны и властвованіе съ другой.

Однако, нельзя думать, что наше законодательство совершенно игнорируетъ согласіе больного, какъ признакъ правомѣрнаго врачебнаго дѣянія. Въ силу 116 и 906 ст.ст. устава врачебнаго, а также 872 и 873 ст.ст. уложенія о наказ. уголовной отвѣтственности подвергается врачъ, не явившійся къ больному *по приглашенію*; это можно считать косвеннымъ указаніемъ на то, что въ извѣстныхъ случаяхъ врачъ можетъ совершать свои дѣянія только съ согласія больного или его представителей. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, вопросъ о вліяніи согласія больного на правомѣрность или неправомѣрность врачебнаго дѣянія слишкомъ мало затронутъ въ нашемъ законодательствѣ.

Цѣль врачебнаго дѣянія не только оправдываетъ врача, но и возлагаетъ на него долгъ „подавать врачебныя пособія людямъ, болѣзнями одержимымъ“ (906 ст. уст. врач.). Такимъ образомъ, обладаніе известными знаніями прикрѣпляетъ врача къ известной службѣ государству; врачебная дѣятельность является своего рода повинностью предъ государствомъ; представляетъ собою обязанность, за неисполненіе которой законъ угрожаетъ уголовной отвѣтственностью и притомъ большей, чѣмъ какая полагается за неправильное лѣченіе, имѣвшее своимъ результатомъ смерть пациента или важный здоровью вредъ, именно: за дѣяніе послѣдняго рода врачъ „предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства“, „буде онъ христіанинъ“ (870 ст. ул. нак.); за уклоненіе же отъ исполненія врачебной помощи врачъ, операторъ, акушеръ, фельдшеръ, повивальная бабка и т. д. подвергаются денежному взысканію до 100 руб. (872 ст. ул. нак.). Такая особенность регламентаціи въ данномъ случаѣ является результатомъ взгляда на послѣдній проступокъ врача, какъ на преступленіе по службѣ.

Выдвигая на первый планъ цѣлевой принципъ оцѣнки врачебныхъ дѣяній и отгѣсняя на задній участіе въ этой оцѣнкѣ воли пациента, русское законодательство должно было обратить серьезное вниманіе на гарантіи цѣлесообразности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и законмѣрности врачебныхъ дѣяній. Съ этой цѣлью оно создаетъ институтъ строгаго контроля надъ врачами и ихъ дѣятельностью. Во главѣ этого контроля стоитъ медицинскій департаментъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ слѣдуютъ врачебныя управы и др. учрежденія, „изыскивающія всѣ возможные способы познать достоинство, прилежаніе и искусство подвѣдомыхъ служащихъ врачей“ (25 ст. уст. вр.). Отъ различныхъ контрольныхъ учреждений государства зависитъ какъ апробація врачей, такъ и вся ихъ дальнѣйшая дѣятельность. Только апробированные государствомъ врачи имѣютъ право медицинской практики (125 и 126 ст. уст. вр.). Слишкомъ прямолинейное проведеніе этого принципа въ русскомъ законодательствѣ повело къ развитію чисто формальной оцѣнки врачебныхъ дѣяній. Это видно изъ приведеннаго выше сопоставленія статей уголовного уложенія о мѣрѣ наказанія за неправильное лѣченіе и за бездѣйствіе врача. Далѣе, за печальный исходъ врачебнаго дѣянія, совершеннаго неапробированнымъ врачомъ, полагается большее наказаніе, чѣмъ за такое же дѣяніе дипломированнаго врача, между тѣмъ какъ оцѣнку этихъ дѣяній можно было бы произвести и по принципу— „кому больше дано, съ того больше и взыщется“. Съ другой стороны, ис-

ходя изъ того же принципа формальной оцѣнки, русское законодательство рѣшительно и безусловно запрещаетъ врачебную дѣятельность лицамъ, не получившимъ соотвѣтствующей аппробаціи. „Медицинскій департаментъ, гласитъ ст. 130 врач. уст., обязанъ всемѣрно наблюдать, дабы лѣченіе людей производимо было не иначе, какъ испытанными въ томъ врачами, отвращая всякій вредъ, который отъ такъ называемыхъ эмпириковъ и шарлатановъ происходить можетъ“. Никто изъ лицъ, не имѣющихъ соотвѣтствующаго диплома, „не можетъ заниматься никакою отраслюю врачебной или ветеринарной практики въ Россіи“ (125 ст. уст. врач.). Въ деревняхъ сельское начальство обязано даже такихъ лицъ „ловить и представлять въ земскую полицію для взысканія по законамъ“ (134 ст. уст. врач.). Призвать къ себѣ такое лицо для лѣченія будетъ тоже преступленіемъ или, по крайней мѣрѣ, полицейскимъ проступкомъ, такъ какъ дѣяніемъ этимъ (актомъ призванія) нарушается ст. 133 уст. врач.

Такимъ образомъ, по смыслу русскихъ законовъ, право врачебной дѣятельности въ Россіи обусловливается исключительно служебнымъ положеніемъ. Но фактически такая постановка дѣла рѣшительно невозможна: чтобы это требованіе закона не было пустымъ звукомъ, государству необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи такой составъ этихъ чиновниковъ медицинскаго вѣдомства, который могъ бы удовлетворить нужды всего населенія государства; между тѣмъ нигдѣ не чувствуется въ такой степени, какъ въ Россіи, недостатокъ въ лицахъ, подготовленныхъ къ врачебной дѣятельности. Если бы медицинскую помощь у насъ оказывали только апробированные государствомъ врачи, то большинство населенія Россіи оказалось бы въ безысходномъ положеніи: оно должно было бы или оставаться безъ всякой помощи, или же совершать преступленіе (что обыкновенно и дѣлается), прибѣгая къ нелегальному средству, въ видѣ содѣйствія лицъ, не уполномоченныхъ на то. Съ другой стороны, даже и при вполне достаточномъ количествѣ управомоченныхъ врачей не всегда фактически возможно пользоваться исключительно ихъ помощью (на это, между прочимъ, указываетъ и профессоръ Heimberger). Нашъ законъ сознаетъ неисполнимость своихъ требованій и вноситъ въ нихъ нѣкоторыя поправки, обнаруживая тѣмъ самымъ крайнюю непослѣдовательность и впадая въ противорѣчія съ самимъ собою. Прежде всего, онъ оставляетъ безъ всякой санкціи 133 ст. уст. врач., запрещающую больнымъ призывать на помощь не апробированныхъ лѣкарей. Въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ русское законодательство также не отличается послѣдовательностью. По смыслу уложенія о наказаніи

ніяхъ, не всѣ такіе лѣкари подвергаются уголовной отвѣтственности, а лишь тѣ изъ нихъ, отъ врачеванія которыхъ „произойдетъ вредъ для здоровья“, если они при этомъ употребляли „ядовитыя или сильно дѣйствующія вещества“ (871¹ улож. о нак., 879 уст. врач.). Мало того: въ противность прямому смыслу 125 ст. уст. врач., запрещающей не апробированнымъ врачамъ заниматься всякою отраслью врачебной и ветеринарной практики въ Россіи, 132 ст. того же устава по отношенію къ нимъ ограничивается уже только заурещеніемъ „*постоянно* заниматься лѣченіемъ какихъ либо внутреннихъ или наружныхъ болѣзней, и въ особенности за денежную плату или для другихъ собственныхъ выгодъ“. Изъ примѣчанія же къ этой статьѣ мы видимъ, что „сіе постановленіе не относится однакожь къ тѣмъ, которые по необходимости и челоувѣколюбію безвозмездно помогаютъ больнымъ своими совѣтами и сообщеніемъ извѣстныхъ имъ медикаментовъ и иныхъ средствъ лѣченія“. Этими поправками подрываются въ корнѣ вышеизложенныя требованія закона; все стройное зданіе самой заботливой опеки надъ подданными въ конецъ разрушено. Но законъ на этомъ не останавливается; въ 908 ст. врач. уст. онъ идетъ дальше, предлагая свое покровительство, если не „шарлатанамъ“, то, во всякомъ случаѣ, также осужденнымъ имъ „эмпирикамъ“. Согласно этой статьѣ, „медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ времени до времени, издастъ отъ имени своего и министерства общепонятныя наставленія и руководства о врачебномъ пособіи подвергающимся различнымъ болѣзнямъ“, причемъ „министерство внутреннихъ дѣлъ обязывается принимать мѣры для того, чтобы наставленія сіи были всякому легко доступны и распространялись сколь можно болѣе между грамотными обывателями въ городахъ и деревняхъ... и вообще тѣми, которыя по своему положенію въ гражданскомъ обществѣ могутъ совѣтами и примѣромъ распространять въ народѣ содержащаяся въ оныхъ свѣдѣнія и научать или пользоваться въ нужныхъ случаяхъ“. О томъ, какимъ неожиданнымъ превращеніемъ подвергается безусловное требованіе государственной апробаціи на право врачебной практики, когда дѣло идетъ о регламентаціи врачебной помощи въ средѣ русскихъ инородцевъ, можно совсѣмъ не упоминать.

При такой неопредѣленности и противорѣчивости принциповъ, опредѣляющихъ условія правомѣрности врачебныхъ дѣяній, по русскому закону, трудно, конечно, ожидать, чтобы общественное правосознаніе и подлежащіе органы судебной и административной власти могли съ успѣхомъ разрѣшать тѣ вопросы изъ области врачебной практики, которые выдвигаетъ на сцену сама жизненная дѣйствительность. Поэтому наши пожеланія на сей счетъ ясны сами собою.

Въ заключеніе, ко всему изложенному считаемъ долгомъ прибавить еще слѣдующее. Вопросъ о правовыхъ основаніяхъ врачебныхъ дѣяній заслуживаетъ глубокаго и серьезнаго изученія не только потому, что это вопросъ *suī generis*. такъ сказать, что жизнь настоячиво требуетъ его разрѣшенія въ его специальной, конкретной формѣ, но и потому, что во всѣхъ врачебныхъ дѣяніяхъ въ большей степени, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, сконцентрированы всѣ особенныя свойства дѣяній, представляющихъ собою тотъ или иной видъ вторженія въ сферу чужихъ интересовъ. Благодаря этому обстоятельству, изучая специально врачебныя дѣянія съ правовой точки зрѣнія, мы получаемъ возможность съ наибольшимъ успѣхомъ проникнуть въ правовую преграду всякаго рода вмѣшательствъ въ область чужихъ интересовъ. Врачебныя дѣянія представляютъ собою какъ бы самую природою изолированныя явленія, т. е. въ нихъ сами собою даны тѣ условія для ученаго изслѣдованія, которыя въ большинствѣ случаевъ изслѣдователю приходится создавать искусственно.

М. Кр—скій.

IV.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА ПО ВОПРОСУ О ПРИМЪНЕНИИ ВРЕМЕННЫХЪ ПРАВИЛЪ, УТВЕРЖДЕННЫХЪ Г. МИНИ- СТРОМЪ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ 11 НОЯБРЯ 1887 г., О ВЫ- ДАЧЪ ПОСОБІЙ СЛУЖАЩИМЪ НА КАЗЕННЫХЪ ЖЕЛЪЗ- НЫХЪ ДОРОГАХЪ, ПОЛУЧИВШИМЪ РАЗСТРОЙСТВО ЗДО- РОВЬЯ.

Временныя правила 11 ноября 1887 г., преслѣдовавшія задачу обезпеченія служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ на случай инвалидности, примѣнялись въ судебныхъ мѣстахъ около десяти лѣтъ до воспослѣдованія рѣшенія гражданскаго кассационнаго департамента по дѣлу Николая Иванова (рѣш. 1901 г. № 15). Судьба этихъ правилъ, равно какъ и рѣшеніе Сената, отнявшее у лицъ, предъявлявшихъ иски на основаніи этихъ правилъ, право судебной защиты, не лишены извѣстнаго интереса въ смыслъ яркаго примѣра, къ сожалѣнію, нерѣдко повторяющагося и крайне нежелательнаго колебанія взглядовъ нашего кассационнаго суда на одни и тѣ же вопросы, доходящіе до его разрѣшенія. Правила эти, озаглавленные: „временныя правила о выдачѣ ежегодныхъ денежныхъ пособій получившимъ увѣчье служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, ихъ вдовамъ и семействамъ, утвержденныя г. министромъ путей сообщенія 11 ноября 1887 г.“, содержатъ всего 4 параграфа, изъ коихъ особенное значеніе имѣютъ: параграфъ 1 п. а и параграфы 21 и 31. Параграфъ I гласитъ: „пособія должны быть выдаваемы: а) семействамъ служащихъ, умершихъ отъ увѣчья, и служащихъ, которые лишились навсегда способности къ дальнѣйшему труду, въ размѣрѣ половины послѣдняго

оклада и по сроки, указанные въ 657 и 658 ст. т. X ч. 1^а. Пункты б и в говорятъ о лицахъ, которыя могутъ продолжать службу, но въ должностяхъ болѣе легкихъ и оплачиваемыхъ меньшими окладами. Параграфъ II: „вышеупомянутыя пособія выдаются лишь тѣмъ лицамъ, которыя обращались непосредственно въ управления дорогъ, претензіи отъ лицъ, обратившихся первоначально въ судъ и получившихъ со стороны его отказъ, остаются безъ удовлетворенія“. Параграфъ III: „опредѣленіе случаевъ, когда можетъ выдаваться вспомошествованіе пострадавшему или его семейству и размѣровъ такового вспомошествованія—возлагается на особое совѣщаніе, состоящее подъ предѣдательствомъ управляющаго дорогою изъ начальниковъ службъ: ремонта пути, телеграфа, движенія, тяги, матеріальной, юрисконсульта управления и главнаго врача дороги при участіи съ совѣщательнымъ голосомъ представителя отъ мѣстнаго контроля. Постановленія совѣщанія по такому предмету приводятся въ исполненіе по утвержденіи ихъ временнымъ управленіемъ“. По поводу примѣненій этихъ правилъ представлень былъ со стороны управления казенныхъ желѣзныхъ дорогъ цѣлый рядъ возраженій. Указывалось на то, что эти правила установлены для внутренняго распорядка и изданы для руководства исключительно управленій желѣзныхъ дорогъ и что посему предьявленіе исковъ на основаніи этихъ правилъ допускаемо быть не можетъ; что съ просьбою о пособіи должны обращаться непосредственно въ управления дорогъ, а, слѣдовательно, не въ судъ; что опредѣленіе размѣра пособій точно также зависитъ отъ усмотрѣнія особаго совѣщанія, указаннаго въ ст. III правилъ, и что въ крайнемъ случаѣ эти правила могутъ примѣняться лишь къ служащимъ, получившимъ увѣчье, а не къ тѣмъ, которые лишились способности къ труду, но увѣчья не получили. Въ подтвержденіе послѣдняго положенія ссылались на переписку, предшествовавшую изданію этихъ правилъ. Впервые, насколько намъ извѣстно, вопросы эти дошли до разсмотрѣнія гражданскаго касс. департа. въ дѣлѣ коллежскаго секретаря Павла Бостельмана, прослужившаго много лѣтъ на Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ, продолжавшаго службу и послѣ перехода дороги этой въ 1889 году въ казну, лишившагося совершенно способности къ труду вслѣдствіе прогрессивно развившейся у него болѣзни ногъ и предьявившаго въ судебномъ порядкѣ искъ къ управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ о присужденіи ему пожизненно пособія въ размѣрѣ половины оклада его жалованья на основаніи пункта а ст. 1 правилъ 11 ноября 1887 г. С.-Петербургскій окружный судъ удовлетворилъ исковыя требованія Бостельмана, а по принесенной на это рѣшеніе со стороны временнаго управленія казен-

ныхъ желѣзныхъ дорогъ апелляціонной жалобѣ, въ которой между прочимъ указывалось и на то, что Бостельманъ не только не получилъ увѣчья, но что болѣзнь его возникла и развилась во время его службы на Ряжско-Веземской желѣзной дорогѣ еще до перехода ея въ казну, послѣдовало 12 ноября 1891 г. рѣшеніе 1 гражданскаго департамента С.-Петербургской судебной палаты, въ которой она указываетъ, что правила 11 ноября 1887 г. относятся лишь до служащихъ, получившихъ увѣчье на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ; значеніе же увѣчій опредѣляется 1477 ст. улож. о наказ., а между тѣмъ истецъ никакого увѣчья не получилъ и болѣзненное его состояніе, сопряженное съ разстройствомъ движенія въ нижнихъ конечностяхъ, развилось прогрессивно при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей въ прежнемъ обществѣ Ряжско-Вяземской желѣзной дороги, но не въ казенномъ управленіи; что посему ходатайство истца представляется не требованіемъ собственно вознагражденія за полученное увѣчье, а требованіемъ пенсіи за долговременную службу, на которой онъ дѣйствительно потерялъ здоровье; что въ такомъ видѣ искъ Бостельмана не можетъ быть удовлетворенъ, такъ какъ пенсіоннаго устава въ обществѣ Ряжско-Вяземской дороги не существовало и казенное управленіе, къ коему перешли обязанности сего общества, не можетъ быть присуждено къ назначенію какой либо пенсіи. По этимъ соображеніямъ палата отмѣнила рѣшеніе суда и отказала Бостельману въ искѣ. Истецъ обжаловалъ это рѣшеніе въ гражданскій кассационный департаментъ, который, заслушавъ это дѣло въ отдѣленіи, высказалъ слѣдующее:

„Принимая во вниманіе: 1) что судебная палата, при разрѣшеніи вопроса, составляетъ ли поврежденіе ногъ, коимъ страдаетъ истецъ, такое увѣчье, которое даетъ ему право на пособіе на основаніи временныхъ правилъ о выдачѣ денежныхъ пособій получившимъ увѣчье служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, неправильно приняла въ руководство 1477 ст. улож. о наказ., потому что статья эта опредѣляетъ понятіе увѣчья лишь въ смыслѣ уголовно-наказуемаго дѣянія; настоящій же искъ вытекаетъ не изъ такого дѣянія, а имѣлъ своимъ предметомъ требованіе пособія вслѣдствіе поврежденія на службѣ здоровья, лишившаго истца способности къ труду; 2) что, въ виду сего, означенный выше вопросъ палата должна была разрѣшить не на основаніи 1477 ст. улож. о наказ., а по соображенію точнаго смысла временныхъ правилъ, утвержденныхъ Министромъ Путей Сообщенія 11 ноября 1887 г., по 1-му пункту которыхъ пособія должны выдаваться семействамъ служащихъ, умершихъ отъ увѣчья, и служащимъ,

которые лишились навсегда способности къ дальнѣйшему труду; 3) что между тѣмъ судебная палата, ограничившись ссылкой лишь на заголовокъ упомянутыхъ временныхъ правилъ и на 1477 ст. улож. о наказ., вовсе не вошла въ обсужденіе содержанія сихъ правилъ; 4) что, установивъ въ своемъ рѣшеніи, что служба истца Бостельмана продолжалась на Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ и послѣ перехода ея въ казенное управленіе, судебная палата признала, что казенное управленіе, къ которому перешли обязанности общества Ряжско-Вяземской желѣзной дороги, не можетъ быть присуждено къ назначенію истцу какой либо пенсіи, потому что болѣзненное состояніе его развилось прогрессивно при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей въ обществѣ Ряжско-Вяземской желѣзной дороги, и 5) что къ такому заключенію палата могла бы прійти только въ томъ случаѣ, если бы она установила, что по смыслу правилъ 11 ноября 1887 года, на которыхъ основанъ былъ искъ Бостельмана, служащіе на желѣзной дорогѣ не имѣютъ права на пособіе, ежели прогрессивное разстройство ихъ здоровья возникло во время службы ихъ на частной желѣзной дорогѣ до перехода ея въ казну, но такого вывода изъ означенныхъ правилъ судебная палата не сдѣлала, и посему заключеніе ея по сему предмету представляется ни на чемъ неоснованнымъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты, по нарушенію 711 ст. уст. гражд. суд., отмѣнить и передать дѣло на разсмотрѣніе другого департамента той же палаты“.

С.-Петербургская судебная палата по 2 департаменту, гдѣ это дѣло разсматривалось послѣ кассациіи перваго рѣшенія палаты, удовлетворила исковыя требованія Бостельмана, причемъ нашла: управленіе дорогъ признаетъ правила 11 ноября 1887 г. непримѣнимыми къ настоящему дѣлу въ виду того, что, для ихъ примѣненія, необходимо, чтобы претендующее на эти выдачи лицо получило увѣчье и чтобы это увѣчье было получено имъ во время службы его на казенной желѣзной дорогѣ, наличности же этихъ двухъ условій, по мнѣнію отвѣтчика, въ данномъ случаѣ не имѣется, такъ какъ болѣзнь Бостельмана и по характеру, и по природѣ ея не относились къ тѣмъ увѣчьямъ и поврежденіямъ въ здоровьѣ, за которыя желѣзныя подлежатъ отвѣтственности по закону, выраженному въ 683 ст. 1 ч. X. т. изд. 1887 года, въ развитіе которой эти правила и были изданы. Притомъ Бостельманъ утратилъ способность къ труду, вслѣдствіе болѣзни, еще во время служенія его въ частномъ желѣзнодорожномъ обществѣ до перехода Ряжско-Вяземской желѣзной дороги въ казну. Эти указанія повѣреннаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ нельзя

признать заслуживающими уваженія, вслѣдствіе того, что они противорѣчатъ буквальному смыслу ст. 1-й пункта *а* правилъ 11 ноября 1887 года, по которой право на полученіе установленнаго этими правилами пособія принадлежитъ, съ одной стороны, семействамъ служившихъ на желѣзной дорогѣ, и умершихъ отъ увѣчья, а, съ другой, и такимъ служащимъ, которые лишились навсегда способности къ дальнѣйшему труду. Слѣдовательно, для того, чтобы служащій, состоящій на казенной желѣзной дорогѣ, имѣлъ право получить установленное правилами 11 ноября 1887 года пособіе, не представляется существенной необходимости въ томъ, чтобы онъ получалъ увѣчье при эксплуатаціи желѣзной дороги, но для сего достаточно и того случая, когда служащій на казенной желѣзной дорогѣ лишится всякой способности къ труду и по другимъ причинамъ, имѣвшимъ связь съ служебною его дѣятельностью. Посему примѣненіе этихъ правилъ единственно только къ случаямъ увѣчья едва было бы согласнымъ съ истиннымъ ихъ значеніемъ и едва ли соответствовало бы той цѣли, которая преслѣдуется этими правилами—обеспечить служащему, лишившемуся способности къ труду, возможность существованія. Указывая далѣе на то, что правила должны быть толкуемы по тому содержанію, въ какомъ они обнародованы, а не по содержанію той переписки между отдѣльными учрежденіями, которая предшествовала составленію, утвержденію и обнародованію ихъ, что эта переписка могла быть принята во вниманіе лишь въ случаѣ неполноты или неясности въ самой редакціи правилъ, между тѣмъ въ редакціи 1 пункта лит. *а* временныхъ правилъ 11 ноября 1887 года никакой неясности или сомнѣнія палата не усматриваетъ, такъ какъ по тексту означеннаго пункта временныхъ правилъ не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что право на полученіе установленнаго этими правилами пособія принадлежитъ не только семействамъ служащихъ, умершихъ отъ увѣчья, но и такимъ служащимъ, которые потеряли способность къ труду вообще. Палата находитъ незаслуживающимъ уваженія и возраженіе отвѣтчика противъ права Бостельмана на полученіе пособія, заключающееся въ томъ, что болѣзнь истца возникла въ то время, когда Ряжно-Вяземская желѣзная дорога принадлежала частному обществу и, слѣдовательно, до перехода этой дороги въ казну, вслѣдствіе того, что изъ смысла этихъ правилъ не представляется возможнымъ вывести заключенія, что предоставленное этими правилами служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ право на полученіе пособія въ случаѣ потери ими способности къ труду относится къ такимъ только лицамъ, которыя утратили эту способность вслѣдствіе болѣзни, воз-

никновеніе которой относится ко времени служенія ихъ на казенной желѣзной дорогѣ. Напротивъ того, въ правилахъ этихъ не сдѣлано никакого въ семъ отношеніи исключенія, а потому слѣдуетъ признать, что право на полученіе ежегодныхъ пособій по правиламъ 11 ноября 1887 года должно относиться ко всѣмъ вообще служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, коль скоро эти лица потеряютъ окончательно способность къ труду во время ихъ служенія на этихъ дорогахъ, не смотря даже на то, что потеря ими трудоспособности явилась послѣдствіемъ какой либо болѣзни, имѣвшей мѣсто до поступленія ихъ на казенную желѣзную дорогу и прогрессивно развившейся во время служенія уже на этой дорогѣ. По этимъ основаніямъ судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда. Принесенная на это рѣшеніе кассационная жалоба повѣреннаго отвѣтчика была оставлена безъ послѣдствій, причемъ Сенатъ нашелъ: 1) что проситель обвиняетъ палату въ нарушеніи 1536 и 1538 ст. X т. I ч., находя, что, по содержанію утвержденныхъ Министромъ Путей Сообщенія 11 ноября 1887 г. правилъ, таковыя имѣютъ въ виду исключительно служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, получившихъ во время прохожденія ими такой службы увѣчье, тогда какъ палата признала ихъ примѣнимость и въ томъ случаѣ, когда данное лицо не получило никакого увѣчья, но разстроило свое здоровье на службѣ, и притомъ не на службѣ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Это указаніе просителя не заслуживаетъ уваженія, потому что заключеніе палаты, основанное на обсужденіи содержанія вышеуказанныхъ правилъ, не можетъ подлежать повѣркѣ, въ кассационномъ порядкѣ, за силою 5 ст. у. с. у.; 2) что проситель обвиняетъ палату въ извращеніи смысла этихъ правилъ. Но изъ самой жалобы его очевидно, что онъ называетъ такимъ извращеніемъ сдѣланный палатою заключительный выводъ и не указываетъ на признаки извращенія, могущіе вызвать отмену рѣшенія; 3) что проситель обвиняетъ палату въ томъ, что она не разъяснила правила 11 ноября 1887 г. „по намѣренію и доброй совѣсти“, согласно 1539 ст. X т. I ч., если эти правила представлялись для палаты недостаточно ясными по буквальному содержанію, и не воспользовалась, въ видахъ такого разъясненія, той представленной къ дѣлу предварительной перепиской различныхъ правительственныхъ учрежденій, результатомъ которой явились самыя правила 11 ноября 1887 года. Неосновательность этого указанія просителя явствуетъ изъ того, что палата, — какъ это прямо сказано въ ея рѣшеніи, — не нашла въ правилахъ 11 ноября 1887 г. никакой неясности или сомнѣнія, почему и не имѣла основанія ни обращаться

къ толкованію ихъ по предшествовавшей перепискѣ, ни къ примѣненію 1539 ст. X т. I ч.—заключеніе-же палаты по этому предмету не подлежитъ повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ, а помѣщенное въ одномъ мѣстѣ рѣшенія палаты выраженіе: „едва-ли“, при сопоставленіи его съ положительнымъ удостовѣреніемъ объ отсутствіи сомнѣній въ смыслѣ правилъ, не составляетъ никакого противорѣчія и должно быть отнесено къ недостаткамъ изложенія, и 4) что проситель жалуется на оставленіе безъ разсмотрѣнія представленныхъ самимъ истцомъ медицинскихъ удостовѣреній, съ которыми не согласуется выводъ палаты о времени окончательной потери Бостельманомъ трудоспособности. Это указаніе просителя не вѣрно, потому что палата имѣла въ виду представленные удостовѣренія того, что истецъ утратилъ способность къ труду еще во время служенія въ частномъ желѣзнодорожномъ обществѣ, до перехода дороги въ казну, но признала правильнымъ данное повѣреннымъ истца объясненіе, что окончательная потеря его довѣрителемъ трудоспособности произошла во время нахождения его на казенной службѣ, на которую онъ былъ принятъ, не смотря на то, что болѣзненное состояніе его не могло не быть извѣстнымъ управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ изъ тѣхъ-же документовъ, на оставленіе которыхъ безъ разсмотрѣнія жалуется отвѣтчикъ.

Рѣшеніе это послѣдовало въ присутствіи гражданскаго кассационнаго департамента, но напечатано въ сборникѣ рѣшеній Сената не было. Доходившія до Сената послѣ этого нѣкоторые другія дѣла по даннымъ искамъ, въ коихъ повторялись тѣ же вопросы, разсматривались въ присутствіи отдѣленій гражданскаго кассационнаго департамента, и давались болѣе или менѣе одинаковыя разъясненія, согласныя съ рѣшеніемъ по дѣлу Бостельмана. Такъ, по дѣлу Мартына Ничипора, предъявившаго искъ о назначеніи ему пособія вслѣдствіе полученнаго имъ въ теченіи 22-лѣтней службы полнаго разстройства здоровья, совершенно лишившаго его способности къ труду, судебная палата по 1 департаменту, въ отмѣну рѣшеній окружного суда, отказала истцу въ искѣ на томъ основаніи, что правила эти примѣнялись лишь къ служащимъ, получившимъ увѣчье, и что онѣ изданы вообще лишь для руководства управленіямъ дороги, а не суду. Гражданскій кассационный департаментъ въ засѣданіи 28 августа 1899 года отмѣнилъ рѣшеніе палаты, за нарушеніемъ ст. 1536—1538 т. X ч. 1 и 711 ст. уст. гр. суд., высказавъ, что въ ст. 1 пункта а указанныхъ правилъ сказано: „пособія должны выдаваться семействамъ служащихъ, умершихъ отъ увѣчья, и служащимъ, которые лишились навсегда способности къ

дальнѣйшему труду, что „истолкованіе палатою этого пункта правилъ въ томъ смыслѣ, что въ силу этого имѣютъ право на пособіе только служащіе, получившіе увѣчье, а не вообще уволенные отъ службы по болѣзни и неспособности къ труду, но увѣчья не получившіе, представляется несогласнымъ съ буквальнымъ текстомъ означеннаго пункта правилъ и нарушающимъ 1536, 1538 ст. 1 ч. X т. и 711 ст. уст. X т. суд. (рѣш. 1880 г. № 180 и 1889 г. № 53)“; „что вышеуказанное отступленіе отъ точнаго содержанія означеннаго пункта правилъ, не содержащаго въ себѣ указанія на то, что лишеніе навсегда способности къ труду должны обусловливаться полученіемъ служащимъ увѣчья, не можетъ быть оправдано ни ссылкой на заголовокъ означенныхъ правилъ, говорящихъ о пособіяхъ получившимъ увѣчье служащимъ, ибо правила должны быть толкуемы не по заголовку, не могущему исчерпывать всего содержанія правилъ, а по точному содержанію самихъ правилъ и по буквальному ихъ смыслу, ни соображеніемъ о томъ, что правила эти суть ничто иное, какъ инструкціи Министра Путей Сообщенія, изданныя для руководства желѣзныхъ дорогъ при выдачѣ служащимъ вознагражденія самими управленіями дорогъ безъ содѣйствія суда, ибо если правила представлены суду въ подтвержденіе искового требованія, то онѣ, какъ и всякій представляемый суду письменный актъ, должны быть изъясняемы судомъ по правиламъ, для сего установленнымъ“. Разъясненія въ тѣхъ же выраженіяхъ даны Сенатомъ того же 28 августа 1899 г. по дѣлу Василія Иванова и др.

По дѣлу Петра Карелина, искавшаго пособія за разстройство здоровья на основаніи тѣхъ же правилъ, Сенатъ по кассационной жалобѣ отвѣтчика на рѣшеніе Харьковской судебной палаты, удовлетворившей исковыя требованія, въ рѣшеніи отъ 30-го марта 1900 года отвергнувъ указаніе кассатора на примѣненіе этихъ правилъ лишь въ административномъ порядкѣ.

Одновременно съ приведенными дѣлами состоялось рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты отъ 28-го января 1899 года по дѣлу Николая Иванова, искавшаго съ управленія желѣзныхъ дорогъ пособія на 600 рублей въ годъ на основаніи п. 1 правилъ 11 ноября 1887 года за разстройство здоровья на службѣ. По этому дѣлу палата, руководствуясь установившеюся, начиная съ дѣла Бостельмана, кассационною практикою, высказала обычныя разсужденія о толкованіи содержаніи этихъ правилъ, отвергнувъ указанія управленія дорогъ какъ на то, что по этимъ правиламъ нельзя предьявлять иска въ судѣ, такъ и

на то, что на получение пособія по этимъ правиламъ имѣютъ право лишь служащіе, получившіе увѣчье, а не служащіе, лишившіеся способности къ труду, но увѣчья не получившіе. По кассационной жалобѣ, принесенной управленіемъ желѣзныхъ дорогъ, послѣдовало рѣшеніе гражданскаго кассационнаго департамента, напечатанное въ сборникѣ рѣшеній Сената подь № 15 за 1901 годъ, въ которомъ Сенатъ призналъ, что правила 11 ноября 1887 года относятся исключительно къ служащимъ, получившимъ увѣчье, и что, сверхъ того, самое обращеніе къ суду о назначеніи пособія по этимъ правиламъ противно ихъ точному смыслу. Такимъ образомъ, оказывается, что не только судебныя мѣста имперіи, разсматривавшія въ теченіи многихъ лѣтъ эти иски по существу, но и гражданскій кассационный департаментъ, санкціонировавшій эти рѣшенія въ цѣломъ рядѣ разъясненій, занимался судебнымъ разрѣшеніемъ дѣлъ, по коимъ, какъ призналъ тотъ же гражданскій кассационный департаментъ, обращеніе къ суду вовсе не должно имѣть мѣста.

Какіе же доводы произвели измѣненія взгляда Сената на этотъ вопросъ? Вотъ буквально всѣ соображенія, высказанныя Сенатомъ по этому поводу въ рѣшеніи за № 15—1901 г.: „Изъ буквального содержанія правилъ видно, во первыхъ, что опредѣленные въ нихъ пособія выдаются лишь тѣмъ лицамъ, которыя обратились за ними непосредственно въ управленіе дорогъ, и во вторыхъ, что пособія эти назначаются по постановленіямъ особыхъ совѣщаній, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ управляющаго дорогою изъ различныхъ чиновъ управленія, каковыя постановленія приводятся въ исполненіе по утвержденіи ихъ временнымъ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Поэтому и самое обращеніе къ суду о назначеніи пособія по означеннымъ правиламъ противно ихъ точному смыслу“.

Но эти же самые доводы приводились управленіемъ дорогъ и по прежнимъ дѣламъ, причемъ Сенатъ находилъ ихъ незаслуживающими уваженія; такъ, напримѣръ, въ опредѣленіи 30 марта 1900 г., т. е. всего за одинъ годъ до рѣшенія дѣла Николая Иванова, Сенатъ по дѣлу Петра Карелина высказалъ слѣдующее: объясненія просителя въ его кассационной жалобѣ о томъ, что указанные правила могутъ имѣть значеніе лишь административнаго разрѣшенія на выдачу пособій въ особо важныхъ случаяхъ по усмотрѣнію желѣзнодорожнаго начальства, представляются неосновательными, такъ какъ гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніяхъ 1887 года № 70 и 1894 г. № 59 уже разъяснено, что правила о

пособіяхъ, подобныя положеннымъ въ основаніе иска Карелина, имѣютъ значеніе договора управленія желѣзной дороги съ служащими на оной, обязательны для нея и неисполненіе установленной тѣми правилами обязанности, въ силу 570 ст. 1 ч. X т. св. зак., даетъ противной сторонѣ право требовать, въ судебномъ порядкѣ, исполненія той обязанности и что посему судебная палата признаніемъ для отвѣтной по настоящему дѣлу стороны обязательности сихъ правилъ не нарушила указываемыхъ просителемъ статей законовъ основныхъ и 154 ст. учрежд. минист., а также 683, 1528—1530 ст. 1 ч. X т.

Эти соображенія идутъ же прямо въ разрѣзъ съ соображеніями, высказанными въ рѣшеніи по дѣлу Николая Иванова. Если гражданскій кассационный департаментъ счелъ необходимымъ отступить отъ своего взгляда по вопросу о томъ, возможно ли обращеніе къ суду по правиламъ 11 ноября 1887 г., изданнымъ министромъ путей сообщеній, то онъ, по меньшей мѣрѣ, обязанъ былъ критически разобрать свои же соображенія, высказанныя незадолго передъ симъ, и доказать ихъ юридическую несостоятельность, а не совершенно игнорировать ихъ. Въ рѣшеніи за № 15 Сенатъ даже не привелъ юридической квалификации указанныхъ правилъ. Въ дѣлѣ Карелина Сенатъ квалифицируетъ это правило, какъ договоръ; очевидно Сенатъ въ рѣшеніи Николая Иванова съ этимъ несогласенъ; не указывая причинъ несогласія и даже не упоминая объ этомъ, Сенатъ даже не считаетъ нужнымъ высказать, устанавливаютъ ли вообще правила, подобныя настоящимъ, какія либо юридическія отношенія между установленіемъ дорогъ и служащими, а если нѣтъ, то почему. Въмѣсто этого Сенатъ ограничивается ссылкой лишь на пунктъ правилъ, говорящій о непосредственномъ обращеніи просителя въ управленіе, но даже при этомъ цитируетъ лишь первую полувину фразы, упуская ея конецъ, который придастъ ей совершенно иной характеръ. Вотъ весь п. II, какъ онъ изложенъ въ правилахъ: „Вышеупомянутыя пособия выдаются лишь тѣмъ лицамъ, которыя обратились непосредственно въ управленіе дорогъ; претензіи отъ лицъ, обратившихся первоначально въ судъ и получившихъ со стороны его отказъ, остаются безъ удовлетворенія“.

Изъ послѣдней фразы, совершенно опущенной Сенатомъ, какъ будто вытекаетъ, что обращеніе къ суду по этимъ правиламъ возможно, и что лишь получившіе отказъ въ судѣ лишаются права добиваться административнаго назначенія пенсіи.

Во всякомъ случаѣ, ссылаясь на необходимость непосредственнаго

обращенія къ управленію и дѣлая изъ содержанія этой фразы столь существенный выводъ, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, цитировать всю фразу цѣликомъ, а не ограничиться цитированіемъ лишь той части, которая оправдываетъ выводъ, и не упоминать о той, которая можетъ измѣнить смыслъ первой.

Вѣдь это—руководящее рѣшеніе, опубликованное съ цѣлью однообразнаго примѣненія закона и къ тому же отмѣняющее прежнюю многолѣтнюю практику того же гражданскаго кассационнаго департамента.

И тяжущіеся, и судебныя мѣста въ правѣ были ожидать и болѣе обстоятельной разработки вопроса, и болѣе убѣдительной аргументаціи. Идемъ далѣе. Сенатъ въ рѣшеніи по д. Николая Иванова признаетъ, что обращеніе къ суду съ искомъ на основаніи правилъ 11 ноября 1887 г. не можетъ имѣть мѣста. Казалось бы, этотъ вопросъ логически долженъ быть поставленъ на первую очередь, и по разрѣшеніи его въ отрицательномъ смыслѣ нѣтъ надобности входить уже въ толкованіе этихъ правилъ по существу. Тутъ была бы совершенно умѣстна столь часто встрѣчающаяся въ другихъ рѣшеніяхъ Сената стереотипная фраза: „не считая поэтому нужнымъ входить въ разсмотрѣніе другихъ кассационныхъ поводовъ“. Вѣдь разъ невозможно предъявленіе иска по этимъ правиламъ, то не только гражданскому кассационному департаменту, но и судебнымъ мѣстамъ, рѣшающимъ дѣла по существу, не придется приступать къ толкованію содержания правилъ въ другихъ частяхъ, не касающихся вопроса о возможности обращенія къ суду.

Между тѣмъ Сенатъ, устанавливая невозможность обращенія въ судъ съ искомъ о пособіи по этимъ правиламъ, въ томъ же рѣшеніи считаетъ нужнымъ остановиться на вопросѣ о томъ, распространяются ли эти правила только на служащихъ, получившихъ увѣчье, или же и на служащихъ, лишившихся способности къ труду, но увѣчья не получившихъ.

Мало того, Сенатъ прежде всего разсматриваетъ послѣдній вопросъ и лишь послѣ его разрѣшенія прибавляетъ, что и „сверхъ того“ обращеніе къ суду невозможно. Такой приѣмъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что и по вопросу о распространеніи правилъ на служащихъ, лишившихся способности къ труду безъ полученія увѣчья, Сенатъ высказываетъ положеніе, прямо противоположное тому, которое высказывалось имъ и по его указамъ судебными мѣстами въ теченіи многихъ лѣтъ. Сенатъ могъ пощадить свою послѣдовательность и

обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. Такимъ же, такъ сказать,—упрощеннымъ порядкомъ, Сенатъ, приступая къ разсмотрѣнію послѣдняго вопроса, его рѣшаетъ. Единственнымъ мотивомъ для разрѣшенія этого вопроса въ указанномъ смыслѣ въ разъясненіи Сената за № 15 сб. 1901 г. служить то, что „временными правилами 11 ноября 1887 г., какъ видно изъ буквального ихъ смысла, опредѣляются пособія единственно въ случаяхъ полученія служащими на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ увѣчій. Такимъ образомъ, правила эти вовсе не относятся къ служащимъ, утратившимъ способность къ труду не вслѣдствіе увѣчья, а по причинѣ тяжкой и неизлечимой болѣзни, почему эти послѣдніе не могутъ вообще домогаться выдачи имъ пособій по этимъ правиламъ“.

Интересно сопоставить съ этимъ слова, высказанныя Сенатомъ по этому же вопросу по дѣлу хотя бы Василя Иванова въ резолюціи отъ 28 августа 1899 г., т. е. за 14 мѣсяцевъ до рѣшенія дѣла Николая Иванова: „принимая во вниманіе: 1) что въ ст. 1 пункт. а утвержденныхъ министромъ путей сообщенія 11 іюля 1887 г. правилъ о выдачѣ ежегодныхъ денежныхъ пособій служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ сказано: „пособія должны выдаваться семействамъ служащихъ, умершихъ отъ увѣчья, и служащимъ, которые лишились навсегда способности къ дальнѣйшему труду“, 2) что „*истолкованіе палатой этого пункта правилъ въ томъ смыслѣ, что въ силу онаго имѣютъ право на пособіе только служащіе, получившіе увѣчье, а не вообще уволенные отъ службы по болѣзни и неспособности къ труду, но увѣчья не получившіе, представляется, какъ правильно указываетъ проситель, несогласнымъ съ буквальнымъ текстомъ означеннаго пункта правилъ и нарушающимъ 1536, 1538 ст. X ч. 1 и 711 ст. уст. гражд. суд. (рѣш. 1880 г. № 180 и 1889 г. № 53)*“. Такимъ образомъ, по рѣшенію Сената въ дѣлѣ Николая Иванова *примѣненіе* къ лицамъ, не получившимъ увѣчья, несогласно съ *буквальнымъ смысломъ* правилъ, а по рѣшенію Сената въ дѣлѣ Василя Иванова *непримѣненіе* къ лицамъ, не получившимъ увѣчья, несогласно съ *буквальнымъ смысломъ* правилъ. Рѣшеніе по дѣлу Василя Иванова указываетъ, по крайней мѣрѣ, какъ основаніе своего толкованія буквального смысла; выраженія правилъ: „пособія должны выдаваться... и служащимъ, которые лишились навсегда способности къ дальнѣйшему труду“, а рѣшеніе по дѣлу Николая Иванова не указываетъ никакого основанія для своего толкованія буквального смысла правилъ, по которому Сенатъ приходитъ къ иному заключенію, хотя, конечно, при

рѣшеніи дѣла Николая Иванова рѣшеніе по дѣлу Василя Иванова было хорошо извѣстно. И тутъ, какъ и по вопросу объ обращеніи къ суду, мы не находимъ въ рѣшеніи за 1901 г. № 15 ни критики прежде высказанныхъ Сенатомъ соображеній, ни указаній какихъ либо новыхъ, отличающихся большей убѣдительностью, доводовъ; вмѣсто этого дается руководящее рѣшеніе, такъ сказать—на вѣру, безъ всякихъ мотивовъ. Не болѣе утѣшительнымъ является отношеніе Сената вообще къ вопросу, насколько буквальный смыслъ правилъ подлежитъ толкованію въ кассационномъ порядкѣ. Въ рѣшеніи по дѣлу Бастельмана Сенатъ говоритъ, что „заключеніе палаты, основанное на обсужденіи содержанія правилъ, не можетъ подлежать повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ за силою ст. 5 учр. суд.“. уст. Въ рѣшеніяхъ Василя Иванова и Николая Иванова Сенатъ входитъ въ кассационномъ порядкѣ въ обсужденіе содержанія правилъ, но, какъ мы видимъ, приходитъ къ разнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, высказано всего три взгляда, другъ другу противорѣчащихъ: содержаніе правилъ не подлежитъ кассационному разсмотрѣнію, содержаніе правилъ разсматривается и толкуется въ смыслѣ распространенія лишь на служащихъ, получившихъ увѣчье, и, наконецъ, содержаніе правилъ разсматривается и толкуется въ смыслѣ распространенія не только на лицъ, получившихъ увѣчья, а въ концѣ концовъ толковать эти правила не только кассационному суду, но и судебнымъ установленіямъ по существу не приходится, такъ какъ иски на основаніи этихъ правилъ предъявлены быть не могутъ (рѣш. № 15 по дѣлу Николая Иванова). Не слишкомъ ли много разнообразія для разъясненій кассационнаго суда?

Не безынтересно отмѣтить и нѣкоторыя практическія послѣдствія означенныхъ разъясненій. Такъ, по приведенному дѣлу Василя Иванова С.-Петербургская судебная палата по 1 департаменту отказываетъ въ искѣ, находя что на основаніи этихъ правилъ иски предъявлены быть не могутъ и что, во всякомъ случаѣ, они не распространяются на лицъ, не получившихъ увѣчья, Сенатъ отмѣняетъ рѣшеніе, разъяснивъ, что иски по этимъ правиламъ могутъ быть предъявляемы и ихъ правила распространяются и на лицъ, не получившихъ увѣчья. Судебная палата по 2 департаменту, подчиняясь обязательному для нея указу Сената, повторяетъ въ своемъ рѣшеніи приведенныя разсужденія Сената и удовлетворяетъ исковыя требованія. Но Сенатъ вновь отмѣняетъ это рѣшеніе, разъясняя на этотъ разъ, что правила эти не распространяются на лицъ, не получившихъ увѣчья, и что поэтому

иски предъявляемы быть не могутъ. Такимъ образомъ, отмѣняетъ рѣшеніе палата исключительно потому, что она, во исполненіе 813 ст. уст. гражд. суд., подчинилась обязательному для нея разъясненію Сената.

И. Гордонъ.

У.

ИЗЪ СУДЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ ¹⁾.

Среди гражданскихъ дѣлъ окружныхъ судовъ особую группу образуютъ такъ называемыя увѣчныя дѣла. Главнымъ образомъ тѣ, гдѣ иски обращены къ желѣзнымъ дорогамъ или пароходнымъ предпріятіямъ. Дѣла эти чрезвычайно многочисленны. Въ особенности тамъ, гдѣ территория суда изрѣзана или частою сѣтью желѣзнодорожныхъ путей, или судоходными рѣками, или пролегаетъ вдоль берега моря. Обособленными отъ остальныхъ гражданскихъ тяжбъ, дѣла эти являются въ силу своего особаго характера: въ основѣ увѣчныхъ исковъ лежатъ всегда происшествія, повлекшія за собою причиненіе кому либо физическихъ поврежденій или даже смерти, т. е. такія событія, которыя въ мирной сферѣ гражданскихъ тяжбъ являются событіями далеко необычными. Создаютъ обособленность этихъ дѣлъ и особыя процессуальныя ихъ условія: для увѣчныхъ исковъ имѣются отдѣльныя правила касательно тяжести представленія судебныхъ доказательствъ, извѣстная часть которыхъ относится къ обязанности не истца, а отвѣтной стороны.

Сами по себѣ, однако, съ юридической стороны дѣла эти не представляютъ особаго интереса. Въ большинствѣ они крайне однообразны, какъ однообразны, а зачастую и просто шаблонны, и мотивы судебныхъ рѣшеній, по нимъ постановляемыхъ.

Ищутъ обыкновенно тѣ, кто потерялъ физическія поврежденія, или

¹⁾ См. „Вѣстникъ Права“ апрѣль—май 1902 г.

ихъ семьи, если пострадавшему причинена смерть. Задача суда сводится къ установленію лишь факта увѣчья и потери отъ этого потерпѣвшимъ, если онъ остался живъ, способности къ труду, и затѣмъ къ выясненію размѣра утраченныхъ заработковъ пострадавшаго лица. Фактъ увѣчья и размѣръ заработковъ выясняется свидѣтелями; потеря же трудоспособности устанавливается путемъ врачебной экспертизы. Въ особомъ положеніи въ увѣчныхъ искахъ является лишь вопросъ о виновности отвѣтной стороны. Вопросъ этотъ съ точки зрѣнія процессуальныхъ правъ истца—вопросъ безразличный. Виновность слѣдуетъ сама собою изъ одного факта несчастія. Если же виновности нѣтъ, то это обстоятельство можетъ быть выставлено, какъ возраженіе, только отвѣтною стороною, причѣмъ на нее же падаетъ и вся тяжесть доказательствъ въ этомъ отношеніи.

Но иногда и въ области увѣчныхъ исковъ встрѣчаются интересные процессы. Интересные главнымъ образомъ—по обстановкѣ происшествія, вызвавшаго искъ, а порой и по тѣмъ основаніямъ, на которыхъ построено какъ исковое требованіе, такъ и возраженіе отвѣтника.

О трехъ такихъ процессахъ, разрѣшенныхъ таганрогскимъ окружнымъ судомъ, я и намѣренъ поговорить въ этотъ разъ.

1.

16 ноября 1900 года изъ маріупольскаго порта отошелъ на рейдъ пароходъ „Успѣхъ“, принадлежащій купцу Р. Пароходъ шелъ не одинъ—онъ вѣлъ на буксирѣ „дубъ“—небольшое плоскодонное судно, нагруженное зерномъ. Придя на рейдъ, „Успѣхъ“ подвѣлъ дубъ къ англійскому пароходу, для котораго и предназначался доставленный грузъ. Нахлынувшей волной дубъ былъ опрокинутъ, и бывшіе на немъ люди очутились въ водѣ. Изъ нихъ утонуло семь человѣкъ; остальные были спасены. Среди утонувшихъ находился Яковъ С., чья жена и дѣти предъявили къ владѣльцу парохода искъ, прося о взыскаіи въ нихъ пользу 3000 р. съ % и издержками.

Спрошенными по дѣлу свидѣтелями было установлено, что въ день происшествія еще съ ранняго утра на метеорологической станціи г. Маріуполя былъ выставленъ на мачтѣ конусъ остріемъ кверху, какъ знакъ того, что будетъ буря. И буря дѣйствительно началась съ утра, постепенно усиливаясь по мѣрѣ приближенія вечера.

Такимъ образомъ—говоритъ въ своемъ рѣшеніи судъ—какъ предостерегательный знакъ, такъ и дѣйствительное состояніе погоды го-

ворили о томъ, что отправленіе въ море грузового судна, хотя бы и буксироваемаго пароходомъ, опасно, такъ какъ море неспокойно. Но всё эти показанія были оставлены капитаномъ парохода „Успѣхъ“ безъ вниманія. Не обращено было также вниманія и на то, что отправка дуба, кромѣ того, опасна какъ въ виду обремененія дуба грузомъ, такъ и въ виду конструкціи этого судна. Грузъ заключался въ ячменномъ зернѣ и былъ онъ сложенъ въ мѣшкахъ конусообразною кладкою, которая возвышалась надъ бортами дуба на цѣлую сажень. Дубъ же представлялъ собою большую лодку—безпалубную, плоскодонную, съ одной мачтою. Вдоль бортовъ протянуть помость шириною въ три четверти аршина, сдѣланный изъ досокъ. Помость этотъ крѣпко и неподвижно прикрѣпленъ къ бортамъ. И вотъ подобное судно и притомъ нагруженное до такой степени, что края его низко опустили къ водѣ, должно было совершить переходъ съ рѣки Калміуса, гдѣ оно грузилось въ порту, на рейдъ, въ море, за десять верстъ отъ берега.

Дубъ—собственность не отвѣтчика Р., а маріупольскаго купца К. Последнему принадлежалъ и помѣщавшійся на дубѣ грузъ, предназначавшійся для англійскаго парохода, стоявшаго на рейдѣ. Буксировку же дуба долженъ былъ выполнить пароходъ „Успѣхъ“, принадлежавшій отвѣтчику Р. По собственнымъ объясненіямъ отвѣтчика, даннымъ имъ въ одномъ изъ судебныхъ засѣданій, отношеніе его къ дѣлу доставки груза къ англійскому пароходу не заключалось только въ операціи буксировки. Владѣя англійскимъ языкомъ, Р., по его словамъ, является въ маріупольскомъ порту постояннымъ посредникомъ между англійскими капитанами и русскими рабочими, необходимыми иностраннымъ пароходамъ при ихъ нагрузкѣ или разгрузкѣ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Англійскій пароходъ, зафрахтованный К. для экспорта ячменя за границу—къ этому именно пароходу и долженъ былъ направиться дубъ—нуждался въ рабочихъ рукахъ, и Р., какъ всегда, предложилъ свои услуги. Услуги, по способу ихъ оплаты, имѣли коммисіонный характеръ—„за опредѣленный процентъ“. Получивъ отъ англійскаго капитана сумму, потребную для найма грузовщиковъ, Р. удержалъ въ свою пользу процентный гонораръ, а остальное передалъ старостѣ рабочей береговой артели, который и отрядилъ въ распоряженіе Р. необходимое количество людей. Создавалось слѣдующее положеніе вещей: К., зафрахтовавшій англійскій пароходъ, долженъ былъ собственными средствами доставить свой грузъ къ иностранному пароходу, а посланные артелью люди, отпущенные по требованію Р., должны были перегрузить грузъ съ дуба на пароходъ. Къ числу этихъ то людей и принадлежалъ Яковъ С., погибшій при катастрофѣ.

Такимъ образомъ,—говорить судъ,—при доставленіи дуба къ англійскому пароходу, Р., какъ владѣлецъ русскаго буксирнаго парохода, являлся въ двойной роли—въ роли лица, принявшаго на себя буксировку дуба, и въ роли комисіонера, доставлявшаго англійскому пароходу одновременно съ дубомъ и рабочихъ. Эти рабочіе, являвшіеся въ сущности людьми, поставляемыми Р., какъ лицомъ, подрядившимся въ этомъ смыслѣ по отношенію къ англійскому пароходу, были, однако, помѣщены не на пароходѣ „Успѣхъ“, а на буксируемомъ имъ дубѣ. А отсюда тотъ выводъ, что, ведя дубъ на рейдъ, „Успѣхъ“ долженъ былъ быть озабоченъ вдвойнѣ—какъ касательно безопасности дуба и его команды, ввѣренныхъ опытности капитана буксирнаго парохода, такъ и касательно случайныхъ пассажировъ дуба—тѣхъ рабочихъ, которыхъ отвѣтчикъ отсылалъ въ распоряженіе англійскаго парохода. Обязанности владѣльца парохода здѣсь были тѣсно слиты съ обязанностями комисіонера, лично переправлявшаго черезъ водное пространство свою рабочую артель для нуждъ иностраннаго нанимателя.

Когда у берега была окончена нагрузка дуба, и послѣдній вмѣстѣ со своею командою и артельными рабочими тронулся отъ Мариуполя по рѣкѣ Калміусу вслѣдъ за пароходомъ „Успѣхъ“, направляясь къ морю,—свидѣтель П., слѣдившій, по его словамъ, за движеніемъ парохода, подумалъ: „И куда это его несетъ въ море въ такую погоду?“ То же говорили и другіе портовые рабочіе, тѣснившіеся тутъ же на берегу. Въ такомъ же смыслѣ раздавались рѣчи и на самомъ дубѣ: и команда, и рабочіе, въ виду дурной погоды, говорили старшинѣ дуба, что идти въ море опасно, что груза слишкомъ много и что его слѣдовало бы убавить. Но помочъ дѣлу старшина уже не могъ: пароходъ двигался впередъ,—и дубъ отправился въ дорогу.

Дѣло было осеннимъ вечеромъ. Буря, разростаясь, превратилась въ штормъ. Пошелъ снѣгъ. Дубъ долго и медленно двигался въ темнотѣ среди волнъ и, пройдя десять верстъ, прибылъ, наконецъ, на рейдъ. Въ темнотѣ видѣлся освѣщенный огнями англійскій пароходъ. Онъ, по словамъ свидѣтелей, былъ безъ груза и поэтому, стоя на якорѣ, „рыскалъ“, т. е. по волѣ волнъ бросался изъ стороны въ сторону. Нужно было подойти къ нему; но подходъ былъ опасенъ какъ ввиду волненія и неустойчиваго положенія парохода, такъ и по той причинѣ, что на дубѣ не было огней, и съ „Успѣха“ ничего нельзя было даже разглядѣть изъ того, что дѣлалось на дубѣ,—длина буксирнаго каната была въ сажень двадцать пять.

Послѣ долгихъ усилій дубъ былъ подведенъ сбоку къ борту англійскаго парохода, но не вплотную, а на разстояніи четырехъ или бо-

лѣе аршинъ. Лишь только раздѣляющій промежутокъ опредѣлился такою мѣрою, съ дуба отдали „Успѣху“ конецъ буксирнаго каната и одновременно попытались бросить другіе концы къ англійскому пароходу. Но добросить ихъ не удалось: рыскавшій пароходъ уклонился далеко въ сторону, а набѣжавшая волна ударила дубъ и накренила его. Конусомъ сложенные мѣшки пошатнулись, поползли тоже на сторону; Дубъ легъ на бокъ, и всѣ, кто были на немъ, очутились въ водѣ. Тогда-то и погибъ Яковъ С.

Обстановка происшествія—говорить далѣе судъ—не оставляетъ сомнѣній въ виновности парохода „Успѣхъ“ въ случившемся несчастіи. Вѣтеръ, бушующее море, снѣгъ, низко-сидящій въ водѣ безпалубный, плоскодонный дубъ, темнота осенняго холоднаго вечера—все это и для неспеціалиста въ морскомъ дѣлѣ были такими показателями, при наличности которыхъ должно было отложить буксировку дуба на другое, болѣе благоприятное время. Не сдѣлавъ же этого, владѣлецъ „Успѣха“ естественно долженъ отвѣчать предъ истцами, которые лишились главы семьи, доставлявшаго имъ средства къ жизни.

Въ смыслѣ признанія неправильности дѣйствій буксирнаго парохода высказались и эксперты—моряки, оцѣнкѣ которыхъ былъ предложенъ весь фактическій матеріалъ, добытый по дѣлу. Эксперты признали, что разъ дубъ былъ перегруженъ и безъ палубы, выходъ его въ море представлялъ большой рискъ. При усиливавшемся вѣтрѣ и ввиду штормоваго предостереженія, капитанъ „Успѣха“ долженъ былъ, во избѣжаніе опасности для людей, взять ихъ съ дуба на пароходъ. При подведеніи же дуба къ англійскому пароходу, шкиперъ „Успѣха“ обнаружилъ, по мнѣнію экспертовъ, недостатокъ искусства и знанія морского дѣла. Такъ—къ борту парохода возможно было подвести дубъ лишь въ тихую погоду и при спокойномъ положеніи стоящаго на якорѣ парохода; при „рысканіи“—же его и при наличности волненія моря, дубъ долженъ былъ быть поставленъ на якорь или подведенъ къ кормѣ парохода. Эксперты заявили также, что по принятымъ въ морскомъ дѣлѣ порядкамъ буксирное судно не управляется самостоятельно, а подчиняется распоряженіямъ, идущимъ съ судна буксирующаго, почему и отвѣтственность за неудачные маневры буксируемаго судна ложится на судно буксирующее.

Заключеніе экспертовъ, вполне раздѣляемое судомъ, должно быть дополнено указаніемъ еще на то обстоятельство, что во главѣ буксирующаго судна стояло лицо, неимѣвшее установленнаго для шкиперовъ свидѣтельства, какъ это удостовѣряется имѣющимися въ дѣлѣ документами. На лицо, слѣдовательно, всѣ данныя для удовлетворенія

иска. И размѣры послѣдняго нисколько не преувеличены; спрошенные по дѣлу свидѣтели выяснили настолько значительные ежегодные заработки покойнаго С., что отыскиваемая сумма, при ея присужденіи, явится лишь справедливымъ возмѣщеніемъ убытковъ, причиненныхъ истцамъ смертью ихъ отца и мужа. Что-же касается заявленія отвѣтной стороны, что-де гибель покойнаго С. должна быть отнесена не къ винѣ отвѣтника, а признана результатомъ дѣйствія непреодолимой силы, то это заявленіе опровергается какъ подробностями событія, выясненными свидѣтелями, такъ и всѣми приведенными выше соображеніями.

Окружной судъ поэтому постановилъ объ удовлетвореніи иска въ полномъ его объемѣ.

II.

Только что переданный процессъ является, такъ сказать, процессомъ обстановочнымъ. Весь интересъ въ немъ въ самомъ фактѣ катастрофы—фактѣ незаурядномъ и глубоко-трагическомъ, происшедшемъ гдѣ-то вдали отъ морского берега, среди бушующихъ волнъ, въ мутной мглѣ осенней снѣжной вьюги.

Тѣми же чертами отмѣчено и событіе, лежащее въ основѣ второго дѣла. И тамъ та-же обстановка, та-же оторванность отъ суши и все тотъ-же глубоко-трагическій характеръ происшествія. Но, параллельно съ исключительностью своей внѣшней стороны, второй процессъ заключаетъ въ себѣ и интересное юридическое содержаніе—живое и оригинальное.

Исковое требованіе обращено здѣсь тоже къ пароходовладѣльцу—къ кандидату математическихъ наукъ А. Ф. Оно заключается въ ходатайствѣ о взысканіи съ отвѣтника 1500 р. въ пользу малолѣтняго Николая М. въ вознагражденіе его за смерть его отца Самуила М. Покойный М. служилъ у отвѣтника старшиною баржи и погибъ въ пути, во время слѣдованія баржи по Азовскому морю. Получалъ М. свыше 400 р. въ годъ. Исковая сумма исчислена изъ расчета по сто рублей въ годъ и отыскивалась она на содержаніе и воспитаніе малолѣтняго истца, которому въ моментъ предъявленія иска было шесть лѣтъ. До совершеннолѣтія остается пятнадцать лѣтъ. Считая по сто рублей въ годъ, и образуются тѣ 1500 р., которые являлись предметомъ домогательствъ истца.

Окружной судъ, подвергнувъ подробной оцѣнкѣ имѣющіяся въ

дѣлѣ доказательства, нашель, что среди нихъ прежде всего заслуживаетъ вниманія удостовѣреніе таганрогскаго полицейскаго управленія, выданное женѣ погибшаго Самуила М.—Маріи М. Удоставленіе это гласить, что 29 октября 1899 г. капитанъ парохода „Павель Коцебу“ заявилъ управленію, что подъ буксиромъ командуемаго имъ парохода шла баржа „Фотинія“ и съ нея „неизвѣстно куда исчезъ старшина этой баржи Самуиль М.“ Далѣе въ удостовѣреніи говорится, что вслѣдствіе этого заявленія были сдѣланы предписанія прибрежнымъ полицейскимъ чинамъ о розыскѣ и наблюденіи за появленіемъ трупа. Документъ этотъ, говоритъ судъ, имѣетъ важное значеніе: онъ свидѣлствуетъ о томъ, что исчезновеніе М. имѣло мѣсто во время движенія баржи и что заявленіе объ исчезновеніи, исходя отъ капитана парохода, буксировавшаго баржу, по смыслу своему было указаніемъ на гибель М. въ морѣ. Заявленіе и было такъ понято полицейскимъ управленіемъ, которое и успѣшило сдѣлать распоряженіе о наблюденіи за появленіемъ тѣла утопленника.

Затѣмъ по дѣлу спрошено было два свидѣтеля—Р. и В. Оба эти свидѣтеля вмѣстѣ съ покойнымъ М. служили на баржѣ „Фотинія“, принадлежащей отвѣтчику, первый—матросомъ, а второй—машинистомъ при лебедкѣ. По словамъ свидѣтелей, въ концѣ октября ихъ баржа приняла въ Ростовѣ-на-Дону грузъ—льняное зерно для отправки его за границу и, буксируемая пароходомъ „Коцебу“, отправилась изъ Ростова на таганрогскій рейдъ. Прибыли на рейдъ утромъ, гдѣ и занялись перегрузкой зерна на англійскій пароходъ. Работа затянулась до одиннадцати часовъ вечера и, естественно, утомила какъ матросовъ, такъ и машиниста В., который весь день находился при лебедкѣ. Покойный же М., какъ старшина, въ работѣ не участвовалъ, и поэтому, по окончаніи перегрузки, видя общее утомленіе, предложилъ и матросамъ, и машинисту лечь отдохнуть, сказавъ, что онъ останется надзирать за обратнымъ ходомъ баржи къ Таганрогу.

Предложеніе М., по заявленію свидѣтелей, не заключало въ себѣ ничего такого, что было бы несогласно съ обязанностями М., какъ старшины. Наоборотъ—М. поступилъ такъ, какъ ему и слѣдовало поступить. Старшина во время движенія баржи по большей части остается наверху. Онъ долженъ слѣдить за сигнальными свистками парохода и, когда потребуется, останавливать ходъ баржи, бросая въ море якорь. Онъ, по выраженію свидѣтелей, „наблюдаетъ порядокъ, потому что отвѣтственъ за баржу“. Поэтому предложеніе М., какъ вполне правильное, было принято командою. И когда пароходъ повелъ „Фотинію“ къ Таганрогу вмѣстѣ съ другою баржею, тоже при-

надлежащую отвѣтчику, команда улеглась спать, а М. остался одинъ наверху, у руля.

Ночь, по словамъ свидѣтелей, была темная. Качало. Шелъ дождь. М. былъ одѣтъ въ пальто и непромокаемый плащъ, а на ногахъ имѣлъ ботфорты. Неудобство положенія усиливалось еще тѣмъ, что палуба борта, при движеніяхъ по ней, на каждомъ шагу грозила опасностью: выпуклая по своей конструкціи, мокрая отъ дождя, она вся была усыпана льянымъ зерномъ, убрать которое ночью послѣ окончанія работъ было невозможно. На палубѣ было поэтому очень скользко— „какъ на льду“. И края ея, вопреки принятому всюду обыкновенію, не имѣли сплошныхъ бортовъ: борты были только на кормѣ и на носу. При такихъ-то условіяхъ—въ темнотѣ, среди холода ненастной ночи, въ тяжелой одеждѣ и ботфортахъ—последнія еще больше усиливали опасность передвиженія по скользкой палубѣ,—М., стоя подъ дождемъ на качающемся борту, исполнялъ обязанности своей службы.

Опасность положенія повела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ всегда можно было ожидать. Когда на утро спавшая команда проснулась, она не нашла М. Палуба была пуста. Никѣмъ не управляемая „Фотинія“ стояла среди моря, и якорь ея не былъ брошенъ. Другая же баржа, съ которой „Фотинія“ была связана канатомъ, стояла на якорѣ. Не было мѣста сомнѣніямъ; было очевидно—М. свалился въ море. Тѣмъ болѣе, что яликъ „Фотиніи“ былъ тутъ-же—подтянутымъ кверху, у борта. Попробовали сдѣлать запросъ сосѣдней баржѣ. Но оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, что М. никто не видѣлъ. И при этомъ отвѣчавшіе спросили: „а не утонулъ-ли онъ“?

Обстановка происшествія, говоритъ въ своемъ рѣшеніи судъ,—свидѣтельствуешь о томъ, что исчезновеніе М. было не чѣмъ инымъ, какъ смертью въ волнахъ моря. Подробности катастрофы обрисованы свидѣтелями съ правдивостью и обстоятельностью, внушающими къ себѣ полное довѣріе. Идя шагъ за шагомъ, свидѣтели доводятъ ходъ событій до того момента, когда разставшійся съ ними М. остался ночью на палубѣ баржи. При такихъ условіяхъ самая катастрофа естественно не имѣла свидѣтелей. Не имѣла и не могла имѣть. Обстоятельство это не ускользаетъ отъ вниманія отвѣтной стороны: она подчеркиваетъ его и заявляетъ, что „для суда необходимы-де положительныя указанія, а не какія-либо предположенія“. И при этомъ добавляетъ: „М. могъ по собственному желанію покончить съ собою; онъ могъ, наконецъ, по какимъ-либо причинамъ пожелать скрыться или бѣжать за границу“.

Представляется ли, однако, указанный пробѣлъ столь существен-

нымъ для дѣла? Очевидно—нѣтъ. Событія, какъ и мысли человѣческія, имѣютъ, при нормальныхъ условіяхъ, свою послѣдовательность, свою логику. Изъ фактическаго матеріала въ данномъ процессѣ логически-послѣдовательно вытекаетъ единственный выводъ: исчезновеніе М. было и могло быть результатомъ только паденія въ воду. Къ нему, къ этому выводу, тамъ-же, на мѣстѣ происшествія, подъ давленіемъ хода событій, пришли и всѣ люди, бывшіе на обѣихъ баржахъ. Логически-послѣдовательное заключеніе не есть предположеніе. Наоборотъ—предположеніемъ было бы допустить, въ нарушеніе логики событій, мысль о возможности со стороны М. самоубійства или, въ особенности, желанія безъ всякихъ причинъ скрыться въ предѣлахъ Россіи или внѣ ея. Логически-непослѣдовательное предположеніе естественно требуетъ вполне всѣхъ, вполне осязательныхъ доказательствъ своей правоты. И если въ своихъ возраженіяхъ противъ иска отвѣтная сторона дѣйствительно имѣетъ въ виду возможность побѣга или самоубійства, она обязана представить въ этомъ отношеніи какія-либо данныя, подтверждающія ея предположеніе, а не оставаться въ области гаданій и голословныхъ заявленій.

Такимъ образомъ, по мнѣнію суда, изъ имѣющагося въ дѣлѣ матеріала должно быть выведено заключеніе, что М. погибъ въ морѣ и погибъ единственно по винѣ отвѣтника Ф: баржа не имѣла бортовъ, и затѣмъ команда ея, уставъ отъ долгой работы, не могла поздно ночью, послѣ окончанія грузки, очистить палубу отъ мелкаго маслянистаго и поэтому скользкаго льняного зерна. Въ частности касательно невозможности побѣга должно указать на присутствіе на баржѣ и послѣ исчезновенія М. ея единственнаго ялика. Будь побѣгъ, яликъ былъ-бы пущенъ въ дѣло; убѣжать же съ баржи впасть, при наличности ялика и въ виду волненія, у покойнаго М. не было никакихъ разумныхъ основаній. Не было у него основаній и къ самоубійству: все, предшествующее катастрофѣ, поведеніе М. исключаетъ возможность самоубійства; не установлено причинъ къ нему ни въ личной жизни покойнаго, ни въ сферѣ служебной, ни въ условіяхъ его семейной обстановки.

Отвѣтникъ, оспаривавшій теперь основательность притязаній истца, обнаруживалъ, въ періодъ между катастрофой и возникновеніемъ настоящаго процесса, совершенно иное отношеніе къ дѣлу. Онъ косвенно признавалъ законность этихъ притязаній и стремился лишь соглашеніемъ съ противной стороной какъ можно скорѣе послѣ несчастія пресѣчь возможность иска въ будущемъ. Катастрофа произошла въ ночь съ 26 на 27 октября, а 3 ноября того-же года, т. е. черезъ 7 дней

послѣ событія, отвѣтчикъ появляется въ конторѣ Ростовскаго нотаріуса С. вмѣстѣ съ женою покойнаго М.—Марією М.—и заключаетъ съ нею, какъ вдовою погибшаго М. и какъ съ естественной опекуншею ея малолѣтняго сына Николая, мировую сдѣлку. За смерть Самуила М. уплачивается 460 рублей, и отъ Маріи М. берется нотаріально-засвидѣтельствованная росписка, что де деньги получены ею, М—ою, въ обезпеченіе лично ея и ея малолѣтняго сына, и что никакихъ претензій къ Ф. она болѣе имѣть не вправѣ. И при этомъ въ текстѣ росписки о происшествіи говорится глухо и неопредѣленно: Самуиль М. исчезъ, моль, съ баржи неизвѣстно куда,—„предполагають, что онъ *по неосторожности* упалъ въ воду“.

Росписка эта, по мнѣнію суда, служитъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ правоты исковыхъ притязаній. Упавши дѣйствительно М. по собственной неосторожности, не сталъ бы отвѣтчикъ хлопотать о немедленномъ матеріальномъ удовлетвореніи семьи погибшаго. Не вносились-бы въ текстъ росписки неопредѣленные выраженія по поводу происшествія съ заботливымъ стараніемъ—собственными заявленіями Маріи М., женщины темной и неграмотной, снять съ себя всякую отвѣтственность предъ нею и ея сыномъ. Росписка по смыслу своему является мировою сдѣлкою какъ по поводу факта, такъ и вытекающихъ изъ него юридическихъ послѣдствій. Погашая послѣднія уплатою 460 р., Ф. призналъ дѣйствительность какъ происшествія, такъ и права семьи М. на требованіе вознагражденія за смерть Самуила М., а слѣдовательно призналъ и то, что смерть послѣдняго имѣла мѣсто по винѣ владѣльца баржи.

Представлена росписка, однако, не истцомъ; она присоединена къ дѣлу по волѣ отвѣтной стороны, которая такимъ путемъ стремится отнять почву у домогательствъ Николая М. Отвѣтчикъ, представляя росписку, говоритъ: полученіемъ 460 р. за себя и за своего малолѣтняго сына и выдачею по этому поводу письменнаго документа со внесеніемъ въ него заявленія, что де отнынѣ пресѣкается право на какія-либо требованія къ Ф., Марія М., какъ естественная опекунша своего ребенка, лишила тѣмъ послѣдняго права на настоящій искъ.

Но такое мнѣніе отвѣтника—говорить судъ—не можетъ быть признано правильнымъ. Истецъ, оспаривая это мнѣніе, заявилъ, что дѣйствія Маріи М., какъ лишь естественной опекунши, не утвержденной въ своемъ званіи законною властью, и какъ клонящаяся ко вреду малолѣтняго, не могутъ ограничить правъ истца на его требованіе,—и это заявленіе является, по мнѣнію суда, совершенно основательнымъ. Законы—процессуальный—19 ст. уст. гражд. суд. и матеріальный—

229 и 230 ст. 1 ч. X т. зак. гражд.—дѣйствительно даютъ право опекунства надъ малолѣтними дѣтьми ихъ родителямъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ дѣйствія родителей касательно имущественныхъ интересовъ ихъ дѣтей были для послѣднихъ обязательны. Такое свойство эти дѣйствія приобрѣтаютъ лишь тогда, если родители утверждены въ ихъ опекунскомъ званіи подлежащими учреждениями (228 ст. того-же тома). Исключеніе изъ этого правила допустимо лишь въ томъ случаѣ, когда безусловная польза малолѣтнихъ требуетъ со стороны родителей дѣйствій, не терпящихъ отлагательства (рѣшенія Сената за 1880 г. № 60, 1870 г. № 1344, 1887 г. № 37 и др.).

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что разъ Марія М. въ званіи опекунши не была утверждена, выданная ею росписка по отношенію къ ея сыну не имѣетъ значенія. Она не имѣетъ этого значенія еще и потому, что по смыслу своему, по той денежной сдѣлкѣ, которая въ ней заключена, она не можетъ быть признана клонящейся къ пользѣ малолѣтняго. Утонувшій М., какъ это установлено свидѣтелями, получалъ въ годъ 500 р. жалованья. Если предположить, что отдавалъ онъ своей семьѣ—женѣ и сыну—только 250 р. въ годъ, то десятилѣтняя сложность этой суммы дастъ 2500 рублей. Такое вознагражденіе, скромное по своимъ размѣрамъ, всегда могло бы быть предметомъ исковыхъ требованій М—ой и ея сына. И, слѣдовательно, принятіе въ видѣ уплаты за смерть отца и мужа только 460 рублей, съ полнымъ отказомъ за себя и за своего сына отъ дальнѣйшихъ требованій въ отношеніи Ф., являлось со стороны Маріи М. актомъ, клонящимся не къ пользѣ, а ко вреду малолѣтняго, и притомъ такимъ актомъ, за ключать который не было никакой безотлагательной необходимости.

Такимъ образомъ у малолѣтняго М. остается полное право на полученіе вознагражденія за смерть своего отца. При годичномъ же жалованьи покойнаго М. въ 500 рублей, сто рублей въ годъ представляются тою суммою, которая будетъ достаточною для обезпеченія содержанія истца впредь до достиженія имъ совершеннолѣтія. И такъ какъ въ моментъ предъявленія иска малолѣтнему М. было дѣйствительно только шесть лѣтъ, какъ это видно изъ метрики о рожденіи, и такъ какъ до 21 года остается пятнадцать лѣтъ, то искъ долженъ быть удовлетворенъ въ размѣрѣ заявленныхъ требованій.

Въ виду изложеннаго и на основаніи 683 ст. 1 ч. X т. зак. гражд. окружной судъ постановилъ—взыскать съ Ф. въ пользу малолѣтняго М. 1500 рублей.

III.

Третій процессъ—изъ сферы желѣзнодорожной.

Процессъ этотъ крайне характерный; больше даже—онъ скорѣе анекдотическаго свойства. Онъ, быть можетъ, первый и единственный казусъ въ исторіи желѣзнодорожныхъ увѣчныхъ дѣлъ.

Екатерина С. въ исковомъ своемъ прошеніи заявила суду, что 9 декабря 1900 года сынъ ея Семень С., ѣдучи въ товарномъ поѣздѣ Екатеринбургской желѣзной дороги, по пути изъ Таганрога въ г. Ростовъ на Дону, потерпѣлъ тяжкое увѣчье—ему искалѣчило ступни обѣихъ ногъ. Отъ пораненій сынъ умеръ. Со смертью его для истицы исчезли средства къ существованію, такъ какъ сынъ былъ ея единственнымъ кормильцемъ. Зарабатывалъ покойный С. не менѣе 500 рублей въ годъ и изъ этихъ средствъ отдавалъ своей матери болѣе половины. Поэтому истица просила судъ—взыскать въ ея пользу съ Екатеринбургской желѣзной дороги 2500 рублей съ процентами и судебными и за веденіе дѣла издержками.

Окружный судъ, обсуждая домогательства Екатерины С., нашель, что въ доказательство своего иска истица сослалась на свидѣтелей и на жандармскій протоколъ, составленный по поводу несчастія съ ея сыномъ. Свидѣтели должны удостовѣрить размѣры заработковъ Семена С., протоколъ же разъяснить-де обстановку происшествія. Очевидно—этому протоколу истица придаетъ доказательное значеніе по дѣлу. И такъ какъ, прежде вопроса о заработкахъ покойнаго С., необходимо установить подробности катастрофы и такъ какъ другихъ данныхъ, кромѣ протокола, въ этомъ отношеніи не представлено, то суду приходится ограничиться лишь этимъ матеріаломъ для выясненія фактической стороны дѣла.

Изъ протокола видно, что къ жандармскому унтеръ-офицеру станціи Синявской явился въ часъ ночи 9 декабря 1900 г. дежурный по станціи и сообщилъ, что на товарномъ поѣздѣ, прибывшемъ на станцію, найденъ висящимъ неизвѣстный человѣкъ. Унтеръ-офицеръ отправился къ поѣзду и дѣйствительно между двумя товарными вагонами увидѣлъ человѣка съ окровавленными ногами, висящаго надъ полотномъ дороги и зацѣпленнаго поясомъ и пиджакомъ за „упряжной крюкъ форкопной серьги“.

Неизвѣстнаго сняли съ крюка и отнесли въ станціонное помѣщеніе. Человѣкъ былъ въ сознаніи и, на вопросъ объ имени и фамилии, отвѣтилъ, что онъ мѣщанинъ г. Скопина Рязанской губерніи Семень С. На дальнѣйшіе разспросы отвѣчалъ, что онъ 9 декабря утромъ при-

былъ изъ г. Ростова на Дону въ Таганрогъ. Цѣлью его поѣздки было—отыскать себѣ какую либо должность или работу на таганрогскомъ металлургическомъ заводѣ. Но ни работы, ни должности не оказалось. Остаться въ Таганрогѣ не было основаній, и онъ рѣшилъ въ тотъ же день отправиться обратно. Путь отъ завода къ вокзалу—очень длинный, и, отправляясь вечеромъ въ него, онъ запасся полуторной бутылкою водки, которую и выпилъ незамѣтно, идучи. Пришелъ на вокзалъ послѣ одиннадцати часовъ ночи. Оказалось—всѣ пассажирскіе поѣзда уже ушли, и нужно ждать до утра. Между тѣмъ на одномъ изъ станціонныхъ путей виднѣлся товарный поѣздъ, уже совершенно готовый къ отходу. Этимъ поѣздомъ онъ и рѣшилъ воспользоваться, пробрался незамѣтно къ нему и усѣлся между вагонами—тамъ, гдѣ не было площадокъ, на такъ называемой форкопной серыгѣ; а, чтобы не свалиться во время движенія, прикрѣпилъ себя поясомъ къ крюку той же серыги. Поѣздъ вскорѣ тронулся. Переѣздъ отъ Таганрога до первой станціи, Безсергеновки, прошелъ благополучно. Во время же остановки на этой станціи онъ, С., заснулъ и что было потомъ—этого онъ уже не помнитъ; не помнитъ какъ ушли съ Безсергеновки и какъ пришли на Синявскую. Ноги его, свѣсившись, очевидно терлись на пространствѣ 15 верстъ о шпалы и балластъ пути во время хода вагоновъ, но онъ ничего этого не замѣчалъ и не чувствовалъ никакой боли, пока не былъ разбуженъ и снятъ на станціи Синявской.

При осмотрѣ пострадавшаго, при участіи желѣзнодорожнаго врача, было установлено, что „на тыльной части правой стопы всѣ мягкія части и кости фалангъ и предплюсневые кости стерты до половины ихъ толщины; также стерты мягкія части и фаланговые кости на тылѣ большого пальца и стерта кожа второго пальца лѣвой ноги“.

Изъ изложеннаго—говорить судъ—видно, что несчастіе, происшедшее съ С., должно быть отнесено всецѣло къ его собственной винѣ. Такъ, впрочемъ, смотритъ на событіе и сама истица, заявившая въ одномъ изъ судебныхъ засѣданій, что С. ѣхалъ въ товарномъ поѣздѣ совершенно произвольно, такъ какъ не принадлежалъ къ составу поѣздной прислуги и на поѣздъ не имѣлъ дозволенія. Но сдѣлавъ такое заявленіе, истица продолжала и продолжаетъ настаивать на своемъ требованіи на томъ основаніи, что де на обязанности агентовъ дороги лежитъ надзоръ за тѣмъ, чтобы никто изъ постороннихъ лицъ не входилъ въ товарномъ поѣздѣ, а тѣмъ болѣе при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ ѣхалъ въ ночь несчастія ея покойный сынъ. Кондукторская бригада при отправленіи поѣзда въ

путь обязана—де тщательно осмотрѣть всѣ вагоны, и, будь это сдѣлано, сынъ ея былъ бы во время замѣченъ и удаленъ, и несчастіе было бы устранено.

Но такое мнѣніе истицы не можетъ быть признано правильнымъ. Покойный С. не только самовольно позволилъ себѣ усѣсться на товарный поѣздъ, предназначенный для перевозки грузовъ, а не людей, но выбралъ для этого совершенно исключительное мѣсто—не площадку вагона, а промежуточное сдѣпленіе между двумя вагонами, не имѣвшими площадокъ, и для того, чтобы незамѣтно расположиться тамъ, воспользовался почнымъ позднимъ временемъ, когда товарный поѣздъ, стоявшій вдали отъ пассажирской платформы, уже совершенно былъ готовъ къ отходу. Несомнѣнно—какъ по времени отправления поѣзда въ путь, такъ и въ виду тѣхъ мѣръ, которыя были приняты С. въ цѣляхъ скрыть свое присутствіе, поѣздная прислуга не только не могла замѣтить С. на сдѣпленіяхъ вагоновъ, но и не могла допустить даже возможности пребыванія посторонняго лица тамъ, куда, при нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, никто никогда не сядетъ.

Дѣйствія С., очевидно, были результатомъ опьяненія отъ водки, выпитой въ количествѣ полуторы бутылки. Опьяненіе явствуетъ, между прочимъ, изъ полной потери С. способности къ болевымъ ощущеніямъ. Онъ спалъ, вися на поясѣ на форкопномъ крюкѣ вагона, и на странствѣ многихъ верстъ не замѣчалъ, что ноги его, опустившись внизъ, волочатся по шпаламъ, по жесткому желѣзнодорожному полотну и что на ступняхъ его постепенно стирается обувь, стирается кожа нижней части его ногъ, стирается мясо и наконецъ части костей. При такихъ условіяхъ, даже при отсутствіи возраженій со стороны отвѣчика, не явившагося въ засѣданіе, желѣзная дорога не можетъ быть признана виновной въ случившемся несчастіи, и, слѣдовательно, не можетъ быть удовлетворенъ и искъ, такъ какъ для права на возмѣщеніе убытковъ истцу необходимо установить наличность хотя бы отдаленной связи между дѣйствіями или упущеніями отвѣчика и тѣмъ событіемъ, которое принесло имущественный ущербъ. Но такой связи нѣтъ какъ въ силу самой обстановки катастрофы, такъ и по той причинѣ, что смерть С., послѣдовавшая лишь черезъ десять дней послѣ несчастія, произошла, какъ видно изъ метрики, не отъ полученныхъ ранъ, а отъ столбняка, причемъ ничѣмъ по дѣлу не доказано, чтобы столбнякъ находился въ зависимости отъ поврежденія ногъ.

По этимъ соображеніямъ окружный судъ заочнымъ рѣшеніемъ постановилъ—Екатерины С. въ искѣ ея отказать.

П. А. Тулубъ.

VI.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. С.-Петербургскій Конгрессъ Союза Криминалистовъ.

(Юридическая беседа).

Происходившій между 4-мъ и 8-мъ сентября девятый конгрессъ Международнаго Союза Криминалистовъ нѣсколько оживилъ блѣдный фонъ осенняго сезона, когда юридическая работа еще не вошла надлежащимъ образомъ въ свою колею, и работники на почвѣ права еще не успѣли вникнуть и взяться за обычную работу послѣ лѣтней передышки. Съѣздъ вызвалъ, повидимому, большой интересъ къ себѣ со стороны общества и печати. Высказано было много надеждъ и пожеланій, и окончательные его результаты также заслужили полного одобренія съ обычными указаніями на благотѣльность этихъ результатовъ, на громадное значеніе работъ конгресса, на обогащеніе науки и практики и т. д. Нечего напоминать самый внѣшній ходъ занятій конгресса; надо отмѣтить только дѣйствительно рѣдкое радушіе и чрезвычайное гостепрѣимство, оказанное членамъ съѣзда. Съ внѣшней стороны конгрессъ обставленъ былъ самымъ блестящимъ образомъ. Велика была работа организаціонной комиссіи, работавшей подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго. Обычное ли, извѣстное всѣмъ иностранцамъ, русское гостепрѣимство, льготы-ли по проѣзду, а, быть можетъ, и желаніе познакомиться съ русскими коллегами по союзу, но, во всякомъ случаѣ, приливъ иностранцевъ значительно превосходилъ число обычныхъ посѣтителей съѣздовъ междунаго союза:

было около полутораста иностранцевъ, представлены были разныя страны, разныя категоріи юристовъ: ученые, судьи, адвокаты; значительно было и участіе русскихъ членовъ союза, число которыхъ по поводу конгресса передъ самымъ конгрессомъ увеличилось,— все это вмѣстѣ придавало конгрессу не видъ обыкновеннаго общаго собранія ученой ассоціаціи, а дѣйствительнаго конгресса. Съ особымъ вниманіемъ отнесся къ конгрессу и нашъ Министръ Юстиціи, при открытіи конгресса избранный почетнымъ его президентомъ. При самомъ открытіи съѣзда министромъ юстиціи была произнесена на французскомъ языкѣ рѣчь, представлявшая собою не обычное привѣтствіе представителя правительства страны, въ которой происходитъ конгрессъ, а дѣйствительно программную, богатую по содержанію рѣчь, и, скажемъ прямо, превосходившую богатствомъ содержанія всѣ рѣчи, которыя на конгрессѣ и по поводу конгресса произносились. Рѣчь эта напечатана въ Правительственномъ Вѣстникѣ, во всѣхъ почти повременныхъ изданіяхъ, и, быть можетъ, было бы излишнимъ воспроизвести ее здѣсь, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть ее занесенной на страницы журнала юридическаго общества. Она несомнѣнно еще долго будетъ служить источникомъ интересныхъ указаній относительно направленія, котораго должно придерживаться, по мнѣнію столь компетентнаго представителя судебной власти и дѣла уголовнаго правосудія, въ вопросахъ уголовной репрессіи. Вотъ эта блестящая рѣчь:

„Съ Высочайшаго Его Величества Государя Императора соизволенія, приступая къ исполненію пріятной обязанности, я съ живѣйшимъ чувствомъ искренняго удовольствія приношу отъ имени Императорскаго правительства сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія гг. членамъ международнаго Союза уголовного права, собравшимся на IX—въ С.-Петербургѣ первый—конгрессъ Союза. Отъ имени правительства я счастливъ сказать моимъ уважаемымъ коллегамъ по Союзу: добро пожаловать, достойные представители дѣла, недавно лишь зародившагося, но уже значительнаго и почтеннаго, работы глубоко научной, преслѣдующей сложную задачу общественной защиты, работы, проникнутой благородными гуманными-прогрессивными стремленіями. Мрачное зрѣлище разрушительной преступности и часто бесплодныхъ усилій въ борьбѣ съ пагубными ея проявленіями внушило вамъ благородную мысль усовершенствоваться и отточить слегка заржавѣвшее оружіе этой борьбы. Преодолывая препятствія, съ доблестной и безкорыстной энергіей, вы не побоялись приняться за столько же трудную, сколько и слож-

ную работу,—и успѣхъ не заставилъ себя ждать: своими высокоидейными и несомнѣнно полезными трудами вы быстро завоевали себѣ сочувствіе всего образованнаго міра. Несмотря на то, что дѣятельность Союза на пути, намѣченномъ его знаменитыми основателями, на первыхъ порахъ была всецѣло отмѣчена частнымъ характеромъ профессиональнаго товарищескаго общенія, не лишеннаго, впрочемъ, и корпоративной связи,—уже вслѣдъ за первыми осторожными и скромными начинаніями почти повсемѣстно проявилось общественное признаніе Союза, проявилось быстро, и само собою, какъ естественный результатъ настойчивости и убѣжденности дѣятелей Союза. Въ настоящую минуту Союзъ можетъ оглянуться на пройденный путь съ вполне законнымъ чувствомъ удовлетворенія. Не облеченный никакою официальною санкціею, онъ постепенно пріобрѣтаетъ все большее и большее нравственное значеніе, съ которымъ уже считается наука, а скоро будутъ считаться и законодательства. Результаты вашихъ тщательныхъ изслѣдованій не имѣютъ никакой обязательной силы, но нужно ли мнѣ напоминать вамъ, что и при отсутствіи формальныхъ вѣднй auctoritas rationis бываетъ въ свободной области идей иногда болѣе сильной и болѣе устойчивой, чѣмъ ratio auctoritatis законовъ? Какъ и подобаетъ ученому обществу, въ словесныхъ дебатахъ и печатныхъ работахъ Союза царитъ полная свобода, и эта свобода, разумная и плодотворная, нисколько не опасна, ибо, являясь строго-научной и, слѣдовательно, умѣренной и сдержанной, она исходитъ съ мирныхъ высотъ отвлеченнаго мышленія лишь въ мирномъ стремленіи къ общему благу. При разсмотрѣніи возбуждаемыхъ вопросовъ вы тщательно проводите границу между принципомъ, личностью и существомъ дѣла, а теорія въ вашихъ изслѣдованіяхъ отдѣляется отъ практики лишь насколько это должно имѣть мѣсто во всякомъ добросовѣстномъ изслѣдованіи, служащемъ основаніемъ для законодательнаго или общественнаго начинанія, вызываемаго потребностями дѣйствительной жизни. Ваша среда является благородной почвой для сближенія; въ рядахъ вашихъ профессоръ стоитъ рядомъ съ судьей, съ ученымъ встрѣчается чиновникъ; философъ и натуралистъ, безъ высомѣрія и непримиримости, считаются съ традиціями и взглядами юриста. Широкая взаимная терпимость—этотъ могущественный рычагъ интеллектуальнаго развитія—позволила вамъ образовать настоящій союзъ людей мысли и дѣла, которые и при различіи во взглядахъ никогда не отклоняются отъ главной заботы—улучшить, расширить, оживить ре-

прессивныя средства защиты въ полномъ соотвѣтствіи съ современными воззрѣніями на роль и взаимныя обязанности общества и индивида. Не допуская ни принужденія, ни давленія, вы выражаете скорѣе соображенія, чѣмъ мнѣнія, возвѣщаете скорѣе desiderata, подлежащія дальнѣйшему развитію и испытанію, чѣмъ окончательныя заключенія. И хотя ваши совмѣстные труды могутъ казаться иногда случайными и не вполне объединенными, тѣмъ не менѣе ихъ значеніе велико, и именно на этомъ знаменательномъ торжествѣ не будетъ лишнимъ указать ихъ зарожденіе и главную ихъ сущность.

„Съ тѣхъ поръ, какъ преступленіе и наказаніе сдѣлались предметами тщательнаго и систематическаго изученія, человѣчество не переставало стремиться къ опредѣленію первоначальной природы преступленія и къ открытію,—при помощи общихъ законовъ, управляющихъ этими мрачными проявленіями жизни,—средствъ, наиболее пригодныхъ для ея охраны отъ всякаго рода уголовныхъ посягательствъ. Сущность и направленіе этихъ изысканій подвергались безконечнымъ измѣненіямъ, послѣдовательно пройдя черезъ различные фазисы метафизическаго мышленія и развитія соціальной идеи. Не слѣдуетъ ли остановиться сегодня на этой картинѣ, слишкомъ извѣстной, но всегда поучительной и интересной? Въ эпоху, для насъ теперь почти легендарную,—эпоху стараго права, занимались исключительно личностью преступника, разсматривая его, какъ непримиримаго врага, котораго нужно покорить, смирить страхомъ или раздавить, уничтожить во что бы то ни стало для того, чтобы его самого наказать, а ему подобныхъ устрашить, причемъ оставлялись въ сторонѣ какія-либо иныя заботы болѣе сложнаго и возвышеннаго порядка. Съ теченіемъ времени возникаетъ великое гуманитарное движеніе, которое смягчаетъ эту дѣятельность, проникнутую чувствомъ мести, и рѣшительно вводитъ принципъ справедливости въ суровую область публичнаго преслѣдованія преступленія. Движеніе это, заключавшее въ себѣ зачатки всѣхъ будущихъ направленій, нашло себѣ выраженіе въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ, которыми отецъ современныхъ криминалистовъ, Беккарія, вашъ славный предшественникъ, формулировалъ, такъ-называемую, „общую теорему“ своего замѣчательнаго „Traité des délits et des peines“: „Для того, чтобы наказаніе не было просто актомъ насилія, производимымъ однимъ или нѣсколькими лицами надъ гражданиномъ, оно должно быть публично, быстро, неизбѣжно, сообразно преступленію, предусмотрѣнно законами и на-

столько мягко, насколько это возможно при данныхъ обстоятельствахъ“. Такимъ образомъ, уже на зарѣ XIX-го вѣка выступили существенныя черты того направленія въ уголовномъ правѣ, которое, подъ названіемъ „классической доктрины“—названіемъ, въ настоящее время являющимся какъ бы нѣсколько ироническимъ и пренебрежительнымъ—сдѣлалось глубокочтимую колыбелью всѣхъ нашихъ познаній и представленій въ области уголовной репрессіи. Они впродолженіе многихъ лѣтъ сосредоточивались исключительно на юридической сторонѣ преступленія и наказанія. Первому дано было точное опредѣленіе, второе было установлено, какъ его императивное и неизбѣжное дополненіе, и оба вмѣстѣ были связаны между собою при помощи точнаго процессуальнаго механизма, который ограничивался собираніемъ и констатированіемъ признаковъ преступленія и установленіемъ виновности обвиняемаго, съ тѣмъ, чтобы наложить на этого послѣдняго законную кару, не считаясь съ послѣдствіями этого въ отношеніи къ человѣку и къ обществу. Вопросамъ же о самомъ этомъ человѣкѣ и его биологическихъ антецедентахъ, о причинахъ преступности частныхъ и общихъ, о послѣдствіяхъ и вліяніи карательныхъ мѣръ,—всѣмъ этимъ вопросамъ не было отведено достаточнаго мѣста въ стройномъ, гармоническомъ, но тѣсномъ и холодномъ храмѣ догматической науки и судебной практики. Тѣмъ не менѣе эти послѣднія оказали значительныя услуги праву и цивилизаціи, выяснивъ юридическую природу преступленія и наказанія и утвердивъ на непоколебимыхъ основаніяхъ ихъ составные элементы и ихъ органическія свойства. Однако, критическая и пытливая мысль нашихъ дней не могла удовольствоваться этимъ скромнымъ наслѣдіемъ; она вскорѣ подмѣтила слабыя черты односторонняго созданія доктрины. и неумолимая дѣйствительность не преминула поставить ей, въ изобилии, наглядныя доказательства недостаточности старой metody и ея пріемовъ. Когда наблюденіе смѣнило собою умозрѣніе, а предъ соображеніями человѣчности и общественности померкло изученіе и толкованіе текстовъ, не замедлила совершиться перемѣна. Прояснившіеся взоры были поражены явнымъ безсиліемъ наказаній въ дѣлѣ предупрежденія преступленій и картиною безпрестанно растущаго рецидива и преступной наслѣдственности, вырожденія, этой язвы, разъѣдающей поколѣнія, при той неразрывной связи, которая существуетъ между уголовною сферою и законами естественными и социальными. Тогда-то на первый планъ и выдвинулась личность преступника, отмѣченная его психически-

ми особенностями, отодвинувъ, передъ ослѣпленными и пораженными взорами, на задній планъ преступное дѣяніе и самый фактъ посягательства противъ положительнаго закона. Явилась неизбежная, но въ сущности понятная и даже благотворная реакція, столь же рѣшительная, сколь продолжительною и безусловною была противоположная тенденція, вытекавшая изъ стараго „классическаго“ ученія о преступности. Въ чемъ иномъ былъ бы смыслъ и уважительный мотивъ появленія новыхъ школъ, антропологической и социологической, съ ихъ преувеличеннымъ пристрастіемъ въ пользу натурализма, съ ихъ стремленіемъ выйти за юридическія границы, какъ не въ горячемъ желаніи пополнить пробѣлы, устранить недостатки, прийти на помощь слабымъ сторонамъ уголовного права? Но такъ какъ преобразовательныя теченія нерѣдко выходятъ за предѣлы первоначальныхъ стремленій, то и новыя школы не избѣгли заблужденій и иллюзій, и предшествовавшей доктринѣ не было оказано достаточной пощады въ увлеченіи черезчуръ широкими горизонтами новой, далеко не зрѣлой, еще только возникающей науки—криминологіи. Она, къ своей выгодѣ, не надолго остановилась на шаткой концепціи пресловутаго „преступнаго типа“; всетаки придавая слишкомъ большое значеніе психологическимъ и физиологическимъ факторамъ преступления, она чрезмѣрно увлекается болѣе или менѣе искусственною классификаціею преступниковъ, а съ объективной стороны преступления она прежде всего подчеркиваетъ антисоціальную опасность его. При этомъ новомъ направленіи явилась потребность и въ новой научной группировкѣ. Криминологія обнаружила стремленіе охватить въ одномъ общемъ кругѣ изученія и репрессію въ полномъ смыслѣ этого слова, и предупредительныя мѣры, и пенитенціарную систему, въ ущербъ необходимому раздѣленію этихъ различныхъ отраслей знанія. *Mutatis mutandis* снова возникла прежняя антитеза; передъ преступникомъ забывается преступленіе, какъ забывается болѣзнь передъ больнымъ въ трансцендентальной медицинской школѣ... Въ односторонней заботливости о личности преступниковъ пытались выработать для различныхъ категорій ихъ рядъ исключительныхъ режимовъ, нерѣдко представляющихъ собою парадоксальную смѣсь суровости и гигиены, воспитанія и исправленія, милосердія и безнаказанности. Атмосфера уголовной науки затемнилась, и стало появляться странное отклоненіе отъ привычнаго распорядка ея. Велѣнія положительнаго права, соображенія общественной нравственности и спокойствія, требованія нарушенныхъ интересовъ не находили себѣ

достаточнаго выраженія въ сужденіяхъ и спорахъ. Среди криминалистовъ возникло глубокое разномысліе въ области ихъ собственныхъ принциповъ, и они раздѣлились на враждебные лагеря, вмѣсто того, чтобы объединить свои усилія въ борьбѣ противъ общаго врага—преступности. Было очевидно бесполезно и вредно оставаться на неопредѣленное время въ такомъ печальномъ положеніи недоразумѣнія, замѣшательства, а раздоры грозили овладѣть всей этой научной отраслью, между тѣмъ какъ въ сущности каждая точка зрѣнія, каждый методъ изученія имѣли свое разумное основаніе и все они могли съ пользою сойтись въ стремленіи къ высшей цѣли—торжеству непреложной справедливости и дѣйствительной защитѣ общества. Необходимъ былъ поворотъ, чувствовалась потребность въ сближеніи, синтезѣ, нужно было возстановить равновѣсіе между различными воззрѣніями на преступность,—и Союзъ уголовного права начерталъ девизъ согласія на своемъ знамени примиренія. Доступный всякому истинно-научному теченію, не-партийный и потому сговорчивый и электичскій, онъ стоитъ выше враждующихъ школъ, потому что онъ обнимаетъ ихъ все, принимая отъ каждой то, что въ ней есть убѣдительнаго и доказаннаго. Подобное единеніе выдающихся и уравновѣшенныхъ умовъ и хорошо направленныхъ стремленій не могло остаться безслѣднымъ и безплоднымъ въ ожесточенной борьбѣ, которую непрестанно ведутъ государства и народы съ возставшими противъ закона. *Viribus unis* эта борьба не можетъ не оказаться, въ концѣ концовъ, побѣдоносною для той единственной на землѣ силы, которой не пошатнутся ни предвзятая мысли, ни слѣпыя предразсудки, ни упорныя разногласія—для лучезарнаго свѣта истины! . . .

„Вотъ, господа, что составляетъ главную заслугу вашего свободнаго и добровольнаго союза и что ему обезпечиваетъ, вмѣстѣ съ поддержкою правительствъ, возможность спокойной работы и надежду на успѣхъ. Я вовсе не имѣю въ виду дать историческій обзоръ раціональнаго развитія ученій уголовной науки, одинъ изъ знаменательныхъ періодовъ которой, безъ сомнѣнія, будетъ со временемъ носить имя вашего Союза. И съ большимъ смущеніемъ я замѣчаю, что мнѣ пора кончить, дабы не утомить вашего любезнаго вниманія размышленіями, которыя не научатъ васъ ничему особенно новому на вашемъ пути къ намѣченной цѣли. Но я призналъ умѣстнымъ на самомъ рубежѣ этого собранія указать основанный на твердой и ясной увѣренности отвѣтъ на какіе-либо вопросы, порожденные недовѣрчивостью или

неблагожелательствомъ, которыя иногда, даже въ безмятежной области научной работы, возбуждаетъ къ себѣ молодое начинаніе, особенно дѣло новое, смѣлое и оригинальное... Въ своихъ усиліяхъ добраться до самыхъ источниковъ преступленія и наказанія, ваши предшественники оставили вамъ обширное уже распаханное поле; воздѣлывая его нивы, вы сѣете доброе сѣмя, которое обогатитъ сокровищницу человѣческихъ знаній и уготовитъ нашимъ преемникамъ обильную жатву, а нашимъ дѣтямъ, нашему отдаленному потомству—лучшее будущее!

„Принято утверждать, что наука не имѣетъ отечества и что ученые принадлежатъ всѣмъ странамъ, которыя въ состояніи ихъ породить и оцѣнить. Съ точки зрѣнія роста и распространенія идей, съ точки зрѣнія научнаго братства немногое можно было бы возразить противъ этого положенія, и разумѣется вашъ союзъ является и долженъ являться дѣйствительно международнымъ въ самомъ точномъ значеніи этого выразительнаго слова. Во всѣхъ странахъ съ высокою духовною культурою на репрессивный механизмъ смотреть почти одинаково, и повсюду основныя нормы и общія очертанія уголовного права почти тождественны. Но практическое примѣненіе ихъ видоизмѣняется и различается сообразно съ мѣстными условіями, и вотъ эти то видоизмѣненія, эти различія, наконецъ, эта эластичность, эта поразительная приспособляемость къ мѣсту и времени и составляютъ то, что имѣетъ особенную цѣнность въ духовномъ общеніи между націями. Правильное общеніе, постоянный обмѣнъ научныхъ пріобрѣтеній могутъ быть производительными только при условіи благоговѣйнаго уваженія къ существеннымъ и дорогимъ каждой странѣ особенностямъ, только при сохраненіи ихъ нетронутыми. Вы признали основательность этого положенія, создавъ національную группировку Союза и въ частности нашу русскую группу, которая сегодня съ гордостью привѣтствуетъ у себя собратьевъ по Союзу. Неумѣстно было бы входить здѣсь въ оцѣнку значенія и дѣятельности нашей филиальной группы, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить, что ей довелось начать свою работу на благодарной почвѣ и въ моментъ особенно благоприятный. Уголовное право въ Россіи переживаетъ періодъ чрезвычайнаго и исключительнаго оживленія. Всѣ отрасли его являются предметомъ глубокаго изученія, либо коренныхъ реформъ. Мы находимся наканунѣ обнародованія новаго уголовного уложенія, въ Государственный Совѣтъ недавно внесенъ проектъ полнаго преобразованія

уголовнаго судопроизводства, въ системѣ пенитенціарной произведены важныя измѣненія, изъ которыхъ достаточно указать на отмѣну ссылки въ Сибирь, на переходъ тюремнаго управленія въ вѣдѣніе министерства юстиціи, на преобразование тюремнаго режима и, въ особенности, работъ заключенныхъ, на возникновеніе и развитіе исправительныхъ заведеній и патроната, на предпринимаемые подготовительные труды по изученію институтовъ условнаго осужденія, условнаго освобожденія и другихъ мѣропріятій того же рода. Обширность нашей территоріи, разнообразіе многообразіе географическихъ и этнографическихъ условій, осложненія всякаго рода, неизбѣжныя при просвѣтительномъ и прогрессивномъ движеніи великаго народа и необъятной Имперіи—все это не можетъ не затруднять начатыхъ или намѣченныхъ реформъ и требуетъ чрезвычайнаго скопленія самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, данныхъ и изслѣдованій. Тѣмъ пѣннѣе для насъ компетентное участіе нашихъ западныхъ гостей въ разрѣшеніи сложныхъ и трудныхъ задачъ, которыя занимаютъ—я могъ бы сказать даже болѣе—возбуждаютъ и волнуютъ умы нашихъ криминалистовъ. Вотъ почему мы привѣтствуемъ въ васъ не только собратьевъ и друзей, но и желанныхъ сотрудниковъ, и мы хотимъ надѣяться, что ваше пребываніе въ нашей средѣ составитъ прекрасную страницу въ будущихъ лѣтописяхъ Союза. Духовныя и научныя связи, однажды скрѣпленныя, уже не могутъ быть порываемы, становятся крѣпкими и нерасторжимыми. Воспользуемся же ихъ драгоцѣнными свойствами для совмѣстной работы въ мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ на пользу святаго дѣла правосуднаго искупленія преступленія и возможнаго возрожденія преступника!

„Имѣю честь объявить IX-й международный конгрессъ криминалистовъ открытымъ и приглашаю гг. членовъ этого конгресса обратиться къ ихъ благотворнымъ занятіямъ“.

Не будемъ останавливаться на ходѣ занятій конгресса и его обстановкѣ, на гостепримствѣ, ему оказанномъ. Даже результаты его, выразившіеся въ двухъ, трехъ резолюціяхъ, сами по себѣ не имѣютъ значенія. Гораздо важнѣе исходная точка зрѣнія и общее направленіе, которое приняли занятія конгресса, такъ сказать, идейная его сторона; мы бы даже не хотѣли сказать научная,—ибо научный удѣльный вѣсъ занятій конгресса едва-ли подлежитъ какому-либо учету. Конгрессъ и не призванъ обогащать науку; даже подготовительные къ конгрессу матеріалы обыкновенно не представляютъ собою научныхъ изслѣдованій, а являются лишь выра-

женіемъ кратко-мотивированнаго мнѣнія того или другого докладчика, и рѣдко въ соображеніяхъ, обосновывающихъ заключеніе, можно найти какое-нибудь новое юридическое или какое-либо другое научное указаніе. Еще меньшаго можно ожидать отъ преній, происходящихъ на самомъ конгрессѣ. Значеніе конгрессовъ заключается именно въ томъ, что они создаютъ, такъ называемое общественное мнѣніе. Они служатъ какъ бы пропагандой той или другой идеи, и въ перестрѣлкѣ мнѣній, высказываемыхъ участниками конгресса, представителями разныхъ странъ, намѣчаются лишь общее теченіе и какъ бы симпатіи большихъ круговъ къ тому или другому научному положенію, еще до того выработанному, до того снабженному арсеналомъ доводовъ, матеріаловъ и соображеній. Это скорѣй какъ бы плебисцитъ въ пользу даннаго положенія; поэтому важны даже не тезисы или резолюціи, которые приняты обыкновенно случайнымъ большинствомъ членовъ конгресса, а общій тонъ, общій духъ, обнаружившійся при преніяхъ и отразившійся въ этихъ резолюціяхъ. Этотъ общій тонъ и духъ проявились и на здѣшнемъ конгрессѣ союза криминалистовъ, несмотря на то, что программа его была одна изъ самыхъ неудачныхъ. На обсужденіе конгресса въ сущности поставлены были два вопроса; 1-й вопросъ: въ какой мѣрѣ должно быть придано значеніе въ уголовномъ законѣ психическимъ элементамъ преступленія сравнительно съ его матеріальными послѣдствіями? 2-й вопросъ—о томъ, какія реформы должны быть предприняты въ отношеніи нормировки предварительнаго слѣдствія для того, чтобы оно представляло наибольшія гарантіи какъ въ интересахъ обвиняемыхъ, такъ и въ интересахъ открытія истины?

Останавливаясь на первомъ вопросѣ, нельзя не указать на совершенную его неопредѣленность и совершенную его оторванность, такъ сказать, отъ новыхъ направленій въ уголовномъ правѣ, пропагандируемыхъ союзомъ криминалистовъ. Редакція этого вопроса неоднократно подвергалась измѣненіямъ, и въ одной изъ предшествовавшихъ редакцій имѣлось указаніе на то, что значеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ вопросѣ, психическихъ элементахъ должно быть выяснено съ точки зрѣнія новой школы. Указаніе на новую школу изъ вопроса устранено было лишь впоследствии;—поэтому нельзя не признать совершенно справедливымъ сѣтованіе, выраженное юрьевскимъ профессоромъ Пусторослевымъ, помѣщенное въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ бюллетеней междунаrodnаго союза криминалистовъ. Совершенно

справедливо спрашиваетъ г. Нусторослевъ, почему значеніе психическихъ элементовъ въ противоположность матеріальнымъ послѣдствіямъ должно имѣть исключительное положеніе, благодаря новой школѣ, и не могутъ-ли оцѣнить это значеніе представители такъ называемой классической школы, и развѣ психическимъ элементамъ до новой школы не придавалось какого-либо значенія въ уголовномъ законѣ? Но при указаніи на новую школу, по крайней мѣрѣ, можно было ожидать, что представители этой школы, стоящіе во главѣ международнаго союза криминалистовъ, выяснятъ особую сторону своего ученія въ связи съ возрастающимъ значеніемъ психическихъ элементовъ, вытекающимъ изъ ихъ доктрины. Можно было ожидать, что они откроютъ новые горизонты для законодателя. Выбросивъ же указаніе на новую школу, вопросъ программы 9 конгресса сдѣлался бы вопросомъ, фигурирующимъ обыкновенно на экзаменаціонныхъ билетахъ студентовъ, старымъ, какъ старо само уголовное право, и неяснымъ въ той же мѣрѣ, въ какой неясно формулировался этотъ вопросъ иногда и въ ученіяхъ такъ называемыхъ классиковъ. Ни объемъ вопроса, ни сфера обнимаемыхъ имъ явленій не оказались опредѣленными, и кто бы могъ подумать, что въ этомъ вопросѣ кроется просто вопросъ о наказуемости покушенія и о наказуемости соучастія въ преступленіи. Если не принять во вниманіе совершенно неопредѣленныхъ общихъ нѣсколькихъ словъ, представившихъ собою докладъ конгрессу Лионскаго профессора Гарро, напечатанный въ бюллетенѣ Амстердамскаго профессора Ванъ Гамеля, представлявшій собою странички двѣ изъ любого учебника уголовного права, то окажется, что основаніемъ для сужденій по столь общему вопросу послужила сама по себѣ весьма почтенная и интересная работа В. Д. Набокова, посвященная частному вопросу о покушеніи. Мы не говоримъ о работѣ Д. А. Дриля, весьма талантливой и интересной, такъ какъ она въ сущности не затрогивала вопроса объ уголовномъ законѣ, а содержала въ себѣ изложеніе взглядовъ почтеннаго ученаго на личность преступника. Тѣмъ не менѣе, при обсужденіи этого вопроса въ конгрессѣ, лидеры союза, главнымъ образомъ въ лицѣ Ванъ-Гамеля, выдвинули впередъ новое ученіе о такъ называемой соціальной охранѣ отъ преступника, — доктрину „*défense sociale*“. Получилось такое впечатлѣніе, какъ будто это ученіе должно особенно вліять на предоставленіе психическимъ элементамъ въ уголовномъ законѣ особаго мѣста. Само собой разумѣется, что въ доводахъ фигурировали все тѣ-же школьные

примѣры о ворѣ, совершившемъ взломъ, но не успѣвшемъ украсть, о поджигателѣ, не имѣвшемъ въ виду лишеніе кого-либо жизни, хотя пожаръ и повлекъ за собою смертный случай, не забыть былъ и классическій часовой, имѣющій задачей предупредить своихъ соучастниковъ о наступающей опасности въ лицѣ полиціи и т. д., прочитаны были легкія, довольно поверхностныя лекціи о значеніи умысла, но причемъ тутъ „*défense sociale*“, причемъ тутъ новая школа,—такъ и осталось невыясненнымъ до конца. Въ результатѣ получилось любопытное явленіе, по поводу котораго можно констатировать еще разъ вѣрность поговорки: „*les extrêmes se touchent*“. Если бы носителямъ архи-новаго ученія сказать, что они въ чемъ-либо сходятся съ архи-старыми классиками и что, такимъ образомъ, ихъ новизна отдаетъ весьма далекой стариной, то они, вѣроятно, не мало бы удивились; на дѣлѣ же оказалось, что проповѣди новой школы въ отношеніи психическихъ элементовъ вполне совпали съ выводами старой субъективной школы, особо расцвѣтшей благодаря послѣдователямъ Гегеля. Амстердамскій профессоръ Ванъ-Гамель—Президентъ Союза криминалистовъ, начертившаго на своемъ знамени стремленіе впередъ по направленію, указанному новой школой, и тяжеловѣсный, нынѣ уже запыленный Кестлингъ, Гегельянецъ Hälschner и недавно умершій ветеранъ уголовного права—Берлинскій профессоръ Бернеръ. Даже такое сопоставленіе этихъ именъ кажется нѣсколько страннымъ, а между тѣмъ оказывается, что они всѣ стремятся къ одному и тому же выводу, т. е. къ тому, что „*voluntas non exitus spectatur*“.

Ванъ-Гамель съ большимъ воодушевленіемъ поддерживалъ мысль о необходимости приравненія наказуемости покушенія съ наказуемостью оконченнаго дѣянія. Гарро превозносилъ мудрость *code pénal*, уравнивающего въ отношеніи наказанія всѣ виды соучастія. Оказывается, что къ этимъ же выводамъ приходили и названные классики, и если кто-либо не полѣнится страхнуть пыль съ ихъ толстыхъ томовъ, посвященныхъ уголовному праву, то онъ увидитъ весьма ученое и глубокое разсужденіе по этому предмету. Конечно, ни Ванъ-Гамель, ни Гарро не говорилъ ни о свободной волѣ, ни о несвободной волѣ, ни о детерминизмѣ,—они не говорили объ элементахъ воли, но тѣмъ менѣе обоснованы были ихъ выводы и тѣмъ менѣе серьезное значеніе имѣли ихъ доводы.—Ванъ-Гамель съ обычнымъ для него краснорѣчіемъ и съ горячностью, свойственной его темпераменту, говорилъ о необхо-

димости опрощенныхъ кодексовъ, вышучивалъ комментаторство, господствующее въ доктринахъ и въ практикѣ, находилъ совершенно излишнимъ разсужденія о томъ, что такое въ отношеніи кражи вещь, что такое чужая вещь, что такое обитаемое помѣщеніе, что такое помѣщеніе вообще и т. д. По его мнѣнію, важно только констатировать, что данное лицо опасно для общежитія и вызываетъ необходимость защиты противъ него общества. Эта же необходимость обосновывается не тѣмъ, что въ дѣйствительности получилась въ результатѣ преступная дѣятельность, а въ дурномъ направленіи, обнаруживаемомъ преступниками.—Резолюція съѣзда гласитъ: 1) „что отвѣтственность виновнаго должна быть соразмѣрена съ послѣдствіями дѣянія только въ той мѣрѣ, въ какой онъ ихъ предвидѣлъ или могъ предвидѣть“.

2) „Законъ долженъ оставить всякое принципиальное различіе соучастниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, а ограничиваться указаніемъ лишь видовъ участія, признаваемыхъ имъ за таковые“.

Гора родила мышъ! Сопоставьте вопросъ и отвѣтъ конгресса и вы сразу увидите, что въ отвѣтѣ забыли о вопросѣ, хотя, правда, и въ вопросѣ забыто было то, возможенъ-ли какой-либо на него отвѣтъ.

Но, какъ мы уже сказали, дѣло не въ научномъ значеніи заключеній конгресса, и было бы, быть можетъ, страннымъ даже подвергать научной критикѣ рѣчи и пренія, произносившіяся по поводу перваго вопроса на съѣздѣ криминалистовъ. Важенъ былъ только тонъ, какъ мы сказали, и духъ; тонъ же этотъ и духъ даютъ основаніе весьма серьезнымъ опасеніямъ насчетъ благодѣтельности новаго направленія и насчетъ дѣйствительнаго его значенія.—Основные положенія новаго направленія, какъ извѣстно, заключаются въ слѣдующемъ. Преступленіе—есть явленіе социальное; наказаніе—это есть реакція социальная противъ преступленія; необходимо поэтому для правильной уголовной политики изученіе причинъ преступленія. Причины эти заключаются не только въ антропологическихъ, т. е. индивидуальныхъ особенностяхъ даннаго преступника, какъ объ этомъ учила итальянская антропологическая школа, а въ социальной окружающей обстановкѣ. Совершенно правильно сказалъ фонъ-Листъ въ своей рѣчи передъ закрытіемъ конгресса, что эти первыя индивидуальныя особенности въ сущности научнаго значенія не имѣютъ, ибо очевидно, что данныя индивидуальныя особенности имѣли лишь постольку влиянія,

поскольку въ соціальной обстановкѣ создавался поводъ или побужденіе къ совершенію преступнаго дѣянія. Задача наказанія заключается въ охранѣ общества или общежитія отъ посягательствъ и опасности, которую для него представляетъ преступность вообще. Но вотъ тутъ то и происходитъ нѣкоторая подтасовка. Когда говорятъ объ основныхъ положеніяхъ новой школы, тогда имѣютъ въ виду преступленіе, какъ общественное явленіе, слѣдовательно, не данное преступленіе, а вообще преступность, возрастающую или уменьшающуюся и измѣняющуюся въ отношеніи разныхъ видовъ ея подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ соціальныхъ условій; но, конечно, нельзя имѣть въ виду при этомъ данное преступленіе, даннаго преступника ибо невозможно было бы утверждать, что, наказывая (останемся при томъ же примѣрѣ о ворѣ, который такъ излюбленъ учеными криминалистами) виновнаго въ кражѣ 50-ти копѣекъ, совершившаго такую подвліяніемъ, хотя бы, желанія полакомиться, государство защищаетъ общество отъ этого опаснаго человѣка. Опасность лежитъ не въ данномъ дѣянніи и не въ данномъ его авторѣ, а опасность лежитъ въ явленіи кражи вообще, т. е. въ колебаніи одного изъ устоевъ общежитія—права собственности. Еще было бы понятно, если бы о необходимости охраны общества отъ такого преступника говорилъ представитель итальянской школы, который въ преступленіи, конечно, если оно не случайное, усматривалъ признакъ атавизма, вырожденія, т. е. въ совершеніи даннымъ лицомъ преступленія усматривался вѣрный залогъ того, что это лицо совершитъ и въ будущемъ преступленіе, поэтому надо охранить общество, воспрепятствовать этому нарушителю правильнаго теченія общественной жизни впродолженіе нарушать эту жизнь. Но вѣдь представители такъ называемой соціологической новой школы отрелись отъ преступнаго типа, антропологическихъ особенностей преступника; данный преступникъ для нихъ продуктъ общественныхъ условій. Наказаніемъ этого преступника общественныя условія, конечно, измѣниться не могутъ, напротивъ того, стоя именно на соціальной почвѣ, надо думать, что пока соціальныя условія не будутъ измѣнены, пока не будутъ измѣнены условія экономическія и другія, до тѣхъ поръ кражи будутъ совершаться и совершаться будутъ преступниками и наказывать ихъ придется. Гдѣ же тотъ мѣръ, черезъ который мы могли бы отъ представленія о преступности вообще, о необходимости соціальной защиты противъ нея, перейти къ мѣрѣ и степени наказуемости даннаго дѣянія и дан-

наго преступника. Объ этомъ намъ никто на конгрессѣ ничего не сказалъ; объ этомъ напрасно было бы искать какихъ-нибудь удовлетворительныхъ разбясненій въ многочисленныхъ трудахъ представителей этого новаго направленія. Какъ же можно изъ понятія о соціальной защитѣ противъ преступности дѣлать какіе-нибудь выводы относительно значенія психическихъ элементовъ въ уголовномъ законѣ и въ частности относительно мѣръ наказуемости покушенія, соучастія и т. д. Вѣдь, если вдуматься, то окажется здѣсь *petitio principii*. Вѣдь послушайте только, — соціальная охрана нужна противъ преступленія, преступленіемъ же называется то, что запрещено закономъ подь страхомъ наказанія, значитъ — бороться надо противъ того, что запрещено подь страхомъ наказанія. Выводъ же представителей новой школы гласить: надо воспретить подь страхомъ наказанія одинаково соучастіе, покушеніе и т. д. Значить, рѣчь уже идетъ не о соціальной охранѣ противъ преступности вообще, а о безмѣрной соціальной опасности отъ тѣхъ или другихъ дѣяній. Было бы, поѣтому, совершенно послѣдовательно, если бы съ соціальной точки зрѣнія представители новаго направленія намъ указали бы, что такъ какъ наказаніемъ соціальныя недуги могутъ быть излѣчиваемы, и общество можетъ быть ограждено отъ угрожающей ему опасности отъ преступныхъ элементовъ, то надлежитъ лечить общество отъ тѣхъ явленій, которыя нынѣ не признаются настолько угрожающими соціальному строю, что не составляютъ предмета уголовного закона, иначе говоря, что самый кругъ дѣяній, предусматриваемыхъ уголовнымъ закономъ, долженъ быть расширенъ. Въ дѣйствительности же это не такъ: представители новаго ученія, какъ и классическая доктрина, дальше декалога въ сущности не пошли; знаніе жизни дальше кражъ, убійствъ и поджоговъ не идетъ. Указаль-ли, хотя бы, одинъ изъ представителей не только на здѣшнемъ конгрессѣ, но когда-либо и гдѣ-либо на то, что соціальный строй подвергается опасности не столько отъ убійць, въ особенности убійць подь влияніемъ аффекта, и не столько отъ воровъ, совершающихъ кражи со взломовъ, сколько отъ разныхъ проявленій, такъ называемой, недобросовѣстной экономической дѣятельности, что дѣлецъ, сидящій за зеркальными стеклами, больше угрожаетъ общественному строю, если онъ нечестенъ, чѣмъ мелкій воринка, хоть бы онъ былъ и рецидивистъ! Въ отношеніи новой доктрины повторяется то, что всегда было зломъ въ юридической литературѣ: дальше общихъ понятій выводы не идутъ. Ученымъ юристамъ важна формула, стройность конструкцій, а не

жизненные явления. Казалось бы, что оторвавшись отъ представленія о преступленіи, какъ о формальномъ нарушеніи закона, имѣющемъ источникомъ злую, хотя бы и свободную, волю преступника, отрехшись отъ идеи возмездія, а тѣмъ болѣе—отъ мысли объ устрашеніи путемъ наказанія и остановившись на представленіи о преступленіи, какъ о социальномъ злѣ, какъ о наростѣ на болѣзненномъ социальномъ организмѣ, новая школа должна была бы углубиться въ изученіе значенія тѣхъ или другихъ дѣяній для социального строя и не вертѣться въ заколдованномъ кругу, а выйти изъ него, осмотрѣться и наблюсти, нѣтъ-ли внѣ этого заколдованнаго круга, охватываемаго уголовными кодексами, какихъ-либо явленій, порождаемыхъ тѣми же социальными условіями и въ еще большей степени угрожающихъ социальному равновѣсію.... Столь великое открытіе, какъ то, что всякій отвѣчаетъ за послѣдствія постолько, поскольку онъ ихъ предвидѣлъ или могъ предвидѣть, ничто въ сравненіи съ результатами, къ которымъ могли бы придти криминалисты, если бы они посмотрѣли на дѣло съ только что указанной точки зрѣнія. Любопытно то, что какъ разъ новѣйшія явленія въ области уголовного права криминалистами новаго направленія оставлены совершенно безъ вниманія. Достаточно указать, напримѣръ, на интересъ уголовного законодателя къ явленіямъ, такъ называемой, недобросовѣстной конкуренціи, на интересномъ вопросѣ, который заслуживалъ бы вниманія уголовного законодателя, о злостности въ гражданскихъ сдѣлкахъ,—чтобы видѣть, что для новой школы, если бы она не вертѣлась въ своемъ, какъ мы сказали, заколдованномъ кругу и не превратилась бы въ ту же схоластику, да только на новый ладъ, имѣется достаточно работы, плодотворной и крайне необходимой. Нельзя не пожалѣть, что, вмѣсто этого, конгрессу въ Петербургѣ, какъ, впрочемъ, и предыдущимъ, пришлось тратить силы для того, чтобы разрѣшить вопросъ, никакого вопроса собой не представлявшаго. Но нельзя ограничиться только указаніемъ на бесплодность разсужденій по поводу безформеннаго вопроса. Мы хотѣли бы оттѣнить другую сторону новаго направленія, заслуживающую весьма серьезнаго вниманія и побуждающую, казалось бы, остерегаться увлеченія красивыми формулами и фразами съ весьма неопредѣленнымъ содержаніемъ.

Замѣчательно то, что и въ области уголовного права духъ коллективизма начинаетъ получать преобладаніе. Мы мало по малу возвращаемся къ тѣмъ давно забытымъ временамъ, когда госу-

дарство вполнѣ поглощало личность, когда индивидуумъ признавался лишь по столыку, по сколько онъ составлялъ часть общаго, т. е. къ тѣмъ временамъ, которыя представляли столь благоприятную почву для полнаго покоренія и порабощенія личности и уничтоженія всякой ея свободы; правда, теперь уже не говорятъ о государствѣ, а говорятъ объ обществѣ, но для отдѣльной личности опасность отъ порабощенія одинаково велика, независимо отъ того, кто ее долженъ поработить. Во имя социальной защиты оправдываются или могутъ быть оправдываемы всякія мѣры, даже самыя жестокія; ею оправдывается и смертная казнь, ею всегда оправдывались и устрашающія наказанія. Наказуемость, напримѣръ, покушенія, равная наказуемости оконченнаго дѣянія, весьма просто и легко объясняется идеей социальной защиты. Можно идти еще дальше: не только покушеніе, но и приготовленіе къ преступленію наказуемо въ той же мѣрѣ; можно идти и еще дальше: одинъ умыселъ преступный долженъ быть наказуемъ. Власть общества и его органовъ надъ индивидуумомъ должна распространяться не только на его дѣянія, но и на его помыслы. Мѣра наказанія также всегда можетъ быть обосновываема необходимостью социальной защиты, какъ бы мало она ни соответствовала винѣ. Гдѣ же будетъ предѣлъ? Не открывается ли новымъ направлениемъ въ уголовномъ правѣ дверь для возврата къ давно минувшему времени, когда господствовала пытка, и ее можно оправдать необходимостью социальной защиты! Нѣтъ, мы думаемъ, что еще не исчезла надобность, напротивъ того,—защищать индивидуальность отъ социального порабощенія. И если правы представители новой науки, что преступленіе есть социальное явленіе, что оно есть послѣдствіе социальной обстановки, отразившейся неблагоприятно на данной личности преступника, то этотъ преступникъ съ полнымъ правомъ можетъ намъ сказать: „я отъ васъ требую отвѣта, вы, т. е. ваши социальные условія меня привели къ преступленію и напрасно вы будете оправдывать необходимость наказанія меня соображеніемъ о защитѣ противъ меня. Я нуждаюсь въ защитѣ противъ васъ, а не вы противъ меня“. Въ своей рѣчи упомянутой выше фонъ Листъ съ полнымъ торжествомъ указалъ на то, что новое ученіе даетъ будто отвѣтъ на вопросъ, который такъ занималъ графа Льва Толстого въ его „Воскресеніи“, вопросъ, заключающійся въ томъ, какое право имѣетъ государство и его представители судить и наказывать преступника: такое право противно справедливости и христіанскому ученію. Съ точки зрѣнія нашей доктрины, говорилъ фонъ - Листъ, недоумѣніе Льва Толстого

должно исчезнуть. Мы спасаемъ тѣхъ, кого можно спасти, и устраняемъ изъ общества тѣхъ, кого уже спасти нельзя; но развѣ этимъ устраняется вопросъ Льва Толстого? Познакомившись съ этимъ новымъ ученіемъ, преступникъ съ такимъ же правомъ можетъ спросить: „а кто вамъ далъ право рѣшать вопросъ о томъ, нужно ли меня спасать и нужно ли меня устранять, и какое право вы имѣете меня устранять, разъ вы сами утверждаете, что ваши социальныя условія повліяли на то, что я сдѣлался преступникомъ“.

Второй вопросъ былъ посвященъ, какъ мы указали, предварительному слѣдствію. Еще при обсужденіи въ Комитетѣ Союза программы возникалъ вопросъ о томъ, надлежитъ ли союзу криминалистовъ, въ виду задачи, преслѣдуемой имъ,—пропаганды новаго теченія уголовного права, заниматься вопросами процессуальными и, въ частности, вопросомъ о предварительнаго слѣдствія, тѣмъ болѣе, что организація предварительнаго слѣдствія такъ тѣсно связана съ особенностями данной страны, съ общей ея законодательной и судебной организаціей и съ организаціей полиціи и, въ частности, судебной полиціи, что едва ли можно какому либо международному конгрессу разсуждать о реформахъ предварительнаго слѣдствія. Дѣйствительно, конгрессъ доказалъ, что дальше какого нибудь общаго принципа и въ этой области дѣло идти не можетъ. Конгрессъ призналъ, что надлежитъ отдѣлить отъ слѣдственнаго судьи роль слѣдователя, иначе говоря, что слѣдственные судьи должны быть уничтожены. Дѣло слѣдователя должно перейти въ руки прокурорскаго надзора, дѣйствующаго черезъ органовъ полиціи, и что лишь производство отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій должно происходить въ присутствіи и передъ судомъ въ порядкѣ состязательномъ, иначе говоря, какъ весьма вѣрно отбѣнилъ Ванъ-Гамель, въ сущности конгрессъ высказался за усвоеніе англійской системы производства предварительныхъ слѣдствій съ тѣмъ только отличіемъ, что взамѣнъ полиціи и частныхъ обвинителей, дѣйствующихъ въ Англии, остается выработанный на континентѣ типъ прокурорскаго надзора—*ministère public*. Изъ резолюціи конгресса можно въ сущности вывести только одно практическое указаніе, а именно, что, по мнѣнію большинства членовъ съѣзда, участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса о предварительномъ слѣдствіи, состязательный принципъ долженъ проникнуть и въ эту предварительную стадію процесса. Мысль далеко не новая, конечно; она уже неоднократно высказывалась. Она высказана была еще покойнымъ Гнейстомъ, на котораго ссылался въ своей рѣчи членъ

конгресса—Кронекеръ изъ Берлина. Эта мысль поддерживалась еще покойнымъ Глазеромъ. Она отстаивалась впоследствии самыми различными писателями во всѣхъ странахъ Европы. Но и въ этомъ отношеніи конгрессъ обнаружилъ свое безсиліе проникнуть въ глубину вопроса. Конечно, никто не станетъ отрицать благотѣльного значенія состязательности въ процессѣ, но принципъ состязательности примѣнимъ только, когда уже имѣется процессъ. Вѣдь достаточно быть хоть немного юристомъ, чтобы легко придти къ заключенію, что процессъ и предварительное слѣдствіе не одно и то же, и что предварительное слѣдствіе по своимъ задачамъ и по существу своему не допускаетъ проведенія состязательнаго принципа.

Логически поэтому возможно либо предварительное слѣдствіе несостязательное, либо отгѣна предварительнаго слѣдствія съ установленіемъ лишь особыхъ порядковъ производства по частнымъ, такъ сказать, вопросамъ, вродѣ предварительнаго, какъ мѣры пресѣченія, заключенія, выемки корреспонденціи и т. п. Но такъ какъ вопросъ, конгрессу поставленный, включалъ указанія на гарантіи въ интересахъ открытія истины и въ интересахъ обвиняемыхъ, то, очевидно, что въ отвѣтъ на вопросъ слѣдовало бы позаботиться объ этихъ гарантіяхъ. Гдѣ же въ отвѣтъ забота о нихъ? Въ замѣнѣ дѣятельности слѣдственнаго судьи дѣятельностью органовъ прокурорскаго надзора?

Такъ много говорили разные ораторы о свойственной природѣ человѣка, будь онъ даже самый независимый слѣдственный судья, склонности къ увлеченіямъ, къ вѣрѣ въ свою непогрѣшимость—и чѣмъ искреннѣе, честнѣе человѣкъ, тѣмъ больше эта склонность,—такъ много говорили о невозможности совмѣщенія въ одномъ и томъ же лицѣ свойства искателя, развѣдчика и судьи; казалось, что конгрессъ прилагаетъ усилія къ тому, чтобы въ предварительномъ слѣдствіи сохранить побольше судью и устранить побольше изслѣдователя. На дѣлѣ же, своей резолюціей конгрессъ совершилъ то, что извѣстно подъ именемъ нѣмецкой поговорки—*das Kind mit dem Bade ausschütten!* Онъ совершенно выбросилъ судью изъ предварительнаго слѣдствія, предоставивъ все предварительное производство прокурорскому надзору.

Мы вовсе не презюмируемъ пристрастіе или, что еще хуже, неспособность представителей прокурорскаго надзора къ правильному производству предварительныхъ слѣдствій. Но вѣдь никто не станетъ утверждать, что слѣдственные судьи въ этомъ отношеніи хуже лицъ прокурорскаго надзора. Гдѣ же ваши гарантіи, о кото-

рыхъ такъ велерѣчиво упоминается въ вопросѣ, на который вы давали отвѣтъ?

Конгрессъ, очевидно, отвѣта на вопросъ не далъ. Его спрашивали о гарантіяхъ правильнаго предварительнаго слѣдствія, а онъ отвѣтилъ—дойди предварительное слѣдствіе. Какъ же это случилось? Кто бы могъ подумать, что конгрессъ союза криминалистовъ, который мнитъ себя представителемъ либеральныхъ теченій въ уголовномъ правѣ и процессѣ, просто на просто уклонился отъ щекотливаго вопроса о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, и выбралъ такое рѣшеніе его, къ которому могли бы свободно присоединиться принципиально и тѣ, которые не желаютъ допускать защиту или, чтобы быть точнымъ—ибо мы лично не усматриваемъ возможности защиты на предварительномъ слѣдствіи—не допускаютъ юридической помощи обвиняемому въ стадіи предварительнаго слѣдствія. За уничтоженіе предварительнаго слѣдствія могутъ быть всѣ,—если, конечно, забыть о гарантіяхъ. Конгрессъ и забылъ о гарантіяхъ.

На этотъ путь свель его главнымъ образомъ одинъ ораторъ, апелляціонный судья въ Голландіи Энгеленъ, который въ шутливой,—и надо сказать поверхностной,—рѣчи изображалъ всѣ бѣдствія, которыя угрожаютъ правосудію отъ адвокатовъ, вмѣшивающихся въ предварительное слѣдствіе. Изобразивъ высокую степень непристрастія, независимости и мудрости голландскихъ судебныхъ слѣдователей или слѣдственныхъ судей, стремящихся во что бы то ни стало добыть сознаніе подсудимаго (правда,—пахнетъ давно минувшими временами!), ораторъ далъ слушателямъ весьма мрачное представленіе о голландскихъ адвокатахъ, которые способны будто на все, лишь бы воспрепятствовать уличенію обвиняемаго. Онъ выразилъ даже опасеніе, что адвокатъ будетъ предупреждать возможность открытія плодовъ преступленія,—правда, заодно характеризована и мудрость слѣдственнаго судьи, который съ производствомъ обыска съ цѣлью открытія у обвиняемаго, или его близкихъ плодовъ преступленія, будетъ ждать, пока плоды исчезнутъ.

И чѣмъ принципиально мотивировалъ свой взглядъ Энгеленъ,—теоріею *défense sociale*! И румынскій профессоръ Товипучано и другіе ораторы, недопускавшіе участія адвокатовъ въ предварительномъ слѣдствіи—взывали къ *défense sociale*, требуя уже этой охраны не только къ завѣдомо виновнымъ, но и къ заподозрѣннымъ; эти криминалисты не только въ обвиненномъ, но и въ заподозрѣнномъ видятъ объектъ для мѣръ соціальной охраны. Въ первомъ вопросѣ

во имя соціальной охраны требовали наказуемости одинаковой съ совершеннымъ преступленіемъ и покушеніемъ, требовали наказанія за злую волю, которая будетъ обрисована въ будущихъ опрощенныхъ (simplifié, какъ выразился Ванъ Гаммель) кодексахъ, а при второмъ вопросѣ, подъ прикрытіемъ той же соціальной охраны, требовали самыхъ суровыхъ приемовъ предварительнаго слѣдствія.

Не слѣдуетъ ли словами Н. В. Муравьева въ приведенной его рѣчи сказать примѣнительно и къ обнаруженному нашимъ конгрессомъ теченію: „атмосфера уголовной науки затемняется, и стало появляться странное отклоненіе отъ привычнаго распорядка ея“.

Отмѣтимъ, что страннымъ образомъ главный апостолъ новой школы соціальной охраны проф. фонъ Листъ никакого участія въ обсужденіи вопроса о реформѣ предварительнаго слѣдствія не принималъ. Не можетъ ли это навести на мысль, что въ схоластическихъ, хотя и современныхъ формулахъ новаго соціологическаго направленія, не нашлось указанія на то, какъ надо реформировать предварительное слѣдствіе. И не лучше ли было бы союзу криминалистовъ оставить въ покоѣ вопросы процессуальные, предоставивъ ихъ на долю приверженцевъ упраздняемаго классическаго направленія. А то вѣдь недалеко и до дискредитированія новой школы требованіемъ упраздненія и суда присяжныхъ, который въ представленіи послѣдователей теоріи соціальной охраны, быть можетъ, мѣшаетъ осуществленію этой задачи. Caveant consules новаго теченія,—можетъ обнаружиться, какъ это случилось и съ антропологическою школою, что новая школа вовсе не либеральна. Лучше было воздержаться отъ дебатовъ.

Для насъ уже стало весьма ясно, что новая школа совсѣмъ не либеральна. Мы еще не можемъ позволить себѣ роскошь вернуться къ давно минувшимъ принципамъ поглощенія личности во имя соціальной охраны. У насъ еще много работы въ обратномъ направленіи, именно, въ направленіи освобожденія личности...

Г. Сліозбергъ.

2. Законъ 10 іюня о взысканіяхъ за нарушенія нѣкоторыхъ правилъ положенія о государственномъ промышленномъ налогѣ. ¹⁾

Законъ 10 іюня о взысканіяхъ за нарушенія правилъ положенія о промышленномъ налогѣ не можетъ быть поставленъ наряду съ двумя важными законодательными актами, опубликованными нынѣшнимъ дѣломъ: Уставомъ о векселяхъ и закономъ 3 іюня о выборочныхъ дѣтяхъ. Значеніе закона 10 іюня болѣе узкое и специальное. Тѣмъ не менѣе болѣе подробное ознакомленіе съ нимъ не лишено интереса, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія основаній, вызвавшихъ изданіе его.

Постановленія, соотвѣтствующія нынѣ изданнымъ, заключались уже въ проектѣ Министра Финансовъ о промышленномъ налогѣ, но въ то время Государственный Совѣтъ исключилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ оныхъ были проектированы и внесены на утвержденіе Совѣта особыя карательныя правила въ дополненіе къ уложенію о наказаніяхъ. Во исполненіе этого порученія Государственного Совѣта и явился проектъ, составившій затѣмъ законъ 10 іюня сего года.

Наиболѣе существенными постановленіями этого закона являются карательныя правила, составляющія статьи 1157² (о разглашеніи коммерческихъ тайнъ плательщиковъ налога) и 1174⁸ (включеніе въ отчеты предприятий завѣдомо ложныхъ свѣдѣній) уложенія о наказаніяхъ.

Въ разнообразныя присутствія по государственному промышленному налогу въ качествѣ членовъ входятъ плательщики налога, а также могутъ быть приглашаемы свѣдущія лица. Между тѣмъ присутствіямъ положеніемъ о государственномъ промышленномъ налогѣ открывается широкая возможность знать не только обороты и прибыли плательщиковъ, но также ихъ долговыя обязательства и вообще имущественное ихъ положеніе. Такъ, на основаніи 123 ст. Положенія отъ плательщиковъ раскладочнаго сбора требуется подача въ раскладочныя присутствія особыхъ заявленій съ показаніемъ въ нихъ свѣдѣній, необходимыхъ для опредѣленія оборотовъ и прибылей предприятия. Кромѣ того, согласно 129 и 130 ст.ст.

¹⁾ Собр. Узакон. № 87 ст. 988.

Положенія, въ раскладочныя присутствія могутъ быть представляемы плательщиками, для установленія дѣйствительныхъ прибылей, торговыя книги или засвидѣтельствованныя у нотариусовъ выписи изъ сихъ книгъ. Особенно важными въ смыслѣ детальнаго изслѣдованія дѣлъ коммерческихъ предпріятій являются статьи 110 и 127 Положенія. Въ силу послѣдней изъ этихъ статей председатель раскладочнаго присутствія пользуется правомъ, въ случаѣ особой необходимости, просматривать, съ согласія плательщиковъ, въ журналѣ или ежедневной книгѣ, а равно въ кассовыхъ и товарныхъ книгахъ записи выручки и продажи предпріятій, а также книги по активнымъ операціямъ въ банкирскихъ заведеніяхъ, ссудныхъ кассахъ и мѣняльныхъ лавкахъ, по статьѣ-же 110, въ случаѣ непредставленія отчетовъ (предпріятіями, подлежащими публичной отчетности) въ теченіи 6 мѣсяцовъ послѣ установленнаго для сего срока или сомнѣній въ правильности представленныхъ отчетовъ, неясности или неполноты доставленныхъ къ нимъ дополнительныхъ свѣдѣній и разъясненій и невозможности выяснитъ инымъ путемъ чистую прибыль предпріятія, съ особаго разрѣшенія Министра Финансовъ, председателемъ и однимъ членомъ общаго присутствія казенной палаты можетъ быть произведенъ осмотръ и повѣрка торговыхъ книгъ и оправдательныхъ документовъ предпріятій. Собранныя указанными путями свѣдѣнія, дающія основанія къ обложенію, необходимо дѣлаются достояніемъ всѣхъ членовъ раскладочнаго присутствія, общаго присутствія казенной палаты, а равно и высшихъ присутствій по промышленному налогу, разъ дѣло доходитъ до ихъ разсмотрѣнія. Въ числѣ-же членовъ этихъ присутствій, какъ уже упомянуто, находятся плательщики налога, а могутъ быть и свѣдущіе люди, т. е. лица, можетъ быть, сталкивающіяся на почвѣ торговой конкуренціи съ тѣми плательщиками, объ имущественномъ положеніи коихъ собраны подробныя свѣдѣнія. Необходимость оградить послѣднихъ отъ злоупотребленія со стороны первыхъ полученными ими, по своему особому положенію, свѣдѣніями, не подлежащими оглашенію, возникаетъ сама собою. Съ этою цѣлью положеніе обязываетъ членовъ присутствій хранить полученныя свѣдѣнія въ тайнѣ, а членовъ, не состоящихъ на службѣ, т. е. плательщиковъ налога, и свѣдущихъ лицъ даже присягой. Въ проектѣ Положенія о государственномъ промышленномъ налогѣ предполагалось виновныхъ въ неисполненіи этой обязанности подвергать ответственности на основаніи Уложенія о наказаніяхъ (ст. 129 проекта). Однако ока-

залось, что въ уложеніи не предусмотрено вовсе преступнаго дѣянія, соответствующаго указанному въ ст. 129, ибо ст. 423 уложенія предусматриваетъ только случаи разглашенія дѣлъ, подлежащихъ тайнѣ, лицами, состоящими на государственной службѣ. Поэтому Государственный Совѣтъ, исключивъ ссылку на отвѣтственность, предоставилъ Министру Финансовъ войти, по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, въ соображеніе вопроса о дополненіи уложенія о наказаніяхъ *особою статьею, карающею нарушение коммерческой тайны лицами, не состоящими на государственной или общественной службѣ.* ¹⁾ Это порученіе Государственнаго Совѣта можетъ быть понято въ смыслѣ разработки общаго вопроса объ отвѣтственности частныхъ лицъ за нарушение коммерческихъ тайнъ. Но такая широкая постановка вопроса, хотя и желательная, не могла быть, конечно, выполнена по данному частному дѣлу, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время идетъ окончательное общее обсужденіе новаго уголовного уложенія. Выработанное-же Министерствомъ Финансовъ правило, во исполненіе порученія Государственнаго Совѣта, вошедшее въ законъ 10 іюня, хотя и имѣетъ тѣсный объемъ, тѣмъ не менѣе представляетъ важное и существенно-необходимое дополненіе нашихъ уголовныхъ законовъ. Положеніе о промысловомъ налогѣ, какъ мы видѣли, принимаетъ мѣры побудить плательщиковъ сообщать дѣйствительно вѣрныя свѣдѣнія объ оборотахъ и прибыляхъ и предъявлять самыя торговыя книги. При такомъ положеніи необходимо предоставить и торговцамъ, и промышленникамъ увѣренность въ томъ, что свѣдѣнія, касающіяся ихъ имущественнаго положенія, будутъ использованы исключительно для тѣхъ только податныхъ цѣлей, ради которыхъ они по закону требуются, и что свѣдѣнія эти не будутъ разглашены. Между тѣмъ, какъ совершенно справедливо указывалось въ соображеніяхъ Министра Финансовъ, нарушеніе обязанности хранить въ тайнѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ торговыхъ предприятий изъ личныхъ, корыстныхъ или иныхъ видовъ возможно ожидать именно отъ членовъ присутствій изъ плательщиковъ или отъ членовъ совѣщательныхъ по торговлѣ и промышленности учреждений, а также отъ приглашаемыхъ въ присутствія свѣдущихъ людей. Для всѣхъ упомянутыхъ лицъ можетъ представиться чаще всего искушеніе уронить кредитъ своего соперника, придавъ огласкѣ сдѣлавшіяся

¹⁾ Журн. Соед. Департ. 1898 г. № 188, стр. 62.

извѣстными, при исполненіи обязанностей въ присутствіи, свѣдѣнія о какихъ-либо временныхъ затрудненіяхъ ¹⁾.

Сообразно изложенному, субъектами дѣянія, караемаго по 1157² ст. улож. о наказ., являются „несостоящіе на государственной или общественной службѣ члены присутствій по государственному промысловому налогу, а также приглашенные въ эти присутствія свѣдущія лица“; самое дѣяніе состоитъ въ нарушеніи обязанности, установленной 28 ст. положенія о промысловомъ налогѣ, т. е. „въ оглашеніи подлежащихъ тайнъ свѣдѣній, касающихся имущественнаго положенія, долговыхъ обязательствъ, оборотовъ и прибылей плательщиковъ“. Со стороны внутренней для состава преступления, предусмотрѣннаго 1157² ст., не требуется наличности умысла; оно можетъ быть и неосторожнымъ. Последнее очень важно, такъ какъ для владѣльца предпріятія одинаково вредно разглашеніе подлежащихъ тайнъ свѣдѣній и въ томъ случаѣ, когда оно учинено по неосторожности, какъ напр., „когда членъ присутствія подѣлится извѣстными ему свѣдѣніями о состояніи дѣлъ близкаго знакомаго, подъ секретомъ, со своими домашними, а тѣ передадутъ эти свѣдѣнія далѣе, и тѣмъ самымъ предадутъ огласкѣ“ ²⁾. Также не требуется для состава преступления наличности вредныхъ послѣдствій для лица, о дѣлахъ коего свѣдѣнія разглашены. Наличность же цѣли „причинить вредъ чести или кредиту лица, къ коему оглашаемое свѣдѣніе относится“, не измѣняя состава преступления, влияетъ лишь на размѣръ наказанія, которое доходитъ до заключенія въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, тогда какъ совершеніе дѣянія безъ указанной цѣли карается денежнымъ взысканіемъ до трехсотъ рублей. Во всякомъ же случаѣ къ тому и другому наказанію присоединяется лишеніе права оставаться и быть избираемыми въ члены упомянутыхъ выше присутствій или быть приглашаемыми въ оныя въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, въ теченіи трехъ лѣтъ.

Если къ изложенному постановленію закона 10 іюня слѣдуетъ отнести съ полнымъ сочувствіемъ, то нельзя того же сказать о томъ правилѣ этого закона, коимъ устанавливается отвѣтственность денежнымъ взысканіемъ не свыше одной тысячи рублей или заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ „за помѣщеніе въ отчетахъ и балансахъ предпріятій, обя-

¹⁾ Представленіе Министра Финансовъ 11 марта с. г. № 3295.

²⁾ Указ. представленіе.

занныхъ публичною отчетностью либо приравненныхъ къ симъ предпріятіямъ, а равно въ дополнительныхъ сообщеніяхъ и разъясненіяхъ по симъ отчетамъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, клонящихся къ уменьшенію промысловаго налога либо освобожденію отъ него“ (ст. 1174^s улож. о наказ.).

Приведенное постановленіе напоминаетъ неизвѣстную нашему дѣйствующему законодательству, но вводимую проектомъ уголовного уложенія отвѣтственность за помѣщеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о состояніи дѣлъ или счетовъ кредитнаго установленія или акціонернаго общества и т. п. въ публикаціи, отчетѣ, балансѣ, торговой книгѣ, а равнымъ образомъ за представленіе завѣдомо невѣрнаго разсчета объ исчисленіи и выдачѣ дивиденда (п. 2 и 3 ст. 506 проекта угол. улож., внесеннаго въ Государственный Совѣтъ). Послѣднее описанное дѣяніе представляется далеко небезопаснымъ для общественнаго экономическаго оборота, почему установленіе наказуемости его имѣетъ свое разумное основаніе. Статья же 1174^s улож. о наказ. по закону 10 іюня имѣетъ въ виду совершенно иное, и сходство ея со ст. 506 проекта чисто внѣшнее. Послѣдняя статья, *относимая къ „злоупотребленію довѣріемъ“*, караетъ за самый фактъ помѣщенія завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, безразлично, клонятся ли они къ уменьшенію оборотовъ и доходности предпріятія или увеличенію ихъ, не придавая притомъ никакого значенія цѣли дѣятельности. Статья же 1174^s, преслѣдуя помѣщеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, направленныхъ исключительно къ уменьшенію доходности предпріятія, *со спеціальною цѣлью* сокращенія налога или освобожденія отъ него, входитъ уже въ совершенно иную группу преступныхъ дѣяній, именуемую дефракдаціей. Допущеніе же наказуемости послѣдней можетъ быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, когда нѣтъ средствъ, достаточныхъ для распознаванія пріемовъ, направленныхъ къ уменьшенію налога. Между тѣмъ, положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ даетъ органамъ податнаго надзора весьма сильныя средства для изслѣдованія оборотовъ и доходности предпріятій, обязанныхъ публичною отчетностью. Такъ, казенная палата или управляющій оною имѣютъ право не только требовать дополнительныхъ свѣдѣній и разъясненія для повѣрки отчетовъ, но и, какъ мы уже видѣли, разсматривать торговыя книги и документы и дѣлать осмотръ торговыхъ помѣщеній (ст. 107 и 110 положенія). Первая часть того же закона 10 іюня, разобранныя выше, прямо доказываетъ, что вторая часть о дефракдаціи является излишнею. Обиліе

самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для провѣрки вѣрности отчетовъ и свѣдѣній, доставляемыхъ владѣльцами предпріятій, и вызвали, какъ мы видѣли, необходимость созданія особаго вида преступнаго дѣянія—разглашеніе тайнъ промышленныхъ и торговыхъ.

Новый законъ не можетъ не вызывать опасенія, что наши суды окажутся обремененными массою дѣлъ весьма сложныхъ по существу о невѣрности свѣдѣній и данныхъ тѣмъ болѣе, что редакціи при пользованіи этими средствами, даже осторожномъ, нѣтъ основанія опасаться, чтобы возможно было сокрытіе данныхъ, служащихъ основаніемъ обложенія. Установленіе же наказуемости за сообщеніе ложныхъ свѣдѣній, при такихъ условіяхъ, излишне и противорѣчить принципу экономіи въ пользованіи карательными средствами, статьи 1174^s, устанавливаетъ чрезвычайно широкой кругъ отвѣтственныхъ лицъ. Совершеніе дѣянія, описываемаго этою статьею, зависитъ преимущественно отъ завѣдывающихъ или распоряжающихся дѣлами установленій или обществъ. Законъ же 10 іюня признаетъ субъектами преступления, предусмотрѣннаго 1174^s ст., сразу цѣлую группу лицъ: не только членовъ правленій, но и бухгалтеровъ и вообще лицъ, подписавшихъ и скрѣпившихъ невѣрный отчетъ, балансъ или дополнительные къ нимъ свѣдѣнія или разъясненія. Если желательно было не сѣзуть, а напротивъ расширить кругъ отвѣтственныхъ лицъ, то слѣдовало ограничиться общепотребительнымъ терминомъ „виновные“, и дѣло судебной власти установить въ каждомъ данномъ случаѣ, кто дѣйствительно виновный. Перечисленіе же въ самомъ законѣ цѣлой группы лицъ, созданіе какого то необходимаго, но ничѣмъ не оправдываемаго, соучастія лишь осложнитъ судебное разбирательство привлеченіемъ къ уголовной отвѣтственности такихъ лицъ, виновность коихъ на судебномъ слѣдствіи весьма часто будетъ оказываться фиктивной.

Изложенныя выше соображенія объ отсутствіи достаточнаго основанія къ установленію наказуемости за сокрытіе данныхъ къ обложенію промысловымъ налогомъ со стороны предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью, вполне примѣнимы и къ введенію въ законодательство уголовной отвѣтственности за помѣщеніе въ заявленіяхъ, подаваемыхъ въ раскладочныя по промысловому налогу присутствія, клонящихся къ уменьшенію сего налога либо освобожденію отъ него завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о оборотахъ и прибыляхъ иныхъ торговыхъ или промышленныхъ предпріятій ¹⁾

¹⁾ Наказаніе: денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей или арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

(ст. 1174⁷ улож. о наказ.). Въ отношеніи предпріятій, обложенныхъ раскладочнымъ сборомъ, законъ также предоставляетъ очень широкія средства изслѣдованія о положеніи дѣлъ предпріятія до обозрѣнія торговыхъ книгъ включительно. Предсѣдатель раскладочнаго присутствія имѣетъ право не только требовать отъ плательщиковъ необходимыхъ разъясненій въ дополненіе къ поданнымъ заявленіямъ, но и собирать, черезъ опросъ свѣдущихъ лицъ, необходимыхъ свѣдѣнія для правильнаго опредѣленія оборота, извлекать необходимыя свѣдѣнія въ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ, а равнымъ образомъ и производить осмотръ торговыхъ заведеній (ст. 127 положенія о Государственномъ промысловомъ налогѣ). Эти средства еще болѣе, чѣмъ въ отношеніи предпріятій, обязанныхъ публичною отчетностью, гарантируютъ полноту данныхъ, служащихъ основаніемъ обложенія, и дѣлаютъ излишнимъ введеніе какихъ либо карательныхъ мѣръ.

Установленіе отвѣтственности за умышленное недопущеніе лицъ торговаго надзора къ исполненію возложенныхъ на нихъ положеніемъ о государственномъ промысловомъ налогѣ обязанностей по наблюденію за правильнымъ обложеніемъ симъ налогомъ торговли и другихъ промысловъ (ст. 273¹ улож. о наказ.) не представляетъ чего-либо новаго. Аналогичное постановленіе, отмѣненное положеніемъ о промысловомъ налогѣ, заключалось въ ст. 344 устава о прямыхъ налогахъ (св. зак. т. V изд. 1893 г.). Законъ 10 іюня лишь возстановляетъ эту статью примѣнительно къ положенію и съ усиленіемъ отвѣтственности: денежное взысканіе не свыше 300 руб. или арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ,—тогда какъ по ст. 344 уст. о прям. нал. полагалось только денежное взысканіе до 200 руб.

Случаи, когда лицамъ торговаго надзора приходится стѣснять права частныхъ лицъ и даже нарушать неприкосновенность ихъ помѣщеній, довольно многочисленны. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важнымъ является право всѣхъ лицъ торговаго надзора входить въ торговыя и промышленныя заведенія, складочныя помѣщенія и прочія мѣста, гдѣ производятся торговля и другіе промыслы (ст. 76 положенія о госуд. промысл. налогѣ). Сюда же относится право нѣкоторыхъ органовъ надзора: а) производить осмотръ помѣщеній, не имѣющихъ вида или характера торговаго или промышленнаго заведенія (ст. 77); б) осматривать и повѣрять торговыя книги и оправдательные документы, а равно и самыя заведенія, принадлежащія предпріятіямъ, обязаннымъ публичною отчет-

ностью (ст. 110); в) производить повѣрку заявленій, поданныхъ въ раскладочныя присутствія плательщиками дополнительнаго раскладочнаго сбора (ст. 127), и г) извлекать изъ книгъ желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ, транспортныхъ и страховыхъ предпріятій свѣдѣнія объ отправляемыхъ, получаемыхъ и страхуемыхъ грузахъ (ст. 75). При осуществленіи указанныхъ правъ торговому надзору приходится встрѣчать активное противодѣйствіе или пассивное уклоненіе. Последняго же рода противодѣйствіе, выражающееся, при отсутствіи непосредственнаго насилія, въ принятіи какихъ либо мѣръ, хотя прямо и не направленныхъ противъ должностнаго лица, но тѣмъ не менѣе препятствующихъ отправленію возложенныхъ на него по закону обязанностей, напр. закрытіе торговаго помѣщенія и уходъ торговца при приближеніи надзора, оказывается въ общихъ уголовныхъ законахъ не предусмотрѣннымъ. А такъ какъ предусмотрѣть всѣ различные способы противодѣйствія не представляется возможнымъ, въ виду значительной изобрѣтательности въ этомъ отношеніи плательщиковъ налога, то нарушенію сему дано такое общее опредѣленіе, которое обнимало бы всѣ могущіе возникнуть способы противодѣйствія ¹⁾.

Въ заключеніе законъ 10 іюня указываетъ порядокъ возбужденія уголовного преслѣдованія по преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 273¹, 1174² и 1174³ улож. о наказ., возлагая его на казенныя палаты по постановленіямъ общихъ ихъ присутствій. Установленіе такого порядка вызвано необходимостью оградить плательщиковъ отъ неправильнаго возбужденія противъ нихъ обвиненій въ уголовномъ порядкѣ лицами мѣстнаго торговаго надзора, каковы—волостные старшины, торговые депутаты и т. п. ²⁾. Отсутствіе указаній въ законѣ 10 іюня на порядокъ возбужденія преслѣдованія по преступленію, предусмотрѣнному ст. 1157² улож. о наказ., показываетъ, что въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ общій порядокъ уголовного судопроизводства, указанный въ 297 ст. уст. угол. суд.

¹⁾ Представленіе 11 марта 1902 г. № 3295.

²⁾ Тамъ же.

3. Изъ текущей практики Уголовнаго Кассационнаго Департамента.

Похищеніе электрической энергии.

Широкое примѣненіе электрической энергии для нужд повседневной жизни поставило на очередь вопросъ объ отвѣтственности за незаконное пользованіе этою энергіею. Съ точки зрѣнія гражданского права, гдѣ подъ вещью, еще по опредѣленію римскихъ юристовъ, разумѣется „всякаго рода цѣнности или хозяйственныя блага, способныя къ усвоенію и содѣйствующія довольству и счастью людей, ими обладающихъ“, нѣтъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что электрическая энергія можетъ быть объектомъ и договорныхъ отношеній, и незаконнаго пользованія. Не такъ легко разрѣшается этотъ вопросъ съ точки зрѣнія права уголовнаго. Сущность возникающаго здѣсь сомнѣнія сводится къ тому, можетъ ли быть электрическая энергія объектомъ похищенія—кражи, въ виду того, что понятіе вещи по уголовному праву иное, чѣмъ по праву гражданскому. Возникающее въ данномъ случаѣ сомнѣніе нельзя объяснить какою либо приверженностью къ казуистикѣ и доктринерству; оно имѣетъ болѣе глубокое основаніе. Если дѣйствительно по уголовному законодательству для понятія вещи необходимъ признакъ *тѣлесности*, то, конечно, электричество не можетъ быть объектомъ кражи, такъ какъ оно не тѣлесная вещь, а сила. Распирять же рамки *уголовнаго* закона, путемъ судебныхъ рѣшеній, для удовлетворенія вновь народившихся, хотя бы и очень важныхъ, требованій жизни—можно лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ и съ крайнею осторожностью. Пробѣлъ уголовного закона не трудно восполнить новымъ законодательнымъ опредѣленіемъ; допущеніе же распространительнаго толкованія, какъ извѣстно, сопряжено съ значительною опасностью для общества. Этимъ, а не какимъ либо узкимъ доктринерствомъ, можно объяснить слѣдующее положеніе рѣшенія Германскаго имперскаго суда: „Если будетъ признано потребностью современной правовой жизни подвести противозаконное присвоеніе электричества подъ уголовно-правовое опредѣленіе, то это будетъ дѣломъ законодательства. Судъ не можетъ пополнять отсутствіе опредѣленій закона примѣненіемъ по аналогіи нормъ, которыя не предусматриваютъ даннаго случая. Въ уголовномъ правѣ высшимъ принципомъ является положеніе: *nulla poena sine lege*“.

Съ этой точки зрѣнія интересно ознакомиться съ двумя противоположными рѣшеніями: однимъ—Германскаго кассационнаго суда (Reichsgericht'a), другимъ—нашего высшаго судилища—Правительствующаго Сената.

Обстоятельства подлежаващаго рѣшенію Рейхсгерихта дѣла заключались въ слѣдующемъ. Нѣкто обвинялся въ томъ, что во время съ 12 по 17-января 1895 г., съ цѣлью противозаконнаго присвоенія, отвелъ отъ магистрала электрическій токъ для своего мотора. Низшая инстанція признала, что это дѣяніе не соотвѣтствуетъ ни составу кражи, ни составу присвоенія, такъ какъ электричество или электрическій токъ не подходитъ подъ понятіе движимой „вещи“ въ смыслѣ § 242 уголовного уложенія ¹⁾. Рейхсгерихтъ согласился съ правильностью рѣшенія низшей инстанціи.

Вотъ его соображенія:

„Низшая инстанція исходитъ изъ того, что, такъ какъ вещью въ смыслѣ § 242 уголовного уложенія можетъ считаться лишь частица матеріи, заполняющая пространство, то тѣлесность есть существенный признакъ предмета. Это положеніе находитъ свое основаніе не въ положеніяхъ гражданскаго права, то есть различныхъ системъ частнаго права, дѣйствующихъ въ настоящее время въ Германіи, уголовно-правовое понятіе движимой вещи есть особое самостоятельное понятіе публичнаго права, имѣющее по естественному смыслу словъ и терминологіи уголовного уложенія (рѣшеніе XXIV 50), признакъ тѣлесности предмета. Уже въ мотивахъ къ Прусскому уголовному Уложенію (Гольтдаммеръ матер. II 458) говорится: „движимая вещь“. Она ясно названа во всѣхъ проектахъ, и понятно, что здѣсь, какъ было вполне признано и Госуд. Совѣтомъ, рѣшающее значеніе имѣетъ понятіе естественное, а не гражданско-правовое. Поэтому сюда относятся съ одной стороны части недвижимыхъ вещей, которыя отдѣлены отъ нихъ съ цѣлью кражи, съ другой же стороны безтѣлесныя вещи исключены изъ этого понятія; для нихъ немислимо *contrectatio*. Согласно съ этимъ взглядомъ о самостоятельности уголовно-правоваго понятія „движимой вещи“ бывшій прусскій оберъ-трибуналь дѣлаетъ выводъ въ соотвѣтствіе съ

¹⁾ Этотъ параграфъ гласитъ слѣдующее: „Кто чужую движимую вещь (*bewegliche Sache*) похититъ изъ владѣнія другого (*wegnimmt*) съ намѣреніемъ противозаконно присвоить ее себѣ, будетъ наказанъ за кражу тюрьмою. Покушеніе наказуемо“.

гос. угол. улож. въ рѣшеніи отъ 25 Іюля 1874 (ср. Штенглейнъ, журналъ IV 164).

Терминологія и опредѣленіе понятій, которыя встрѣчаются въ законахъ отдѣльнаго государства союза, не могутъ быть принимаемы какъ нормы для изложенія предписаній германскаго уголовн. улож., дабы положенія этого кодекса, вопреки желательному единству, не подверглись различному изложенію; напротивъ, предписанія обще Государственнаго уголовнаго уложенія должны быть толкуемы на основаніи того же уложенія, и поэтому его термины должны, согласно цѣли угол. уложенія, быть понимаемы такъ, какъ они ближе всего подходятъ къ обыденной жизни. Согласно съ этимъ, не можетъ быть основательнаго сомнѣнія въ томъ, что квитанція въ уплатѣ долга есть „тѣлесная движимая вещь“ въ смыслѣ § 242 угол. улож., которая, какъ таковая, можетъ быть предметомъ владѣнія и можетъ быть изъята изъ владѣнія. Далѣе Рейхсгерихъ призналъ въ рѣш. 8 Февр. 1881 г. и 19 Іюня 1885 г. (р. III 349, XII, 313), что подъ „движимой вещью“, въ смыслѣ § 246 угол. улож., можетъ быть понимаемъ лишь тѣлесный предметъ. Само собой понятно, что недопустимо предположеніе, что угол. улож. намѣренно употребило въ различномъ смыслѣ выраженіе „движимая вещь“ для столь родственныхъ преступленій, какъ кражи и присвоенія. Такъ какъ § 242 угол. улож. опредѣляетъ предметъ кражи, а § 246 предметъ присвоенія какъ частицу матеріи, будетъ ли она въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ состояніи, то нельзя юридически возражать, разъ низшая инстанція отрицаетъ признаки какъ кражи, такъ и присвоенія.

Требуется ли понятіе вещи въ смыслѣ § 242, 246 угол. улож. тѣлесность или нѣтъ—это юридическій вопросъ; но разрѣшеніе вопроса о томъ, есть ли электричество матерія тѣлесная, или только сила движенія мельчайшихъ частицъ, которая при извѣстныхъ условіяхъ происходитъ по поверхности вещи или въ вещи, должны основываться не на юридическихъ нормахъ, а на естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ.

Разсужденія экспертовъ, допрошенныхъ въ первой инстанціи, съ сущностью которыхъ согласилась низшая инстанція, показываютъ, что здѣсь дѣло идетъ о вопросѣ, который еще не разрѣшенъ окончательно естествознаніемъ, и что существуютъ разные противорѣчивые взгляды и теоріи. Поэтому во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, будто установлено или общеизвѣстно, что электричество есть флуидъ, то есть матерія жидкая или газообразная.

Поэтому, когда первый судья, на основаніи принятыхъ во вниманіе доказательствъ, именно показанія экспертовъ высказался за то, что электричество не есть флюидъ, какого либо тѣлеснаго рода матерія, а есть сила, состояніе, въ которое могутъ быть приведены извѣстные предметы, при помощи техническихъ приѣмовъ, то въ этомъ, во всякомъ случаѣ, нельзя усмотрѣть логической ошибки по дѣйствующимъ законамъ (§ 376 уст. угол. суд.). Рейхсгерихтъ не вправѣ постановить авторитетное рѣшеніе по вопросу о томъ, правиленъ ли взглядъ низшей инстанціи съ точки зрѣнія современнаго естествознанія. Прокурорскій надзоръ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о томъ, что электричество можетъ быть предметомъ кражи, ссылается на рѣшеніе Рейхсгерихта 10 марта 1887 г. (рѣш. гражд. т. 17 стр. 269). Эта ссылка основана на недоразумѣніи, которое, впрочемъ, многократно встрѣчается и въ литературѣ. Въ упомянутомъ рѣшеніи, наоборотъ, ясно высказано, какъ общепризнанная истина, что электрическій токъ по природѣ не есть одаренная самостоятельностью тѣлесная вещь, но дѣйствующая въ тѣлахъ, въ нихъ получающая свое развитіе, сила. Этимъ разрѣшается вопросъ о возможности кражи, предусмотрѣнной § 242 уголов. улож., въ томъ смыслѣ, въ какомъ разрѣшила его низшая инстанція. Дальнѣйшіе выводы упомянутаго рѣшенія относятся къ вопросу о томъ, можетъ ли быть электрическій токъ предметомъ договора поставки, можетъ ли быть разсматриваемъ какъ вещь въ смыслѣ § 981 общ. Прусск. земскаго права I, II. Этотъ вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ выводомъ гражданскаго сената о томъ, что понятіе вещи въ смыслѣ упомянутаго спеціальнаго постановленія земскаго права не должно быть ограничено тѣлесными вещами. Этими выводами рѣшенія Рейхсгерихта вовсе не затрагивается подлежащій здѣсь разрѣшенію вопросъ уголовнаго права.

О томъ, что электрическій токъ есть тѣлесная вещь, и потому возможный объектъ кражи, высказано въ одномъ изъ рѣшеній Мюнхенскаго Оберландсгерихта отъ 15 января 1895 г. (Архивъ Угол. пр. т. 43 стр. 58). Нельзя однако согласиться съ мотивировкой этого рѣшенія. Соображеніе, что возможно измѣреніе силы тока, и что токъ можетъ быть проводимъ и переводимъ съ одного мѣста въ другое, уже оцѣнено низшей инстанціей въ ея вышеприведенныхъ выводахъ. Измѣряема можетъ быть также сила, и проведеніе электричества съ одного мѣста въ другое происходитъ лишь чрезъ посредство тѣлесныхъ предметовъ, черезъ которые оно проводится, или въ которыхъ оно собирается, и поэтому нѣтъ

основаній къ выводу о его тѣлесности (рѣш. IV отдѣленія Германскаго Рейхсгерихта отъ 20 октября 1896 г.).

Въ томъ же смыслѣ высказалось I отдѣленіе Рейхсгерихта (рѣш. 1 мая 1899 г.), однако съ той разницей, что оно признало, что хотя вопросъ о томъ, есть ли электричество движимая вещь— есть вопросъ права, но онъ при настоящемъ состояніи науки не можетъ быть разрѣшенъ во вредъ незаконно присваивающимъ.

Къ иному выводу пришелъ нашъ высшій судъ. Уголовный кассационный департаментъ Правит. Сената по аналогичному же дѣлу призналъ въ похищеніи электрической энергіи составъ преступленія кражи. Можетъ показаться страннымъ признаніе правильности этого рѣшенія Правит. Сената въ виду соображеній, высказанныхъ Германскимъ Имперскимъ судомъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи его. Однако мы позволяемъ себѣ выразить полное согласіе со взглядомъ Правит. Сената и утверждать что рѣшеніе Сената вызвано не какими-либо соображеніями цѣлесообразности, необходимости охранить отъ посягательствъ новое экономическое благо, основано не на примѣненіи закона путемъ аналогіи, а, напротивъ, находитъ опору въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ. Дѣло въ томъ, что по нашему уголовному законодательству понятіе объекта кражи иное, чѣмъ по Германскому. Понятіе вещи (*Sache*) по Германскому уложенію дѣйствительно имѣетъ болѣе тѣсный смыслъ тѣлеснаго предмета, тогда какъ по нашему уголовному уложенію объектомъ кражи признается не только похищеніе чужой вещи, но и „иного движимаго имущества“ (ст. 1644), что имѣетъ несравненно болѣе широкій смыслъ, близко подходящій къ понятію вещи по гражданскому праву.

Задачею Правит. Сената, какъ видно изъ нижеприводимаго опредѣленія его, лишь было установить понятіе „имущества“ по нашему уголовному законодательству, какъ объекта похищенія, и затѣмъ выяснить, насколько электричество можетъ быть подведено подъ это понятіе имущества“.

Обстоятельства дѣла, подлежаваго разрѣшенію Правит. Сената, заключаются въ слѣдующемъ.

Крестьянинъ Ивановъ обвинялся въ томъ, что онъ, безъ вѣдома и согласія общества электрическаго освѣщенія, провелъ въ свою квартиру для электрическаго освѣщенія кухни токъ отъ кабельной сѣти общества. С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ, принявъ во вниманіе, что согласно 1644 ст. улож. кражей признается тайное похищеніе „вещей, денегъ или иного движимаго

имущества“, а ст. 169 уст. о нак. караетъ за кражу „предмета“, и имѣя въ виду, что токъ для электрическаго освѣщенія не подходитъ подъ понятіе вещи или вообще движимаго имущества, не усмотрѣлъ въ дѣяніи Иванова признаковъ уголовно-наказуемаго проступка и полагалъ, что самовольное со стороны Иванова пользование свѣтовой энергіей даетъ обществу лишь право на отысканіе убытковъ въ гражданскомъ судѣ.

На послѣдовавшій въ силу этихъ соображеній оправдательный приговоръ мирового съѣзда повѣренный общества электрическаго освѣщенія 1886 г. присяжный повѣренный Опаровскій принесъ кассационную жалобу въ Правит. Сенатъ, въ которой ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора по слѣдующимъ основаніямъ. „Ст. 1644 улож. и 169 уст., опредѣляя признаки дѣянія, называемаго кражею, и указывая предметы имущественныхъ преступленій, даютъ общее понятіе о вещи, могущей быть предметомъ преступленій, и это понятіе вещи слѣдуетъ понимать въ смыслѣ цѣнностей, т. е. такихъ жизненныхъ благъ, которыя, съ одной стороны, созданы для удовлетворенія потребностей человѣка, съ другой стороны, являются продуктомъ его труда въ той или другой формѣ. Становясь на эту точку зрѣнія опредѣленія понятія вещи, могущей быть предметомъ имущественныхъ преступленій, и имѣя въ виду, что электрическая энергія въ томъ видѣ, въ какомъ она является для удовлетворенія потребностей человѣка какъ для освѣщенія, такъ и для техническихъ цѣлей, есть продуктъ труда и имѣетъ свойство по своему характеру быть предметомъ частнаго обладанія, надо придти къ тому заключенію, что она является цѣнностью и можетъ быть предметомъ имущественныхъ преступленій“.

Настоящее дѣло разсматривалось *присутствіемъ* уголовного кассационнаго департамента 7 мая с. г. Правит. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, за нарушеніемъ 169 ст. уст. о наказ., по слѣдующимъ соображеніямъ.

„Хотя въ опредѣленіи кражи законъ вноситъ признакъ движимаго имущества, но, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, кражею признавалось и похищеніе такихъ вещей, которыя прикрѣплены къ почвѣ или составляютъ принадлежности недвижимости въ смыслѣ гражданскаго законодательства, напр. тайное похищеніе деревъ изъ сада посредствомъ выртыя или вырубки (1874 г. № 623), поврежденіе чужого дома съ цѣлью похищенія части строительнаго матеріала (1869 г. № 798); кромѣ того, законъ прямо называетъ кражею и похищеніе драго-

цѣнныхъ ископаемыхъ при разработкѣ земныхъ нѣдръ, хотя и облагается этотъ видъ кражи особыми наказаніями (ст. 601 улож. о наказ.). Равнымъ образомъ, возможными предметами похищенія нынѣ признаются не только тѣла твердыя и жидкія, но и газообразныя, неосязаемыя, напр. кислородъ, если его можно собрать, напримѣръ, въ гуттаперчевый мѣшокъ и захватить въ свое владѣніе. Причемъ для рѣшенія вопроса, что именно слѣдуетъ считать вещь въ смыслѣ имущества, имѣетъ главное значеніе самый фактъ матеріальнаго существованія, и все сущее, входящее въ сферу экономического оборота и правовыхъ отношеній, можетъ стать предметомъ правовой охраны какъ имущество; образъ-же и форма существованія имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, для вопроса о тѣхъ способахъ дѣятельности, которыми можетъ быть нарушено такое имущество. Обращаясь отъ этихъ соображеній къ настоящему дѣлу и не касаясь, какъ не имѣющей значенія для существа вопроса, попытки съѣзда установить спорную донныѣ физическую природу электричества, именно, составляетъ-ли оно вещь, какъ предметъ, отдѣльно отъ другихъ въ данномъ пространствѣ существующій, или только состояніе вещи, свойство или качество ея, энергію, силу, слѣдуетъ признать, что электричество существуетъ несомнѣнно и вполне реально и, какъ сущее, оно успѣло уже стать для людей извѣстнымъ экономическимъ благомъ, на пріобрѣтеніе котораго затрачиваются, въ видѣ топлива, рабочаго труда и машинъ, вполне и несомнѣнно реальные цѣнности, и которое стало предметомъ мѣноваго оборота въ обществѣ, т. е., что оно обладаетъ всѣми признаками имущества въ смыслѣ закона. Потому къ охранѣ электричества должны быть примѣняемы общія правила объ охранѣ имущества. Согласно послѣднимъ, имущества дѣлятся на движимыя и недвижимыя, а наказуемыя посягательства противъ нихъ распадутся на: 1) посягательства противъ имущества въ его вещественномъ состояніи, каковы завладѣніе и захваты, присвоеніе и самовольное пользованіе, и 2) посягательства противъ правъ на имущество, каковы обманы, вымогательство и самовольное осуществленіе чужихъ авторскихъ правъ путемъ контрафакціи, плагиата, самовольнаго пользованія привилегіей на изобрѣтеніе и т. п. Посягательства того и другого рода могутъ направляться и противъ электричества, смотря по тому, является ли послѣднее предметомъ имущественнаго права или реальнымъ объектомъ имущественнаго обладанія, стремится-ли виновный присвоить себѣ самое право на электричество, другому лицу принадлежащее, или захватываетъ

опредѣленную сумму уже существующаго чужого электричества. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ электричество надлежитъ признавать имуществомъ движимымъ, такъ какъ оно можетъ быть перемѣщено съ одного мѣста на другое путемъ провода. Его или часть его можно отвести или для немедленнаго употребленія, напр. для освѣщенія, для движенія машины, или даже собрать въ аккумуляторъ и переносить по усмотрѣнію, даже распредѣлять его между многими лицами путемъ передачи, и не только безмездной, но даже возмездной, такъ какъ электричество вошло уже въ экономической оборотъ общегитія и стало мѣнною цѣнностью. Вслѣдствіе такого отвода, хозяинъ электричества несетъ несомнѣнный имущественный вредъ, ибо изъ владѣнія его уходитъ отведенное количество, и для пополненія послѣдняго ему необходимо затратить лишніе рабочій трудъ, работу машины и топливо. Въ свою очередь, виновный приобретаетъ то именно, что утрачивается хозяиномъ. Вслѣдствіе этого, такая дѣятельность соотвѣтствуетъ понятію похищенія, и если она произведена безъ вѣдома и согласія хозяина, съ цѣлю присвоенія чужого электричества, должна быть признаваема кражею, предусмотрѣнною ст. 1644 улож. о наказ. и ст. 169 уст. о наказ.“.

4. Изъ текущей практики Гражданскаго Кассационнаго Департамента.

А. Можно ли дѣлать городской дворъ, и слѣдуетъ ли признавать его имуществомъ юридически дѣлимымъ или недѣлимымъ?

„Дворы причисляются къ нераздѣльнымъ имуществамъ; но обывателямъ городовъ дозволено раздѣлять обширныя мѣста и дворы на части для продажи порознь безъ всякаго стѣсненія ихъ въ томъ относительно мѣры сихъ частей, съ тою только на случай пожаровъ осторожностью, какую надлежитъ наблюдать, чтобы тѣсноты между строеніями не было“. Это явно противорѣчивое постановленіе примѣчанія къ 394 статьѣ 1 части X тома свод. зак. представилось необходимымъ гражданскому кассационному департаменту разъяснить въ одномъ изъ послѣднихъ весеннихъ засѣданій (3 апрѣля) по дѣлу Ананьиныхъ съ Соболевымъ.

Мѣщане Николай, Екатерина, Анисья и Александра Ананьины предъявили 8 января 1898 года къ мѣщанину Николаю Соболеву

искъ о выдѣлѣ имъ $\frac{3}{7}$ частей изъ двороваго мѣста въ 216 кв. саж., состоящаго въ г. Петербургѣ, Охтенскаго участка, по Грушечной улицѣ, подъ № 17, и принадлежащаго имъ совмѣстно съ отвѣтчикомъ на правѣ общей собственности.

Когда С.-Петербургскій окружный судъ, рѣшеніемъ отъ 12/23 марта 1898 г., въ искѣ Ананьинымъ отказалъ, послѣдніе апеллировали въ судебную палату, причемъ въ засѣданіи палаты повѣренный ихъ объяснилъ, что онъ проситъ выдѣлить его довѣрителямъ лишь $\frac{30}{196}$ частей спорнаго участка мѣрою всего 33 кв. сажени $\frac{3}{49}$ вершка.

Выслушавъ объясненіе повѣреннаго истцовъ, уменьшившаго искъ на часть, причитающуюся Николаю Ананьину, С.-Петербургская судебная палата признала настоящій искъ не подлежащимъ удовлетворенію, потому: 1) что соучастники общаго владѣнія только въ томъ случаѣ могутъ требовать выдѣла имъ изъ принадлежащаго имъ на правѣ общей собственности недвижимаго имущества соотвѣтствующихъ ихъ долямъ частей имѣнія въ натурѣ, если сіе послѣднее принадлежитъ къ числу подлежащихъ раздѣлу (550 ст. I ч. X т.), если же, какъ въ данномъ случаѣ, состоящее въ общемъ владѣніи истцовъ и отвѣтника дворовое мѣсто по примѣч. къ 394 ст. I ч. X т. причисляется къ нераздѣльнымъ имуществамъ, то ни о какомъ понудительномъ выдѣлѣ или раздѣлѣ этого двороваго мѣста не можетъ быть рѣчи (550 ст. и примѣч. къ 552 ст. X т. ч. I); 2) что дозволеніе обывателямъ городовъ раздѣлять обширныя мѣста и дворы на части (примѣч. къ 394 ст. I ч. X т.) вовсе не означаетъ, какъ то полагаетъ повѣренный истцовъ, чтобы дворовое мѣсто въ городѣ слѣдовало, вопреки точному смыслу закона (примѣч. къ 394 ст. I ч. X т.), причислять къ имуществамъ раздѣльнымъ, соучастники которыхъ вправѣ требовать раздѣла; постановленіе закона о дозволеніи раздѣлять дворовыя мѣста „съ тою только на случай пожаровъ осторожностью, чтобы тѣсноты между строеніями не было“ имѣетъ только то значеніе, что владѣльцы такихъ мѣстъ и совладѣльцы въ общемъ дворовомъ мѣстѣ могутъ добровольно, но съ разрѣшенія подлежащей административной власти, долженствующей имѣть надлежащее наблюденіе, чтобы отъ такого раздѣла не произошло опасной въ пожарномъ отношеніи тѣсноты между строеніями, раздѣлять мѣста и дворы, признаваемые тою же административною властью достаточно для сего обширными (рѣш. гражд. касс. деп. Прав. Сената 1869 № 1330).

По симъ соображеніямъ судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда.

Въ кассационной жалобѣ повѣренный Ананьиныхъ просилъ отмѣнить рѣшеніе палаты, по нарушенію примѣч. къ ст. 394 и ст. 550 т. X ч. I, 711 и 815 уст. гражд. суд., объясняя, что примѣч. къ 394 ст. I ч. X т. состоитъ изъ двухъ частей: въ первой установлена нераздѣльность дворовъ, во второй дѣленіе дворовъ дозволено безъ всякаго стѣсненія относительно мѣры частей, съ тою только на случай пожаровъ осторожностью, какую надлежитъ наблюдать, чтобы тѣсноты между строеніями не было. Въ виду столь рѣзкаго, на первый взглядъ, противорѣчія первой части одной и той же статьи закона со второю, возникаетъ вопросъ, въ какомъ смыслѣ законодателемъ установлено начало нераздѣльности дворовъ и какъ это начало примиряется съ постановленіемъ того же закона о дѣлимости дворовъ безъ всякаго стѣсненія. Если обратиться для разъясненія поставленнаго вопроса къ исторіи разбираемаго закона, то оказывается, что первымъ законоположеніемъ, изъ котораго впоследствии развилось примѣч. къ 394 ст., былъ сенатскій указъ отъ 20 апрѣля 1762 года, помѣщенный въ полномъ собраніи законовъ подъ № 11511. Озаглавленъ этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: „о призываніи дворовъ, заводовъ и фабрикъ со всякимъ строеніемъ, рудниковъ, соляныхъ росоловъ и трубъ за имѣніе недвижимое и о постановленіи, какъ дѣлить таковое имѣніе между наслѣдниками“. Цѣль этого закона направлена была „къ отвращенію послѣ умершихъ споровъ“. Начало недѣлимости законъ этотъ установилъ относительно однихъ только заводовъ: „только дабы въ заводахъ не могло быть раздробленія“, гласить это законоположеніе, „то поступать по нижеписанному: буде заводовъ много, то не запрещается отдѣлять цѣлые заводы, буде же заводъ одинъ, то старшій обязанъ прочимъ по справедливой оцѣнкѣ удовольствоваться деньгами“. О нераздѣльности дворовъ въ этомъ законѣ ничего не говорится.

Слѣдующимъ законоположеніемъ былъ „Именный, данный С.-Петербургскому военному губернатору“ указъ 1808 г. августа 11-го, значащійся въ полномъ собраніи законовъ подъ № 23214, „о дозволеніи въ С.-Петербургѣ раздѣлять оныя порознь“. Указомъ этимъ повелѣно было „дворы, домами застроенные, по желанію владѣльцевъ раздѣлять на части и продавать порознь дозволять“, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы отдѣляемыя части дворовъ имѣли пространство по улицѣ не менѣе 11, а дворъ 14 сажень. Такимъ образомъ этимъ закономъ установлено было начало раздѣльности дво-

ровъ, съ ограниченіемъ размѣровъ частей, на которыя допускается дѣлить дворы. Но и это ограниченіе просуществовало недолго. Измѣненное въ Именномъ указѣ того же 1808 года декабря 23 (23418) на 15 сажень поперечника и 30 сажень длины, ограниченіе это уже въ слѣдующемъ указѣ 1809 года сентября 9 (23831) было совсѣмъ отмѣнено вмѣстѣ съ указами 11 августа и 23 декабря 1808 года, отмѣна коихъ прямо постановлена въ законѣ 9-го сентября 1809 г. Этотъ послѣдній указъ, 9-го сентября 1809 года, озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: „о дозволеніи С.-Петербургскимъ обывателямъ раздѣлять обширныя мѣста и дворы ихъ на части, для продажи порознь безъ всякаго стѣсненія ихъ въ томъ мѣроу сихъ частей“, и гласить слѣдующее: „въ разрѣшеніе представленныхъ затрудненій, происшедшихъ съ состоянія указовъ 11 августа и 23 декабря 1808 года о раздѣленіи дворовъ,.... застроенныхъ домами и пустыхъ мѣстъ, принадлежащихъ здѣшнимъ обывателямъ, отмѣняя сіи указы, повелѣно дать полную свободу здѣшнимъ обывателямъ раздѣлять обширныя мѣста и дворы ихъ на части для продажи порознь безъ всякаго стѣсненія ихъ въ томъ мѣроу сихъ частей, съ тою только на случай пожаровъ осторожностью, какую полиція наблюдать обязана, чтобы тѣсноты между строениями не было“. Установленное этимъ закономъ начало полной свободы въ раздѣленіи дворовъ было затѣмъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 11 юля 1827 года (№ 1235) распространено на всѣ прочіе города, и такимъ образомъ полная свобода въ раздѣленіи дворовъ сдѣлалась общимъ для всѣхъ городовъ Имперіи правиломъ. Изъ приведеннаго обзора развитія законоположеній о дворахъ явствуетъ, что начало нераздѣльности, установленное впервые въ указѣ 20 апрѣля 1762 г. относительно заводовъ, по отношенію къ дворамъ было измѣнено въ слѣдующемъ же указѣ о дворахъ, и что всѣ ограниченія, касавшіяся размѣровъ частей, были затѣмъ совершенно отмѣнены въ законоположеніи 1809 года 9-го сентября и замѣнены началомъ полной свободы въ раздѣленіи дворовъ безъ всякаго стѣсненія мѣроу частей. Изъ сопоставленія нынѣ дѣйствующаго примѣчанія къ 394 ст. I ч. X т. съ позднѣйшимъ узаконеніемъ по сему вопросу—указомъ 9-го сентября 1809 г. явствуетъ, что вторая часть примѣчанія къ 394 ст. представляетъ собою дословное повтореніе указа 9-го сентября 1809 года, установившаго полную свободу въ раздѣленіи дворовъ. Вслѣдствіе сего, точный смыслъ примѣчанія къ 394 ст. надлежитъ изяснить согласно содержанію названнаго указа.

Но если таковъ точный смыслъ закона, то чѣмъ, съ другой стороны, объясняется помѣщеніе въ томъ же законѣ правила о нераздѣльности дворовъ, прямо противорѣчащаго буквальному смыслу и общему духу закона? Если обратиться къ сопоставленію первой части примѣчанія къ 394 ст. съ указомъ 20 апрѣля 1762 года, то оказывается, что начало нераздѣльности дворовъ, установленное первой частью примѣчанія, взято изъ постановленія названнаго указа о заводахъ. Хотя послѣдующими законоположеніями относительно дворовъ были установлены начала, прямо противоположныя началамъ указа 20 апрѣля 1762 года, но объ отмѣнѣ сего закона нигдѣ прямо постановлено не было. Въ указѣ 9 сентября 1809 года говорится объ отмѣнѣ лишь указовъ 11 августа и 23 декабря 1808 г., объ указѣ же 20 апрѣля 1762 года совсѣмъ упомянуто не было и онъ продолжалъ сохранять свою силу. Такимъ образомъ предъ составителемъ свода, наряду съ указомъ 9-го сентября 1809 г., былъ неотмѣненный указъ 20 апрѣля 1762 года, каковой законъ, какъ не отмѣненный, долженъ былъ быть помѣщенъ въ сводѣ. Этимъ единственно и можно объяснить включеніе въ одну и ту же статью закона двухъ, взаимно исключających другъ друга, постановленій.

Въ виду такого противорѣчія буквальнаго смысла приведенныхъ узаконеній, надлежитъ, согласно 65 ст. I ч. I т. основн. зак., держаться смысла того изъ нихъ, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ общему духу законодательства. Такъ какъ развитіе нашего законодательства по разбираемому вопросу шло въ направленіи уничтоженія нераздѣльности дворовъ и постепеннаго установленія полной свободы въ раздѣленіи ихъ безъ всякаго стѣсненія относительно мѣры частей, то наиболѣе соотвѣтствующимъ общему духу законодательства является изясненіе истиннаго смысла примѣчанія къ 394 ст. согласно послѣднимъ по времени указамъ 9-го сентября 1809 года и 11 іюля 1827 года, установившимъ полную, неограниченную раздѣльность дворовъ. Такимъ образомъ заключеніе судебной палаты о нераздѣльности дворовъ прямо противорѣчитъ истинному смыслу примѣчанія къ 394 и 550 ст. I ч. X т. свод. зак.

Ссылка судебной палаты на кассаціонное рѣшеніе 1869 года № 1330 нисколько не подтверждаетъ правильности вывода палаты о нераздѣльности дворовъ. Въ рѣшеніи этомъ Правительствующій Сенатъ преподаль, что „раздѣлъ двора зависитъ отъ воли владѣльцевъ не безусловно, а лишь съ разрѣшенія полиціи и тѣхъ мѣстъ, которымъ поручено наблюденіе за исполненіемъ правилъ, изложен-

ныхъ въ строительномъ уставѣ“. Изъ приведенной части рѣшенія явствуетъ, что начало дѣлимости дворовъ отнюдь не отвергалось Правительствующимъ Сенатомъ въ названномъ рѣшеніи, напротивъ того, оно признано Правительствующимъ Сенатомъ, ибо по буквальному смыслу рѣшенія раздѣлъ дворовъ предоставленъ свободной волѣ владѣльцевъ, правда, не безусловно, а въ зависимости отъ разрѣшенія подлежащихъ властей, и такое ограниченіе, прямо вытекающее изъ признанія начала свободы раздѣленія дворовъ, лишь подтверждаетъ принципъ полной ихъ раздѣльности, но отнюдь не устанавливаетъ противоположнаго начала ихъ недѣлимости, какъ то заключила судебная палата. Такимъ образомъ палата въ своемъ заключеніи допустила нарушеніе 815 ст. уст. гражд. суд., а также 711 ст. уст. гражд. суд., тѣмъ, что основала рѣшеніе на несогласныхъ съ закономъ и притомъ недостаточныхъ соображеніяхъ.

Такимъ образомъ кассационная жалоба возбудила слѣдующій вопросъ: подлежатъ ли раздробленію, напримѣръ, при выдѣлѣ одного изъ соучастниковъ общаго имѣнія, городскіе участки земли или дворы?

Вопросъ этотъ въ практикѣ гражданского кассационнаго департамента не является новымъ. Такъ, въ рѣшеніи 1869 года № 1330 Сенатомъ былъ разрѣшенъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать дворъ въ городѣ съ построеннымъ на немъ домомъ и отдѣльными строеніями нераздѣльнымъ имуществомъ. Сообразивъ этотъ вопросъ съ постановленіями, изложенными въ 1 ч. X т. св. зак., Сенатъ въ томъ рѣшеніи нашелъ, что въ законѣ нашемъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ не содержится: хотя въ примѣчаніи къ 394 ст. сказано, что дворы причисляются къ нераздѣльнымъ имѣніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же примѣчаніи прибавлено, что обывателямъ городовъ разрѣшается дѣлить дворы на участки, но съ соблюденіемъ мѣръ предосторожности противъ пожаровъ и правилъ относительно брантмауеровъ; руководствуясь этимъ примѣчаніемъ, а также положеніемъ о С.-Петербургскомъ городскомъ общественномъ управленіи 6 марта 1864 г., въ которомъ сказано, что подъ дворомъ разумѣется мѣсто, застроенное даже такими строеніями, которыя могутъ быть раздѣлены на отдѣльные участки или состоятъ подъ отдѣльными нумерами и записаны въ думѣ подъ отдѣльными участками,—Сенатъ пришелъ къ тому заключенію, что дворъ, пока онъ не раздѣленъ, долженъ быть признанъ имуществомъ юридически недѣлимымъ, такъ какъ самый раздѣлъ двора зависитъ

отъ воли владѣльцевъ не безусловно, а лишь съ разрѣшенія полиціи и тѣхъ мѣстъ, которымъ поручено наблюденіе за исполненіемъ правилъ, изложенныхъ въ строительномъ уставѣ, поэтому Московская палата, по мнѣнію Сената, совершенно правильно признала принадлежавшій Чернышевымъ въ Москвѣ дворъ имуществомъ *нераздѣльнымъ*. Если затѣмъ къ этому прибавить, что приведенное заключеніе палаты и Сената обосновывало право одного изъ совладѣльцевъ общаго *нераздѣльнаго* имущества, оставить его за собою до публичной продажи вносомъ суммы, причитающейся на половину того имущества по надлежащей оцѣнкѣ,—именно въ виду невозможности отдѣлить и продать на удовлетвореніе долговъ другого совладѣльца половинную часть двора,—то станетъ вполне очевиднымъ и совершенно произвольнымъ, неосновательнымъ и исключительно тенденціознымъ извращеніемъ смысла приведеннаго рѣшенія Сената то толкованіе его повѣреннымъ Ананьиныхъ въ кассационной жалобѣ, согласно которому будто „начало дѣлимости дворовъ отнюдь не отвергалось Правительствующимъ Сенатомъ въ названномъ рѣшеніи, напротивъ того, оно признано Правительствующимъ Сенатомъ“: „ограниченіе свободной воли владѣльцевъ раздѣлять дворы ... лишь подтверждаетъ принципъ полной ихъ раздѣльности“ и т. д.

Обращаясь затѣмъ къ оцѣнкѣ изложеннаго въ рѣшеніи Сената толкованія примѣчанія къ 394 статьѣ, нельзя не признать его, по меньшей мѣрѣ, неточнымъ, чѣмъ, конечно, и надо объяснить, почему данное имъ разъясненіе не устранило споровъ и разнорѣчія по сему вопросу. Сенатъ призналъ, что „дворъ, пока онъ не раздѣленъ, долженъ быть признанъ имуществомъ юридически недѣлимымъ“. Этотъ тезисъ, самъ по себѣ, представляется, однако, *юридически невозможнымъ*. По юридической теоріи недѣлимыми, *res indivisae*, признаются вещи, дѣленіе коихъ недопустимо; совершенно согласно этой теоріи и 393 статья 1 ч. X тома называетъ „нераздѣльными“ недвижимыя имущества, которыя „не могутъ подлежать раздробленію“, то есть „быть раздѣлены на особыя части такимъ образомъ, что каждая можетъ составлять отдѣльное владѣніе“. Разъ, однако, подъ терминомъ недѣлимости или нераздѣльности въ правѣ понимается то свойство имущества, по которому оно *никоимъ образомъ не можетъ быть* дѣлимо, какимъ образомъ дворъ признается имуществомъ „недѣлимымъ, пока онъ не раздѣленъ“? Если дворъ можно дѣлить, то какое же это „недѣлимое“ имущество? При такомъ пониманіи недѣлимости всякое имущество можно объявить недѣлимымъ, пока, впрочемъ, оно не раздѣлено.

Цитированный тезисъ сенатскаго рѣшенія, правда, нѣсколько поясняется слѣдующимъ соображеніемъ, приведеннымъ въ томъ же рѣшеніи: „самый раздѣлъ двора зависитъ отъ воли владѣльцевъ не безусловно, а лишь съ разрѣшенія полиціи и другихъ властей“. Если, однако, даже включить этотъ мотивъ въ установленный Сенатомъ тезисъ, то придется сказать, что, по мнѣнію Сената, дворъ долженъ быть признанъ имуществомъ недѣлимымъ, пока онъ не раздѣленъ съ разрѣшенія подлежащей власти. Этотъ тезисъ представляется болѣе, но все же не вполне понятнымъ, съ точки же зрѣнія юридической теоріи или закона все-таки неудовлетворительнымъ: имущество нельзя признать недѣлимымъ, если оно такъ или иначе, по закону же, можетъ быть дѣлимо.

Какъ же, однако, въ самомъ дѣлѣ отвѣтить на поставленный по вышеизложенному дѣлу вопросъ? Отвѣтъ упростится, если мы замѣтимъ корень ошибки, сдѣланной при разрѣшеніи того же вопроса въ цитированномъ выше рѣшеніи Сената. Ошибка заключалась въ томъ, что смѣшано было понятіе фактической дѣлимости съ понятіемъ дѣлимости юридической, или дѣлимости законной, какъ юридическаго или законнаго термина: имущество, которое *фактически*, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, можетъ или не можетъ быть дѣлимо, нельзя только по этому самому признать дѣлимымъ или недѣлимымъ *юридически*, ибо послѣднему термину присвоено особое, совершенно опредѣленное значеніе. Эта именно ошибка и сдѣлана при установленіи тезиса, по которому дворъ, пока онъ—*фактически* не раздѣленъ, признанъ юридически недѣлимымъ.

Итакъ, какъ же разъяснить приведенное въ самомъ началѣ этой статьи примѣчаніе?

Историческое толкованіе не выясняетъ достаточно его смысла. Справка съ полнымъ собраніемъ законовъ показываетъ, что установленныя указами 11 августа и 23 декабря 1808 года (№№ 23214 и 23418) ограниченія для раздробленія дворовъ были отмѣнены указами 9 сентября 1809 года (№ 23831) и 11 іюля 1827 года (№ 1235). Что же касается до указа 20 апрѣля 1762 года (П. С. З. № 11511), то хотя онъ и упоминаетъ о дворахъ, но никакого спеціальнаго о нихъ постановленія въ этомъ указѣ не имѣется. Представляется маловѣроятнымъ объясненіе кассационной жалобы о томъ, что причисленіе дворовъ въ первой части примѣчанія къ имуществамъ нераздѣльнымъ взято изъ постановленія 20 апрѣля 1762 года о заводахъ; ссылка на этотъ указъ могла быть

сдѣлана просто потому, что онъ упоминаетъ о дворахъ. Самое примѣчаніе могло быть развито изъ постановленія указа 9 сентября 1809 года, не совсѣмъ тождественнаго, вопреки утверженія кассационной жалобы, даже и со второю частью примѣчанія. Указъ этотъ гласитъ: „.....отмѣняя сіи указы, повѣлваю *дать полную свободу* здѣшнимъ обывателямъ раздѣлять обширныя мѣста и дворы ихъ на части для продажи порознь безъ всякаго стѣсненія ихъ въ томъ мѣроу сихъ частей, съ тою только на случай пожаровъ осторожностью, какую полиція наблюдать обязана, чтобы тѣсноты между строеніями не было“. Изъ установленнаго этимъ указомъ ограниченія свободы раздробленія дворовъ кодификаторъ могъ заключить объ отсутствіи „полной на то свободы“, почему вмѣсто того, чтобы сказать, что обывателямъ городовъ „дана полная свобода“, сказалъ лишь „*дозволено*“. Отсюда же, далѣе, именно въ виду ограниченной свободы раздроблять дворы, кодификаторъ могъ признать невозможнымъ причислить дворы къ имуществамъ раздѣльнымъ, т. е. *свободно дѣлимымъ*: не найдя же возможнымъ отнести дворы къ раздѣльнымъ имуществамъ, кодификаторъ отнесъ ихъ ко второму разряду, именно нераздѣльнымъ, не замѣчая, что они не подходятъ вполне и подъ эту категорію безусловно недѣлимыхъ, являясь на самомъ дѣлѣ и ограниченно дѣлимыми, и условно недѣлимыми. Здѣсь, однако, имѣется та же ошибка, которая замѣчена и въ толкованіи этого примѣчанія въ рѣшеніи Сената 1869 года, почему она и представляется вѣроятною. Отчасти то же смѣшеніе замѣчается и у Побѣдоносцева (т. I, стр. 50), оправдывающаго рѣшеніе Сената („ибо фактически въ ту пору домъ былъ нераздѣльнымъ имуществомъ“) но, впрочемъ, не считающаго возможнымъ признать дворъ юридически недѣлимымъ. Итакъ, перейдемъ здѣсь одновременно къ логическому толкованію дѣйствующаго примѣчанія.

Оставимъ на время юридическое различеніе имуществъ по свойству дѣлимости и, безъ этой мысли, прочтемъ просто примѣчаніе къ 394 статьѣ и первоисточникъ его въ указѣ 9 сентября 1808 года. Что, помимо причисленія дворовъ къ юридическимъ категоріямъ имуществъ, вообще постановлено въ этомъ примѣчаніи, въ этомъ указѣ? Въ нихъ сказано, что *дворы можно раздѣлять, но для этого необходимо „наблюденіе“, т. е. разрѣшеніе подлежащей власти*. Это послѣднее правило вполне ясно можно вычитать изъ указанныхъ двухъ его редакцій, а потому его можно признать несомнѣннымъ и, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду при примѣненіи спорнаго примѣчанія.

Теперь спрашивается: если дворъ можно раздѣлять только при наличности особаго на каждый случай разрѣшенія подлежащей власти, какимъ, по смыслу 393 статьи, слѣдуетъ признать его имуществомъ раздѣльнымъ или нераздѣльнымъ? До тѣхъ поръ, пока полиція или другая подлежащая власть не разрѣшила вопроса, произойдетъ ли отъ раздробленія данного двора опасная въ пожарномъ отношеніи тѣснота, нельзя сказать, *можетъ ли быть раздѣленъ* данный дворъ; до тѣхъ же поръ, пока неизвѣстно, можно или нельзя дѣлить дворъ, нельзя признать его ни юридически дѣлимымъ, ни юридически недѣлимымъ. Только съ момента разрѣшенія этого вопроса полиціею можно сказать, что дворъ, на раздѣлъ котораго дано надлежащее разрѣшеніе, является имуществомъ, согласно 393 и примѣч. къ 394 ст., *раздѣльнымъ или юридически дѣлимымъ*, а дворъ, дѣлить коего не разрѣшено, *оказывается имуществомъ юридически недѣлимымъ*. Однако, разрѣшеніе полиціи можетъ, пожалуй, мѣняться, смотря по различнымъ фактическимъ обстоятельствамъ: то, что вчера было объявлено дѣлимымъ, завтра окажется недѣлимымъ; поэтому причисленіе дворовъ къ дѣлимымъ и недѣлимымъ имѣетъ скорѣе лишь фактическое, но не юридическое значеніе: дворъ не по закону является тѣмъ или другимъ, а въ зависимости отъ фактическихъ обстоятельствъ *можетъ оказаться* дѣлимымъ или недѣлимымъ. Вотъ въ этой случайности или *неопредѣленности* и лежитъ причина невозможности точно *опредѣлить* разрядъ, къ которому дворъ относится. Съ равнымъ успѣхомъ можно было бы начать примѣчаніе къ 394 статьѣ и такъ: „дворы причисляются къ раздѣльнымъ имуществамъ; но обывателямъ городовъ дозволено раздѣлять, съ тою *только* на случай пожаровъ осторожностью“. Полицейскій характеръ этого правила, однако, побудилъ кодификатора причислить дворы къ *нераздѣльнымъ* имуществамъ: раньше, дескать, спроси у кого слѣдуетъ разрѣшеніе. Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія юридической теоріи, принятой въ 393 статьѣ X тома, было бы правильнѣе вовсе не причислять дворы ни къ какому разряду, а оставить правило указа 1809 года въ его простомъ видѣ; тогда не было бы кажущагося противорѣчія и не было въ судебной практикѣ путаницы. Итакъ, желательно было бы видѣть въ новомъ кодексѣ первую часть примѣчанія опущенною: если распредѣлять дворы по свойству юридической дѣлимости, то пришлось бы сказать такъ, какъ выше было подчеркнуто, т. е. говорить не просто о дворѣ, котораго нельзя причислить ни къ какой категоріи, а о дворѣ, снабженномъ разрѣшеніемъ или запретомъ подлежащей власти.

Если теперь, по надлежащемъ выясненіи примѣчанія къ 394 статьѣ, вернемся къ обстоятельствамъ вышеизложеннаго дѣла, то замѣтимъ, что все дѣло имѣло совершенно неправильную постановку, и что какъ стороны, такъ и судебныя мѣста совершенно запутались отъ неудачнаго примѣненія въ законѣ юридическаго термина, значеніе коего не было достаточно ясно признано. Вѣдь все дѣло заключалось, конечно, въ томъ, *можно ли дѣлить дворъ, находящійся по Грушечной улицѣ въ Петербургѣ подѣ № 17, или раздѣлять его нельзя*. Для разрѣшенія этого вопроса все вниманіе по дѣлу было сосредоточено на томъ, *къ раздѣльнымъ или нераздѣльнымъ имуществамъ относится дворъ*. Вся кассационная жалоба исключительно на этомъ вопросѣ сосредоточиваетъ свое повѣтствованіе. Между тѣмъ ларчикъ открывался довольно просто. Чтобы разрѣшить вопросъ, можно ли дѣлить дворъ по Грушечной улицѣ № 17, надо бы только запросить отвѣта у полиціи: она, по закону, должна это знать, провѣрила бы на мѣстѣ и отвѣтила. Въ самомъ дѣлѣ: выше было разъяснено, что простой и ясный смыслъ примѣчанія къ 394 статьѣ заключается въ томъ, что *дворы можно раздѣлять, но для этого необходимо наблюденіе или разрѣшеніе полиціи*; вопросъ же о томъ, *къ раздѣльнымъ или нераздѣльнымъ имуществамъ слѣдуетъ отнести дворъ*, при совершенно ясномъ смыслѣ самого постановленія закона по существу, не имѣлъ никакого практическаго значенія, а теоретически представлялся или невозможнымъ или безсодержательнымъ, оказавшись у неопытныхъ теоретиковъ вопросомъ о томъ, — „веревка вещь какая?“.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы воевать съ вѣтряной мельницей, повѣренному Ананьиныхъ слѣдовало только въ свое время представить удостовѣреніе полиціи; съ этимъ разрѣшеніемъ дворъ и оказался бы юридически дѣлимымъ. Судебныя же мѣста, согласно точному смыслу примѣчанія къ 394 статьѣ, не могли признать дворъ Ананьиныхъ и Соболева дѣлимымъ, не имѣя передъ собою упомянутаго удостовѣренія. Такъ какъ, однако, по дѣлу не видно, чтобы такое удостовѣреніе было представлено и чтобы вообще о немъ говорилось, то намъ представляется едва ли вполнѣ обоснованною резолюція Правительствующаго Сената, отмѣнившая рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты по нарушенію примѣчанія къ статьѣ 394 ч. 1 т. X св. зак.

Б. *Отвѣчаетъ ли собственникъ лѣса за убытки, причиненные фактическими его сплавщиками (случай отвѣтственности за чужую вину)?*

Немаловажный вопросъ изъ сферы общей части обязательственнаго права, именно объ отвѣтственности за чужую вину, возбудило подлежащее разрѣшенію послѣдняго засѣданія гражданскаго кассационнаго департамента (8 мая) дѣло Турка. Хотя вопросъ этотъ должно было разрѣшить на основаніи свода гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, однако же въ виду согласія общихъ принциповъ названной отвѣтственности въ правѣ Остзейскомъ и Русскомъ, разрѣшеніе, данное дѣлу Турка, можетъ имѣть общее для русской судебной практики значеніе.

Жанно Туркъ просилъ присудить ему съ Зальмана Мейерсона, фирмы „Хонне Михельсонъ“, въ лицѣ Райне и Морица Михельсонъ, Ицика Лобковскаго и Давида Розенфельдта 60 руб. съ процентами, объяснивъ при этомъ, что въ размѣрѣ этой суммы отвѣтчики причинили ему убытокъ порчею угодій его усадьбы при сплавѣ лѣса, принадлежащаго отвѣтчикамъ лѣсопромышленникамъ—названной фирмѣ, Лобковскому и Розенфельдту.

Утверждая въ обжалованной части рѣшеніе мирового судьи, которою въ большей части иска и въ требованіяхъ, предъявленныхъ къ отвѣтчикамъ Михельсону, Лобковскому и Розенфельдту, отказано, мировой съѣздъ нашель, что обсужденію его подлежитъ прежде всего общій, спорный между сторонами вопросъ, кого именно разумѣетъ положенная въ основу иска 1016 ст. III ч. св. мѣст. узак. подъ именемъ „сплавщика“—только ли лицъ, производящихъ сплавъ фактически, своими непосредственными фактическими дѣйствіями, какъ думаетъ отвѣтная сторона, или же, кромѣ того, хозяевъ лѣса и ихъ подрядчиковъ, при самомъ сплавѣ не присутствующихъ, поручившихъ таковой другимъ лицамъ, какъ утверждаетъ повѣренный истца. Первое мнѣніе представляется съѣзду болѣе правильнымъ, какъ отвѣтствующее буквальному смыслу 1016 ст. и находящее себѣ подтвержденіе въ общихъ правилахъ объ отвѣтственности за убытки, возлагаемой на лицъ, причинившихъ таковое „своими дѣйствіями“ (ст. 3444 III ч. св. мѣстн. узак.), за изытіями, въ самомъ законѣ указанными. Принимая во вниманіе, что непосредственное участіе въ сплавѣ лѣса отвѣтчиковъ Михельсона, Лобковскаго и Розенфельдта ничѣмъ по дѣлу не доказано, что таковое участіе со стороны отвѣтника Мейерсона установлено лишь

въ отношеніи второго участка земли Жанно Турка, приче́мъ убытки, причиненные истцу порчею этого участка, оцѣнены экспертами въ 7 рублей 60 коп. и присуждены съ Мейерсона, въ каковой части рѣшеніе мирового судьи, за необжалованіемъ, вступило въ законную силу, что по заявленію отвѣтчиковъ (л. д. 11) сплавомъ завѣдывали не они, а нанятый ими Мартынъ Званитайсъ, должно, по мнѣнію съѣзда, признать, что дальнѣйшая ихъ отвѣтственность за причиненные сплавомъ убытки можетъ быть опредѣлена лишь въ порядкѣ указанныхъ выше изъятій, ограничивающихся причиненіемъ вреда: 1, недозволенными дѣйствіями (3288, 3446 ст. III ч. св. мѣстн. узак.), и 2, путемъ неосмотрительности при выборѣ слугъ и другихъ наемныхъ людей. По мнѣнію апеллятора, ссылающагося на 1017 ст. III ч. св. мѣстн. узак., отвѣтчики совершили недозволенное дѣйствіе уже тѣмъ, что поручили сплавъ своего лѣса лицамъ, не состоящимъ курляндскими прибрежными собственниками, однако неправильность этого мнѣнія вытекаетъ изъ тѣхъ крайнихъ затрудненій, граничащихъ съ полною невозможностью, которыя возникнуть при такомъ толкованіи 1017 ст. III ч. св. мѣстн. узак. для всѣхъ сплавныхъ операцій по судоходнымъ рѣкамъ Курляндской губерніи. Статья 1017 должна быть понимаема лишь въ томъ смыслѣ, что собственникъ имѣнія, не прилегающаго къ рѣкѣ, не вправе требовать отъ лица, во владѣніяхъ коего течетъ рѣка, пропуска по ней срубленнаго въ такомъ имѣніи лѣса, и, наоборотъ, собственникъ прибрежнаго имѣнія обладаетъ означеннымъ правомъ. Исходя изъ такого пониманія 1017 статьи, съѣздъ не усматриваетъ въ дѣйствіяхъ отвѣтчиковъ, поручившихъ непосредственно завѣдываніе сплавомъ другому лицу, Званитайсу, ничего недозволеннаго; равнымъ образомъ представляется недоказанною неосмотрительность въ выборѣ рабочихъ и вообще наемныхъ по сплаву лицъ.

Въ кассационной на это рѣшеніе жалобѣ истецъ Туркъ, между прочимъ, изложилъ:

I. По XVI ст. введенія III ч. свода м. уз., при истолкованіи каждаго постановленія свода должно прежде всего обращать вниманіе на значеніе употребленныхъ словъ, приче́мъ, если эти слова имѣютъ нѣсколько значеній, то слѣдуетъ давать предпочтеніе значенію общему передъ особеннымъ и обыкновенному передъ переноснымъ, кромѣ лишь того случая, когда значеніе общее или обыкновенное не можетъ быть согласено съ высказаннымъ или несомнѣнно предполагаемымъ основаніемъ закона или съ его цѣлью.

Послѣдній случай какъ-разъ имѣеть мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ. Цѣлью закона (1016 ст.) можетъ быть только вознагражденіе прибрежнаго собственника за причиненные сплавомъ лѣса убытки. Достиженіе же этой цѣли возможно только въ такомъ случаѣ, если, вопреки мнѣнію съѣзда, подѣ „сплавщиками“ разумѣть хозяевъ лѣса, а не тѣ сотни чернорабочихъ, которые за поденную плату фактически сплавливаютъ лѣсъ, такъ какъ только съ первыхъ, какъ людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, прибрежные владѣльцы имѣютъ фактическую возможность взыскать присужденное за причиненные убытки вознагражденіе; съ послѣднихъ же взысканіе присужденныхъ убытковъ невозможно, почему и указанная 1016 ст., что сплавщики обязаны вознаградить прибрежныхъ владѣльцевъ, потеряла бы всякое дѣйствительное значеніе. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что основаніемъ гражданской отвѣтственности служить солидарность предпринимателей съ предпріятіемъ и приставленными къ нему лицами и то начало справедливости, что убытки должны падать на того, кто получаетъ барыши. Въ данномъ случаѣ всю выгоду получаютъ хозяева лѣса, такъ какъ даже непосредственный надсмотрщикъ надъ сплавомъ лѣса—Званитайскъ не былъ самостоятельнымъ подрядчикомъ, а только служащимъ отвѣтчиковъ (показаніе свидѣтеля Званитайса), почему и подѣ указанными въ 1016 ст. сплавщиками, обязанными къ вознагражденію, слѣдуетъ разумѣть именно *собственниковъ лѣса*. Приходя къ другому выводу, съѣздъ мировыхъ судей нарушилъ XVI ст. введенія и 1016 ст. III ч. св. м. уз. II. Къ тому же заключенію приводитъ сопоставленіе съ указанною 1016 ст. узаконеній, трактующихъ о задержаніи въ закладъ (3387—3404 ст. III ч. св. м. уз.). Согласно послѣднимъ, хозяинъ, отобравшій у людей, портившихъ его недвижимость, вещь, въ данномъ случаѣ лѣсъ, не обязанъ выдать этой вещи, пока не будетъ вполне вознагражденъ собственникомъ послѣдней. При этомъ вполне безразлично, была ли отобрана вещь у самого хозяина ея или у его временныхъ распорядителей. Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ вещи долженъ быть только извѣщенъ о задержаніи. Примѣняя эти положенія къ настоящему случаю, слѣдуетъ, что подѣ сплавщикомъ лѣса, обязаннымъ къ вознагражденію прибрежныхъ владѣльцевъ, непременно должно разумѣть самого хозяина лѣса. Дѣлая другой выводъ, съѣздъ нарушилъ 3387—3404 ст. III ч. св. м. уз. III. Но если бы даже, вопреки всему вышеизложенному, согласиться, что подѣ указаннымъ въ 1016 ст. словомъ „сплавщика“ слѣдуетъ понимать не хозяина лѣса

и не главнаго подрядчика, а его временнаго распорядителя, въ данномъ случаѣ Званитайса, то и въ такомъ случаѣ съѣздъ неправильно освободилъ хозяевъ лѣса отъ отвѣтственности за убытки, причиненные сплавомъ лѣса. Согласно 2 ч. 3446 ст. III ч. св. м. уз., лицо, давшее другому поводъ къ дѣйствию, отъ котораго произошелъ вредъ для третьяго лица, должно отвѣчать за дѣйствія этого другаго лица по отношенію къ третьему, которому причинены этими дѣйствіями убытки. Примѣняя это къ данному случаю, выходитъ, что фирма „Хенне Михельсонъ“, Розенфельдтъ и Лобковский, поручившіе сплавъ своего лѣса Званитайсу и давшіе ему этимъ порученіемъ поводъ къ причиненію сплавомъ лѣса убытковъ, должны сами отвѣчать за эти убытки, причемъ не на истцѣ лежитъ обязанность доказать, что причинившія убытки дѣйствія Званитайса и его рабочихъ совершены согласно порученію отвѣтчиковъ; напротивъ, отвѣтчики должны доказать, что они не поручали и не могли предотвратить эти дѣйствія (р. ^{79/66}). Освобождая отвѣтчиковъ, вопреки ясному смыслу 2 ч. 3446 III ч. св. м. уз., отъ отвѣтственности за убытки, причиненные при сплавѣ лѣса по ихъ порученію Званитайсомъ, съѣздъ мировыхъ судей нарушилъ указанную статью III ч. св. м. уз.

Такимъ образомъ, кассационная жалоба возбудила вопросъ: лежитъ-ли обязанность вознагражденія за убытокъ, причиненный прибрежному владѣльцу судоходной рѣки сплавомъ по ней лѣса, на собственникѣ этого лѣса, или только на лицахъ, непосредственно участвовавшихъ, по порученію собственника, въ его сплавѣ?

Обращаясь къ разрѣшенію этого вопроса, нельзя не пожалѣть, что кассационная жалоба, выдвигая три основанія отвѣтственности собственниковъ лѣса, все-таки не сумѣла договориться до главнаго, попасть въ самый центръ юридическаго вопроса и сослаться на надлежащую статью прибалтійскаго кодекса; мало того, даже и простая 1016 статья, на которую жалоба и опирается преимущественно, осталась не достаточно въ интересахъ истца использованною, невыясненною.

Въ самомъ дѣлѣ, 1016 статья говоритъ слѣдующее: „судоходными рѣками *каждый* воленъ невозбранно пользоваться для плаванія по нимъ на всякаго рода судахъ, равно какъ и для сплава лѣса; но ущербъ, могущій произойти отъ сплава для прибрежныхъ собственниковъ, долженъ быть вознагражденъ *сплавщиками*“. Спрашивается,—кого по этой статьѣ слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „сплавщиковъ“?—статья отвѣчаетъ: *каждою*, пользующагося

рѣкою для сплава лѣса. Пользуется ли въ этомъ смыслѣ рѣкою собственникъ лѣса, нанявшій людей для сплава, или даже подрядчика съ его людьми? Конечно, пользуется онъ именно, а не подрядчикъ и его люди, которыхъ польза и интересъ вовсе не въ рѣкѣ и не въ сплавѣ, а въ полученіи условленнаго вознагражденія отъ собственника лѣса. Значить, этого послѣдняго и разумѣетъ 1016 статья: онъ какъ разъ отзывается на вопросъ *qui prodest*, ему выгодно сплавлять лѣсъ, его интересъ составляетъ этотъ сплавъ, онъ именно не можетъ обойтись безъ рѣки, чтобы сплавить, сбить свой лѣсъ, а всѣ остальные являются лишь его орудіями, его наемными людьми. Конечно, собственникъ лѣса и является лицомъ, „пользующимся рѣкою для сплава лѣса“, т. е. сплавщикомъ, а остальные являются лицами, которыми собственникъ лѣса также пользуется въ своихъ интересахъ, какъ и рѣкою: это его рабочіе, плотогоны, а не сплавщики, или же это подрядчики этихъ плотогоновъ, нанимающіеся у сплавщика сплавить для него лѣсъ. Эти плотогоны, или подрядчики въ томъ лишь случаѣ оказались бы въ положеніи лицъ, пользующихся рѣкою въ своихъ интересахъ и ради своихъ интересовъ причиняющихъ вредъ прибрежнымъ собственникамъ, если бы они купили ранѣе этотъ лѣсъ, то есть, опять же, превратились въ собственниковъ.

Однако же этого мало. Слѣдующая 1017 статья того же кодекса,—на которую заинтересованная сторона также ссылалась, какъ видно изъ обжалованнаго рѣшенія мирового съѣзда, довольно платонически и забавно,—окончательно подтверждаетъ данное только что толкованіе, спеціально для сплавщиковъ Курляндской губерніи. „Въ Курляндіи“,—говоритъ статья,—„сплавъ лѣса не только по малымъ, но и по большимъ рѣкамъ, дозволяется единственно прибрежнымъ собственникамъ“. Неужели же эту статью надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ Курляндіи только прибрежные собственники могутъ быть плотогонами, то есть фактическими непосредственными исполнителями сплавныхъ работъ? Конечно нѣтъ: прибрежнымъ собственникамъ Курляндіи предоставляется „сплавъ лѣса“ не въ томъ смыслѣ, что они будутъ сплавлять его своими личными усиліями, а хотя бы и при помощи плотогоновъ; имъ предоставляется быть „сплавщиками“ лѣса, но это еще не значить, что они не могутъ нанять для этой своей цѣли подрядчика.

Что же, однако, видимъ мы въ настоящемъ дѣлѣ? Истцовая сторона какъ разъ—съ здоровой головы на больную—старалась

доказать, что „отвѣтчики совершили недозволенное дѣйствіе уже тѣмъ, что поручили сплавъ своего лѣса лицамъ, не состоящимъ Курляндскими прибрежными собственниками“. Не слѣдуетъ ли по этому мнѣнію, что Курляндскій плотогонъ представляетъ собою званіе, требующее довольно высокаго имущественнаго ценза? Съѣздъ же, вовсе отвергнувъ это „неправильное“, по его словамъ, мнѣніе, рѣшилъ, однако, что „подъ именемъ „сплавщика“ слѣдуетъ разумѣть только лицъ, производящихъ сплавъ фактически, своими непосредственными фактическими дѣйствіями“, — почему въ искѣ къ собственникамъ лѣса и отказалъ. Такимъ образомъ оказалось, что истецъ говорилъ въ пользу отвѣтчика, судъ отвергъ это мнѣніе истца, но, выслушавъ то же мнѣніе со стороны отвѣтчика, отказалъ въ искѣ. Приходится утѣшать себя мыслию, что бываетъ что нибудь и хуже.

Причина этихъ забавныхъ злослуженій кроется, однако, въ неумѣннн ориентироваться въ юридическомъ казусѣ, неумѣннн уловить юридическую суть дѣла. 1016 статья хотя и касается одного изъ случаевъ, когда можетъ возникнуть обязанность вознагражденія убытковъ, но не занимается этимъ вопросомъ въ особенности, а, находясь во главѣ, трактующей объ ограниченіяхъ собственности, говоритъ, собственно, объ одномъ изъ случаевъ ограниченія прибрежныхъ собственниковъ „въ правѣ пользованія водами“. Поэтому для разрѣшенія сомнѣній по вопросу о томъ, на комъ, какъ на сплавщикѣ, лежитъ обязанность вознагражденія убытковъ, причиненныхъ сплавомъ лѣса прибрежнымъ собственникамъ, — необходимо было обратиться къ статьямъ закона, трактующимъ объ „обязанности вознагражденія“, статьямъ 3444—3448, помѣщеннымъ, конечно, не въ отдѣлѣ вещнаго права, какъ это, можно сказать, Богъ вѣсть почему, имѣетъ мѣсто въ нашемъ X томѣ ч. 1 (главѣ шестой второй книги), но въ книгѣ четвертой прибалтійскаго гражданскаго свода, трактующей „о правѣ требованій“. Правда, надо отдать справедливость, что истцовая сторона это сдѣлала, только, къ сожалѣнію, довольно неудачно: она сослалась на 3446 статью, между тѣмъ какъ слѣдовало опереться на 3447. Статья 3446 гласитъ слѣдующее: „поручившій другому лицу произвести какое либо *недозволенное дѣйствіе* отвѣчаетъ за дѣйствія этого лица, хотя бы оно и преступило предѣлы порученія; ту же отвѣтственность несетъ также лицо, давшее другому поводъ къ дѣйствію, отъ котораго произошелъ вредъ для третьяго лица“. Замѣтивъ въ отдѣлѣ, говорящемъ объ „обязанности вознагражде-

нія“, повидимому, только эту статью, говорящую о „недозволенномъ дѣйствіи“, истцовая сторона и сосредоточила свое вниманіе въ сѣздѣ на томъ, чтобы найти въ дѣйствіяхъ отвѣтчика по порученію сплавить лѣсъ требуемое 3346 статьею „недозволенное дѣяніе“, а отсюда она и стала, какъ указывалось выше, „огородъ городить“. Однако же и доведя дѣло до Правительствующаго Сената, истцовая сторона успѣла, повидимому, прочитать лишь вторую часть 3346 статьи, но не дочитала до 3447. „Лицо, давшее поводъ къ дѣйствію, отъ котораго произошелъ вредъ для третьяго лица...“ обращаетъ вниманіе кассационная жалоба въ третьемъ, рѣшительномъ своемъ пунктѣ и тщетно старается найти какой-то „поводъ“; между тѣмъ поводъ здѣсь всетаки, очевидно, предполагается къ дѣйствію недозволенному.

Къ счастью, впрочемъ, „*jura novit curia*“ (истина, правда, иногда довольно проблематичная и проницательная). Итакъ, заглянемъ же и въ слѣдующую, 3447 статью, возбуждающую въ истцовой сторонѣ такъ мало довѣрія. „Если кто пренебрежетъ должною осмотрительностію при выборѣ слугъ и *другихъ наемныхъ людей* и не удостоивѣтся сперва въ ихъ способности и пригодности нести имѣющія лежать на нихъ обязанности, то онъ отвѣчаетъ за вредъ, причиненный ими чрезъ то третьему лицу“. Эта статья устанавливаетъ, такимъ образомъ, хорошо извѣстный теоріи обязательственнаго права институтъ ответственности за *чужую вину*. Еще римское право, гдѣ, какъ и въ современныхъ кодексахъ, по общему правилу никто не отвѣчалъ за чужую вину, постановляло, однако, что корабельщики (*nautae*) и содержатели гостинницъ и постоялыхъ дворовъ (*caupones, stabularii*), въ случаѣ пропажи вещей путешественниковъ, отвѣчаютъ за подчиненныхъ имъ лицъ на основаніи *culpa in eligendo*; хотя здѣсь, такимъ образомъ, всетаки можно было найти вину этихъ корабельщиковъ и *maitre d'hotel*'ей (ср. Dernburg, В. II, S. 105, f.), но римскому праву были извѣстны еще другіе случаи, являющіеся прямыми исключеніями изъ названнаго общаго правила неответственности за другихъ: *pater familias* отвѣчалъ по иску *actio poxalis* за дѣтей и рабовъ, хозяинъ отвѣчалъ по договорамъ прикащика (*actio institoria*), подрядчикъ (*locatio conductio operis*) отвѣчалъ за своихъ рабочихъ (см. Dernburg, *ibidem*, S. 106). Эти послѣднія исключенія должны подсказывать и неримскому юристу, что бываютъ случаи, гдѣ нельзя доискиваться до вины третьяго лица, а необходимо, въ интересахъ гражданскаго оборота, привлекать къ ответственности этихъ собственниковъ или хозяевъ, этихъ *pater familias*, этихъ прин-

ципаловъ всего дѣла, или „господь и вѣрителей“, какъ выражается, напимѣрь, 687 статья 1 ч. X т. Св. зак., въ которой, притомъ, слово вѣрители не совсѣмъ точно замѣнило болѣе широкое французское понятіе „commettants“ (ср. Побѣдоносцевъ, гражд. право, т. III, стр. 603). Повторяемъ, и неримскій юристъ, сознавая римское происхожденіе 3447 статьи, не долженъ строго доискиваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вины „при выборѣ слугъ и другихъ наемныхъ людей“, эту culpa in eligendo,—которая на самомъ дѣлѣ была скорѣе теоретическимъ объясненіемъ (и то далеко не всѣхъ случаевъ) отвѣтственности третьихъ лицъ, а не практическимъ, необходимымъ основаніемъ для каждаго конкретнаго иска этого рода: въ противномъ случаѣ правило 3447 статьи (не совсѣмъ удачно редактированной) никогда бы не могло получить примѣненія. Вотъ почему представляется отговоркою, неимѣющею никакого значенія, послѣдняя фраза въ рѣшеніи сѣзда о томъ, что „равнымъ образомъ представляется недоказанною неосмотрительность въ выборѣ рабочихъ и вообще наемныхъ по сплаву лицъ“.

Видъ эта неосмотрительность слишкомъ явно доказывается уже самымъ фактомъ причиненія вреда постороннимъ лицамъ. Вотъ почему не теоретическая culpa in eligendo должна рѣшать дѣло, а порученіе, данное наемнику нанимателемъ, въ интересахъ коего предпріятіе совершается. Здѣсь нельзя не напомнить, что извлеченная изъ французскаго источника 687 статья нашего X тома оказывается гораздо болѣе практичною и пѣлесообразною, чѣмъ неудачно передѣланная съ римскаго на нѣмецкій ладъ 3447 статья прибалтійскихъ законовъ. 687 статья гласитъ: „господа и вѣрители отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и повѣренными при исполненіи ихъ порученій, *сообразно съ приказаніями или полномочіемъ, которыя даны имъ господами или вѣрителями*; изъ сего исключаются (также) тѣ случаи, когда будетъ доказано, что они не могли предотвратить дѣянія, причинившаго вредъ или убытки“. О culpa in eligendo, о виновности въ неосмотрительномъ выборѣ наемныхъ лицъ здѣсь благоразумно умалчивается: *она, конечно, сама собою разумнется.* (Также и по 1384 ст. Code civil, ср. Дювернуа, гражд. право, стр. 366). Нельзя при этомъ не прибавить, что смыслъ этой статьи правильно былъ разъясненъ въ слѣдующихъ кассационныхъ рѣшеніяхъ. „Хозяинъ и вѣритель отвѣчаютъ лишь за такія дѣйствія слуги и повѣреннаго, которыя совершены при исполненіи даннаго имъ порученія и сообразно съ порученіемъ“ (1873 г. № 1020); „это не значить, однакожь, чтобы

отвѣтственность ограничивалась только случаями, когда доказано существованіе *спеціального* порученія на совершеніе именно тѣхъ дѣйствій, которыми причинены убытки: *достаточно, если эти дѣйствія направлены были къ исполненію порученія и, будучи вообще солидарны съ предметомъ этого порученія, не выходили изъ предѣловъ дѣятельности, обозначенныхъ самымъ свойствомъ полномочія*“ (рѣш. 1879 г. № 252). И, наконецъ, „на истца, отыскивающаго убытки въ подобныхъ случаяхъ, нельзя возлагать обязанности доказать, что причинившія убытки дѣйствія слугъ и повѣренныхъ отвѣтчика совершены согласно порученію послѣдняго, напротивъ, отвѣтчикъ долженъ доказать, что онъ не поручалъ и не могъ предотвратить этихъ дѣйствій“ (рѣш. 1879 г. № 66). (Нельзя не упомянуть, что, говоря о „поводѣ“ къ причиненію сплавомъ лѣса убытковъ, кассационная жалоба ссылается на это послѣднее рѣшеніе, не объясняя, однако, вовсе, какое отношеніе для разъясненія 3447 ст. прибалтійскихъ законовъ можетъ имѣть разъясненіе Сенатомъ 687 статьи 1 ч. X тома).

Нужно ли теперь прибавлять, что фактическіе сплавщики лѣса отвѣтчиковъ (вмѣстѣ съ подрядчикомъ) были именно тѣми „наемными людьми“, о которыхъ говоритъ 3447 статья прибалтійскаго свода, и за которыхъ, разъ доказано было, что на данный сплавъ лѣса имъ было дано полномочіе собственниковъ лѣса, и должны отвѣчать эти послѣдніе, независимо отъ идеальной, само собою разумѣющейся виновности ихъ въ неосмотрительномъ выборѣ наемныхъ людей по теоріи *supra in eligendo*.

Признавъ рѣшеніе съѣзда постановленнымъ въ нарушение 1016 статьи прибалтійскихъ гражданскихъ законовъ, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе съѣзда.

С. Б. Гоголицкій.

5. Французскій законъ о союзахъ и конгрегаціи.

(Письмо изъ Парижа).

I.

Изъ газетъ извѣстно, какія шумныя манифестаціи вызвалъ въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи декретъ французскаго правительства о приведеніи въ исполненіе закона 1-го іюля 1901 г. о союзахъ въ его примѣненіи къ конгрегаціямъ и ихъ учрежденіямъ (*établissements*). Со стороны можетъ показаться, что добрая половина французскаго народа возмущилась до глубины души этимъ декретомъ, который—де является величайшимъ попраніемъ свободы. Послушать ораторовъ антиправительственной политики, такъ нѣтъ ничего болѣе незаконнаго, чѣмъ этотъ декретъ, нѣтъ ничего болѣе безнравственнаго, чѣмъ идеи и чувства, которыя руководили министерствомъ при составленіи этого декрета. Дѣйствительно, то тутъ, то тамъ, школы, учрежденныя конгрегаціями, закрываются, и ихъ двери опечатываются неумолимыми префектами; „сестры“, которыя завѣдывали этими школами и обучали въ нихъ, принуждены поспѣшно оставлять эти школы; сотни и сотни дѣтей вдругъ выбрасываются на улицу и лишаются возможности получить школьное образованіе; родители этихъ дѣтей, интимныя чувства которыхъ такъ рѣзко оскорблены этими мѣрами, возмущены: не имѣютъ ли они право давать своимъ дѣтямъ религиозное воспитаніе, если такова ихъ добрая воля? Развѣ они не свободные французскіе граждане, религиозная совѣсть которыхъ святилище, въ которое никто не долженъ проникать? Развѣ законъ 1886 года, законъ объ обученіи, которымъ такъ гордится современная французская республика, какъ однимъ изъ самыхъ либеральныхъ и, стало быть, гуманнѣйшихъ законовъ, созданныхъ ею,—развѣ этотъ законъ не представляетъ каждому французскому гражданину свободно открывать, какую ему угодно школу, если только этотъ гражданинъ обладаетъ нужнымъ дипломомъ и не лишень судомъ правъ? Не есть ли закрытіе правительствомъ извѣстнаго хотя бы, сравнительно, небольшого числа школъ, въ которыхъ обучаютъ члены конгрегацій, святотатственное нарушеніе этого предоставленнаго закономъ всѣмъ французамъ права? Съ другой стороны, вѣдь не требуютъ французскіе вѣрующіе католики уничто-

женія столь любезныхъ правительству „свѣтскихъ“ школъ: они, вѣрующіе католики, вполне понимаютъ, что каждый отецъ семейства долженъ быть совершенно свободенъ дать своимъ дѣтямъ то воспитаніе, которое онъ по своей совѣсти находитъ для нихъ лучшимъ. Не есть ли это одинъ изъ главныхъ принциповъ чистаго либерализма? Не горда ли французская республика именно тѣмъ, что ея законы проникнуты духомъ либерализма? Требуя для себя возможности сохранить за собою свои школы, они являются послѣдователями лучшихъ традицій республиканцевъ, они борются за священную свободу личности.

Все это такъ ясно, такъ просто. Даже женщины, даже дѣти могутъ это легко понять,—могутъ своимъ честнымъ умомъ и чистымъ сердцемъ сразу охватить всю опасность, грозящую свободѣ, если приведутъ въ исполненіе правительственный декретъ. Во что бы то ни стало, слѣдуетъ воспротивиться этому. Но какъ? Прежде всего слѣдуетъ возбудить, встряхнуть общественное мнѣніе. слѣдуетъ манифестировать; слѣдуетъ кричать повсюду, насколько хватитъ силъ, что свобода, та свобода, дорогая свобода, „о которой въ марсельзѣ поется“, попорана тиранами-фанатиками, слѣдуетъ показать всему свѣту, что французскіе вѣрующіе католики готовы еще „костями лечь“ за человѣческія права.

И стоило только вождямъ оппозиціи кликнуть кличъ—и въ Парижѣ въ продолженіи цѣлаго ряда дней происходили шумныя манифестаціи, на которыхъ „матери семействъ“ различныхъ слоевъ общества, слѣдуя за нѣкоторыми дамами знатнаго аристократическаго происхожденія, громкими криками требуютъ во имя свободы отмѣны правительственнаго декрета; и въ провинціальной Франціи, главнымъ образомъ въ Бретани, гдѣ подлежитъ закрытію рядъ школъ,—происходятъ уже не платоническія манифестаціи, а организованное сопротивленіе дѣйствіямъ правительственныхъ агентовъ; „сестры“ не хотятъ добровольно покинуть школы, которыми онѣ завѣдывали до сихъ поръ, и префектамъ приходится сплошь да рядомъ призывать на помощь войско и жандармовъ, такъ какъ полицейскіе комиссары, которымъ поручено приведеніе въ исполненіе правительственнаго декрета, встрѣчаютъ очень часто активное сопротивленіе со стороны мѣстнаго населенія. Ежедневно приходится читать теперь въ газетахъ, что то тутъ, то тамъ во Франціи все крестьянское населеніе мѣстности—мужчины, женщины, дѣти,—ни за что не хочетъ допустить закрытіе ихъ конгрегаціонной школы и изгнаніе изъ нея „сестеръ“, что лишь только до

этого населенія доходить вѣсть о близкомъ появленіи полицейскаго комиссара, какъ бьютъ въ набатъ, какъ все населеніе сбѣгается передъ зданіемъ школы, какъ устраиваются настоящія баррикады передъ этимъ зданіемъ, дабы жандармы и солдаты, сопровождающіе комиссара, не могли свободно пробраться къ школѣ; что представителямъ закона приходится среди страшныхъ криковъ и оскорбительныхъ возгласовъ чуть-ли не насильно выводить „сестеръ“ изъ школы, такъ какъ „сестры“ рѣшили уступить только силѣ; что все населеніе мѣстности громко протестуетъ отъ имени незаконно попранной свободы.

Каковъ же, съ юридической точки зрѣнія, характеръ декрета, внесшаго такую пертурбацію въ жизнь извѣстной части населенія Франціи?

Является ли этотъ декретъ логическимъ послѣдствіемъ закона 1-го іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ или онъ идетъ въ разрѣзъ, какъ это утверждаетъ оппозиція, съ его буквой и съ его смысломъ?

II.

Декретъ этотъ былъ изданъ французскимъ правительствомъ 27-го іюня сего года и имѣетъ своимъ объектомъ закрытіе школъ, которыя открыты были безъ предварительнаго разрѣшенія, и въ которыхъ обучаютъ члены конгрегацій.

Нынѣшнее французское министерство, на которое выпала задача привести въ исполненіе законъ 1-го іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ, нашло, что статья 13-ая этого закона обязываетъ его предписать закрытіе этихъ школъ.

Однако, едва министерство приняло это рѣшеніе, какъ консерваторы стали утверждать, что министерство неправильно истолковало законъ 1-го іюля 1901 и что оно, вообще, превысило свою власть.

Въ законѣ 1-го іюля 1901 г. есть три статьи, которыя спеціально относятся къ конгрегаціямъ,—это статьи: 13, 16 и 18.

Статья 13-ая гласитъ, что для легальнаго существованія каждая конгрегація въ отдѣльности должна получить разрѣшеніе законодательной власти, то есть, что необходимъ спеціальнй законъ, чтобы конгрегація могла быть признанной, та же статья дальше гласитъ, что никакое конгрегаціонное учрежденіе не можетъ быть основано безъ декрета президента республики, изданнаго имъ со-

образно мнѣнію, высказанному государственнымъ совѣтомъ (*décret rendu en conseil d'état*), и что распущеніе конгрегаціи или закрытіе конгрегаціоннаго учрежденія (*établissement*) можетъ быть провозглашено президентскимъ декретомъ, изданнымъ сообразно мнѣнію совѣта министровъ (*décret rendu en conseil des ministres*).

Статья 16-ая объявляетъ незаконной всякую конгрегацію, существующую безъ разрѣшенія, и грозитъ членамъ такой конгрегаціи наказаніями, предусмотрѣнными ст. 8 этого же закона.

Статья 18-ая заявляетъ, что всѣ конгрегаціи, которыя будутъ существовать въ моментъ объявленія (промульгаціи) этого закона, будутъ считаться—безъ дальнѣйшихъ мѣропріятій упраздненными если онѣ не докажутъ, что онѣ сдѣлали—въ предписанный срокъ—все то, что необходимо для полученія разрѣшенія. Статья эта предвидитъ, какъ санкцію, ликвидацію имущества конгрегацій, провозглашенную судомъ.

Когда, послѣ долгихъ, всестороннихъ и очень жаркихъ дебатовъ, французскія законодательныя собранія вотировали законъ 1-го іюля 1901 г., можно было полагать, что законодатель все сдѣлалъ для того, чтобы всѣ статьи, всѣ предписанія этого закона были совершенно ясны и точны, и чтобы, въ ихъ примѣненіи, они не дали мѣста никакимъ двусмысленнымъ толкованіямъ.

Намѣреніе французскаго законодателя не подлежало никакому сомнѣнію: онъ хотѣлъ, чтобы отнынѣ религіозныя конгрегаціи, разсматриваемыя, какъ союзы и какъ учрежденія, не могли законно существовать безъ предварительнаго разрѣшенія. Эта воля законодателя ясно вытекаетъ изъ приведенныхъ нами статей закона и также изъ дебатовъ, происходившихъ во время обсужденія закона въ палатѣ депутатовъ.

Воля законодателя сводится не только къ тому, чтобы конгрегаціи получили предварительное разрѣшеніе, но чтобы также всѣ основанныя ими учрежденія были снабжены въ отдѣльности предварительнымъ разрѣшеніемъ.

Таково глубокое убѣжденіе нынѣшняго министра—президента, г. Комба (*Emile Combes*).

Вотъ почему онъ предписалъ закрыть всѣ школы, которыя существуютъ безъ разрѣшенія и въ которыхъ обучаютъ члены конгрегацій: эти школы—конгрегаціонныя учрежденія.

Но на послѣднемъ пунктѣ, именно, разразилась буря. Консерваторы въ одинъ голосъ закричали, что школы, учрежденныя частными лицами, и въ которыхъ члены конгрегацій только обучаютъ,

не суть конгрегаціонныя учрежденія. Стало быть, закрывая эти школы, министр-президентъ нарушаетъ законъ.

Въ защиту ихъ толкованія, они ссылаются на происходившіе дебаты въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи закона 1 іюля 1901 г. и главнымъ образомъ на заявленія, сдѣланныя Вальдекомъ Руссо, создателемъ этого закона.

Вотъ въ подробномъ изложеніи ихъ аргументація:

Въ моментъ обсужденія въ палатѣ депутатовъ 13 статьи закона, которая, какъ намъ уже извѣстно, гласитъ, что „каждая конгрегація должна быть разрѣшена спеціальнымъ закономъ“, и что „каждое новое учрежденіе этихъ конгрегацій должно быть разрѣшено декретомъ“,—консерваторы уже очень возмутились, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, эта послѣдняя мѣра должна была повлечь за собою „очень тяжкія послѣдствія для интересовъ государства“.

Дѣло, вѣдь, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: во Франціи въ настоящую минуту получаютъ образованіе въ частныхъ школахъ (écoles privées) 1,600,000 дѣтей; государство и общины даютъ мѣсто въ своихъ общественныхъ школахъ (écoles publiques) только 3,800,000 дѣтей; частная инициатива, стало быть, оказываетъ въ данномъ случаѣ колоссальную услугу государству. Съ другой стороны, нечего, кажется, говорить о многочисленныхъ частныхъ учрежденіяхъ благотворительности,—о госпиталяхъ, о пріютахъ для старцевъ, о сиротскихъ домахъ для дѣтей, которые, какъ и большинство частныхъ школъ, не просятъ у государства никакой субсидіи и которые содержатся конгрегаціями и ихъ друзьями. И вотъ явился крайне важный вопросъ: неужели повсюду, гдѣ только членъ конгрегаціи обучаетъ дѣтей или же „ухаживаетъ за сиротами или старцами“, необходимо будетъ имѣть разрѣшеніе? Другими словами, неужели текстъ 13 статьи требуетъ, чтобы конгрегація, разъ получивъ разрѣшеніе законно существовать, была снабжена спеціальными разрѣшеніями для всѣхъ ея отдѣльныхъ дѣйствій? Депутатъ Кошэнъ (Denys Cochin) отъ имени консерваторовъ попросилъ у тогдашняго министра-президента необходимыхъ разъясненій: какъ согласовать законъ 1886 г. о свободѣ обученія съ текстомъ 13 статьи обсуждаемаго закона объ ассоціаціяхъ? По закону 1886 года всякій гражданинъ имѣетъ право открыть школу, если онъ объ этомъ сдѣлалъ предварительное заявленіе,—въ чемъ ему выдаютъ росписку. Эта росписка не есть *разрѣшеніе* на открытіе школы: гражданинъ дѣлаетъ заявленіе, инспекторъ академіи выдаетъ ему въ этомъ росписку, а черезъ мѣсяць, если не имѣется

предвидѣнныхъ закономъ препятствій (отсутствіе необходимаго диплома, лишеніе правъ), школа можетъ быть открыта. Но могутъ встрѣчаться затрудненія, когда рѣчь будетъ о конгрегаціяхъ, и когда придется примѣнять къ намъ законъ объ ассоціаціяхъ: имѣетъ ли право гражданинъ, который состоитъ членомъ конгрегаціи, свободно открыть школу? На этотъ вопросъ Вальдекъ-Руссо въ то время отвѣтилъ депутату Кошэну, что можно согласовать законъ о свободѣ обученія съ закономъ объ ассоціаціяхъ. Все сводится къ тому, чтобы выяснить, что такое учрежденіе (établissement)? Учрежденіе носить въ себѣ идею продолжительности, устойчивости, предполагаетъ собственность или контрактъ найма недвижимости; но когда кто нибудь предоставляетъ свои услуги собственнику, — когда послѣдній основываетъ учрежденіе, и другія лица, — будь они члены конгрегаціи или нѣтъ, — предлагаютъ свои услуги въ его распоряженіе, тогда не имѣютъ дѣла съ конгрегаціоннымъ учрежденіемъ. Тогдашнее толкованіе Вальдека Руссо (мы скоро увидимъ, что онъ радикально измѣнилъ свой взглядъ подъ вліяніемъ мнѣнія (avis) Государственнаго Совѣта) было примѣнено даже на практикѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Правда, г. Лейгъ (Leygues), тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, обратился 11 сентября 1901 г. къ инспекторамъ академіи съ циркуляромъ, который заключалъ слѣдующее предписаніе: „когда конгрегація сдѣлаетъ вамъ заявленіе объ открытіи школы, вы не выдадите имъ росписки, если она при заявленіи не представитъ декрета съ разрѣшеніемъ Государственнаго Совѣта“. Этотъ циркуляръ вызвалъ протестъ со стороны консерваторовъ, и тогда правительство рѣшило примѣнять въ очень многихъ случаяхъ теорію Вальдека Руссо и прибѣгать къ предписанію циркуляра г. Лейга только тогда, когда рѣчь будетъ о новыхъ учрежденіяхъ, основываемыхъ разрѣшенными конгрегаціями: не будутъ требовать декрета, когда признанная закономъ конгрегація будетъ только предоставлять услуги своихъ членовъ третьему лицу, учредителю школы. И дѣйствительно, правительство нѣкоторое время примѣняло на практикѣ эту теорію. Вотъ, на примѣръ, отрывокъ изъ письма одного инспектора академіи (который, конечно, руководствовался полученными свыше предписаніями): „...„Прежде, чѣмъ выдать росписку, вамъ слѣдуетъ попросить начальницу школы дать вамъ знать посредствомъ письменнаго заявленія, основываетъ ли конгрегація новую школу на свой счетъ, на свои расходы, въ зданіи, ей принадлежащемъ или нанятомъ ею. Только въ случаѣ положительнаго отвѣта, вы потребуете декрета о разрѣшеніи, который предвидѣнъ статьею 13 закона 1 іюля 1901 г.“.

Правительство, однако, черезъ нѣкоторое время стало давать ст. 13 закона 1 іюля 1901 г. другое толкованіе.

Это произошло подъ влияніемъ „мнѣнія“ Государственнаго Совѣта.

Вальдекъ Руссо заявилъ тогда, что теорія, которой онъ держался, относительно понятія „учрежденіе“, была совершенно ошибочна. Когда рѣчь идетъ о школьномъ учрежденіи,—это не лица, которымъ принадлежатъ стѣны зданія, географическія карты или классныя скамейки,—это не эти лица, которые представляютъ учрежденіе; нѣтъ,—представляетъ въ дѣйствительности учрежденіе—учитель. Что этотъ взглядъ основателенъ, можно видѣть изъ того, что законъ 1886 г. требуетъ предварительнаго заявленія (*déclaration*) не отъ собственника школы, а отъ учителя. Слѣдовательно, когда учитель-членъ конгрегации, этотъ учитель представляетъ собою конгрегацию, онъ говоритъ отъ имени конгрегации.

Но эта новая теорія не можетъ быть примѣнима къ учрежденіямъ благотворительности, къ госпиталямъ, къ пріютамъ: представителями учреждений благотворительности являются собственники ихъ, тогда какъ, по закону 1886 г., представителями *школьныхъ* учреждений являются учителя; если же послѣдніе—члены конгрегации, то они говорятъ и дѣйствуютъ отъ имени конгрегации—стало быть, это конгрегации, которымъ принадлежатъ школы, стало быть, эти школы—конгрегационныя учрежденія.

Такова новая теорія, которая была принята правительствомъ, послѣ того, какъ она была формулирована „въ мнѣніи Государственнаго Совѣта“ (*avis du Conseil d'Etat*) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

.....„Принимая во вниманіе, . . . что статья 2 закона 30 октября 1886 г. не имѣетъ цѣлью опредѣлить юридическія условія, при которыхъ можетъ быть основано учрежденіе,—но только противопоставить учрежденія частныя учрежденіямъ общественнымъ; что законъ не требуетъ ни объявленія имени, ни доказательства, правоспособности собственника зданія, въ которомъ будетъ учреждена школа,—ни также способа вознагражденія обучающаго персонала; и что, если онъ требуетъ, чтобы зданіе было обозначено въ заявленіи, и чтобы планъ его былъ представленъ, законъ это дѣлаетъ единственно въ интересахъ гигіены и добрыхъ нравовъ; что, такимъ образомъ, школа, съ точки зрѣнія юридической, совершенно независима отъ матеріальныхъ и финансовыхъ условій, при которыхъ она учреждена и функционируетъ“..... И далѣе,—какъ заключеніе:

....„Въ случаѣ открытія школы членомъ конгрегаціи, эта школа, даже если она функционируетъ въ зданіи, принадлежащемъ третьему лицу, или содержится на средства послѣдняго, сохраняетъ, тѣмъ не менѣе, отличительный характеръ конгрегаціоннаго учрежденія“.

Это „мнѣніе“ Государственного Совѣта, примѣнимое на практикѣ, наноситъ—по утвержденію оппозиціи—страшный ударъ свободѣ обученія во Франціи, свободѣ, гарантированной закономъ 1886 г., который провозгласилъ, что всякій французскій гражданинъ имѣетъ право открыть школу черезъ мѣсяць послѣ сдѣланнаго имъ „заявленія“,—и этотъ законъ, которымъ современная французская республика такъ гордится, нарушается вдругъ самимъ французскимъ правительствомъ, благодаря тому, что правительство совершенно неправильно толкуетъ, объясняетъ и примѣняетъ законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ.

Слѣдствіемъ этого неправильнаго толкованія закона является то крайне печальное обстоятельство, что подвергаются преслѣдованію сотни мужчинъ и женщинъ, которые, ничего не требуя отъ государства, ни къ кому не обращаясь за помощью, руководимые только чувствомъ любви къ ближнему, идутъ къ тѣмъ, которые страдаютъ,—къ старикамъ и сиротамъ, посвящаютъ себя обученію молодежи, открываютъ школы.

III.

Своимъ декретомъ отъ 27 іюня этого года французское правительство не только неправильно истолковало законъ 1 іюля 1901 г., но еще превысило свою власть. Это превышеніе власти является вторымъ главнымъ пунктомъ обвиненія со стороны консерваторовъ.

Французское правительство не должно было примѣнять на практикѣ законъ 1901 г. раньше, чѣмъ судъ успѣлъ высказаться относительно вызванныхъ этимъ закономъ недоразумѣній въ его интерпретаціи. Толкованіе закона принадлежитъ суду, а не исполнительной власти.

Члены конгрегацій и ждали безпристрастнаго рѣшенія отъ суда, къ которому они обратились за защитой ихъ права свободно обучать, когда на нихъ вдругъ обрушился декретъ 27 іюня, и ихъ школы безапелляціонно были обречены на закрытіе. Правда, члены конгрегаціи, теперь больше, чѣмъ когда либо, не отказались отъ

надежды, что судъ объявить неправильнымъ толкованіе правительства закона объ ассоціаціяхъ и незаконнымъ—декретъ 27 іюня. Но остается матеріальный фактъ,— закрытіе правительственнымъ агентамъ—школь; эти чисто матеріальныя дѣйствія правительства не могутъ быть обжалованы ни передъ судомъ, ни передъ Государственнымъ Совѣтомъ. Оппозиція, по утвержденію консервативнаго депутата Фернанда де Рамеля (Fernand de Ramel) „глубоко убѣждена, что независимый судъ провозгласитъ законными требованія конгрегацій, такъ какъ законъ 1886 г. еще вѣдь не отмѣненъ, и текстъ 13 статьи закона 1901 г. не поддается произвольному толкованію, сдѣланному правительствомъ! Если правительство нарушило принципъ раздѣленія властей, если оно присвоило себѣ судебную власть,—то бѣда въ сущности еще не такъ велика, такъ какъ декретъ 27 іюня будетъ обжалованъ предъ государственнымъ совѣтомъ, какъ передъ трибуналомъ. Но исполнительныя дѣйствія правительства, тѣ матеріальные факты, которые сопровождаютъ закрытіе школь: прибытіе чиновниковъ, очень часто въ сопровожденіи жандармовъ и солдатъ, насильное изгнаніе сестеръ—и, главнымъ образомъ, опечатываніе недвижимаго имущества, каковое опечатываніе нарушаетъ права собственности и лишено судебныхъ гарантій,—не могутъ быть обжалованы и являются въ высшей степени арбитражными.

И дѣйствительно, такой актъ со стороны правительства является тѣмъ болѣе важнымъ, что его нельзя немедленно обжаловать передъ законнымъ защитникомъ собственности,—передъ судомъ. Дѣло въ томъ, что французскій судья, когда ему приходится судить правительственный актъ, находитъ себя некомпетентнымъ,—потому что священный для судьи принципъ раздѣленія властей за-прещаетъ ему судить правительственный актъ, хотя бы самый незаконный. Изъ этого положенія вещей вытекаетъ слѣдующее: собственникъ зданія, въ которомъ находилась опечатанная школа, находясь лицомъ къ лицу съ незаконнымъ административнымъ актомъ, который лишаетъ его возможности свободно располагать своею вещью—своимъ правомъ собственности,—не можетъ обжаловать этотъ актъ передъ судебной властью, которая обыкновенно воз-становляетъ нарушенныя права собственности: судья объявляетъ себя некомпетентнымъ. Такимъ образомъ, собственникъ зданія въ данномъ случаѣ совершенно лишенъ возможности искать себѣ защиты, такъ какъ онъ является жертвой, собственно говоря, не административнаго акта (каковой актъ можетъ быть обжалованъ

передъ государственнымъ совѣтомъ), но чисто матеріальнаго факта, исходящаго со стороны правительства. Конечно, если правительственный декретъ 27 іюня будетъ объявленъ государственнымъ совѣтомъ незаконнымъ вслѣдствіе превышенія власти правительствомъ, то немедленнымъ результатомъ этого явится уничтоженіе наложенныхъ на зданія школъ печатей; но пока Государственный Совѣтъ уничтожитъ декретъ, до тѣхъ поръ зданія останутся опечатанными, и только одно правительство можетъ распорядиться, стало быть—должно распорядиться о возстановленіи поправныхъ имъ правъ собственности.

Но, можетъ быть, правительство станетъ утверждать, что ему неизвѣстно, принадлежитъ ли зданіе школы конгрегаціи или частному лицу. Такое утвержденіе со стороны правительства разоидетъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ правительство знало, кому принадлежитъ зданіе,—доказательствомъ чему могутъ служить обстоятельства, при которыхъ были открыты подпавшія теперь подъ декретъ 27 іюля школы. Эти школы были открыты послѣ обнародованія закона 1 іюля 1901 г., и инспектора академіи съ самаго начала объявили было слѣдующее начальницамъ школъ: „циркуляръ министра народнаго просвѣщенія требуетъ, чтобы вы имѣли разрѣшеніе Государственнаго Совѣта“. Но начальницы школъ возразили, что школьныя зданія не принадлежатъ конгрегаціямъ, что онѣ только отчуждаютъ свои услуги частнымъ лицамъ, собственникамъ этихъ зданій. Тогда администрація не настаивала больше на циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія и признала, что—въ такомъ случаѣ—приходится примѣнять только законъ 1886 г., и что, стало быть, вполне достаточно, чтобы тотъ, кто желаетъ открыть школу, сдѣлалъ заявленіе: „черезъ мѣсяцъ послѣ сдѣланнаго имъ „заявленія“, если не было предвидѣнныхъ закономъ препятствій, онъ имѣлъ полное право открыть школу. И дѣйствительно, инспектора академіи стали требовать, чтобы имъ представляли всѣ документы, изъ которыхъ слѣдовало, что школьное зданіе не есть собственность конгрегаціи: всякій разъ, какъ эти доказательства были представлены, они объявляли школу законно открытой. Примѣра ради, приведемъ слѣдующую переписку между инспекторомъ академіи и „сестрой“, начальницей школы:

„Я бы вамъ былъ обязанъ, если бы вы мнѣ дали знать, кому принадлежитъ зданіе, въ которомъ вы намѣрены открыть свободную школу (école libre), и какова плата найма зданія“, пишетъ просительницѣ инспекторъ Дюбюкъ въ письмѣ отъ 7 ноября 1901 г.

На это просительница, сестра конгрегаціи отвѣчаетъ: „Зданіе, въ которомъ будетъ помѣщаться моя свободная школа, принадлежитъ г-ну Эмону, домовладѣльцу въ Унстергамѣ, который нанимаетъ мои услуги для завѣдыванія этой школой“.

Вслѣдствіе этого инспекторъ увѣдомилъ, что препятствій къ открытію школы нѣтъ.

Не подлежить, стало быть, сомнѣнію, что администрація прекрасно знала, кому принадлежитъ школьное зданіе, и никоимъ образомъ не противилась открытію школы, если зданіе принадлежало частному лицу. Тѣмъ не менѣе правительство не остановилось передъ тѣмъ, чтобы опечатать это зданіе, то есть, чтобы наложить руку на частную собственность, вопреки всѣмъ законамъ, и лишило одновременно собственника возможности требовать передъ судомъ возстановленія своихъ правъ.

Далѣе. Если даже допустить на мгновеніе, что интерпретація, данная правительствомъ 13 статьѣ закона 1901 г., не идетъ въ разрѣзъ съ буквой и со смысломъ этого закона, что дѣйствительно слѣдуетъ закрыть извѣстную категорію школъ, то почему же правительство не воспользовалось имѣющимися въ его распоряженіи законными мѣрами? Развѣ не должно было примѣнять въ данномъ случаѣ законъ 1886 г. о первоначальныхъ школахъ или статью 14 закона 1901 г.? Вѣдь, какъ слѣдуетъ поступать по закону, когда приходится закрыть школу или упразднить учрежденіе? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, необходимо прочесть статьи 40 и 42 закона 1886 г. и статью 14 закона 1901 г.

Вотъ что говорятъ первыя двѣ статьи:

„Директоръ частной школы, который откажется подчиняться надзору и инспекціи школьныхъ властей, при условіяхъ, предвидѣнныхъ настоящимъ закономъ, будетъ привлеченъ къ исправительному суду и присужденъ къ штрафу отъ 50 до 500 франковъ. Въ случаяхъ рецидива штрафъ будетъ въ 1000 фр. Ст. 463 свода уголовныхъ законовъ можетъ быть примѣнена. Если отказъ вызвалъ два наказанія впродолженіе года, закрытіе школы будетъ предписано *судебнымъ рѣшеніемъ*, которое присудитъ директора ко второму наказанію“.

И такъ, въ случаѣ закрытія частной школы, это судебная власть, которая должна предписать закрытіе.

Когда рѣчь идетъ о союзахъ, о конгрегаціяхъ, слѣдуетъ примѣнять статью 14 закона 1901 г. Эта статья предвидитъ тотъ случай, когда члены конгрегацій, которыя *не получили разрѣшенія*,

преподаютъ въ частныхъ школахъ или завѣдуютъ этими школами. Тѣмъ паче эта статья должна быть примѣнима къ членамъ конгрегацій, которыя *получили разрѣшеніе*. Статья эта гласитъ, что члены конгрегацій будутъ привлечены къ исправительному суду, присуждены къ значительнымъ штрафамъ, и прибавляетъ: „Судебное рѣшеніе, которое произнесетъ наказаніе, можетъ предписать закрытіе школы“. Стало быть, и въ этомъ случаѣ только отъ судебной власти зависитъ закрытіе школы. Стало быть, идетъ ли рѣчь о закрытіи школы, какъ слѣдствіи нарушенія закона 1886 г., или какъ слѣдствіи нарушенія предписаній закона 1901 г.,—закрытіе школы должно быть произнесено и приведено въ исполненіе судебной властью, а не административнымъ путемъ. Почему же правительство не обратилось къ своимъ прокурорамъ, къ своимъ судьямъ для приведенія въ исполненіе декрета 27 іюня? Вѣдь, тогда всѣ заинтересованныя лица находились бы лицомъ къ лицу съ судебной властью и, стало быть, могли бы оспаривать исполнительныя мѣры, могли бы требовать возстановленія ихъ нарушенныхъ правъ, могли бы защищать ихъ право собственности. Теперь же имъ это сдѣлать рѣшительно невозможно, такъ какъ они имѣютъ передъ собою не судей, а полицейскихъ комиссаровъ, опечатавшихъ ихъ имущество, и ни современное французское законодательство, ни юриспруденція относительно раздѣленія властей и относительно компетентности судей не даютъ имъ возможности защищаться. Они могутъ только протестовать.

И вмѣстѣ съ собственниками школьнаго зданія протестуютъ и конгрегаціи, члены которыхъ лишены—до будущаго провозглашенія Государственнымъ Совѣтомъ отмѣны правительственнаго декрета отъ 26 іюня,—возможности обучать въ частныхъ школахъ безъ спеціальнаго разрѣшенія...

Правда, конгрегаціи могли легко избѣгнуть необходимости такъ шумно протестовать: стоило только имъ съ самаго начала преклониться передъ требованіемъ декрета, стоило имъ только повсюду просить разрѣшенія для вновь открываемыхъ ими школъ...

Послушаемъ опять депутата Кошэна, говорящаго отъ имени консерваторовъ. „Мы—говоритъ онъ—не сдѣлали этого по чисто практической причинѣ и по причинѣ моральной. Практическая причина—вотъ она: фактъ, не подлежащій сомнѣнію, это то, что нигдѣ нѣтъ „учрежденія“ (établissement), то есть собственнаго зданія конгрегаціи, но повсюду имѣются школы, основанныя частными лицами; такъ, напр., триста-четырееста школъ, основанныхъ въ Па-

рижѣ, отличаются этой характерной чертой: собственниками школъ не являются члены конгрегацій; для основанія этихъ школъ нашлись не члены конгрегацій, образовались гражданскія общества; члены конгрегацій въ этихъ школахъ являются лишь служебнымъ персоналомъ. Если бы мы повсюду сказали конгрегаціямъ: просите разрѣшенія для вашего „учрежденія“,—что произошло бы? А произошло бы то, что впоследствии, когда опять захотѣли бы установить, какимъ имуществомъ владѣютъ въ общемъ конгрегаціи, то сказали бы дѣйствительнымъ владѣльцамъ школъ: „вы не настоящіе собственники, вы являетесь подставными лицами, бесспорнымъ доказательствомъ чему служитъ то обстоятельство, что это конгрегація, которая посѣщила просить разрѣшеніе для того или другого учрежденія. Но есть другая причина, причина болѣе важная, причина моральная. Дѣло въ томъ, что въ свободной странѣ или такой, которая хотѣла бы быть свободной, каковъ бы ни былъ идеаль, которому служатъ, не отказываются отъ данной свободы, когда ее можно защищать, не допускаютъ, чтобы данная свобода была упразднена путемъ замалчиванія (*par préterition*). Свобода обученія, мы ее крѣпко держимъ для насъ и для васъ“....

IV.

Пора, однако, тутъ поставить точку обвиненіямъ консерваторовъ и ихъ юридическимъ аргументаціямъ. Мы изложили безпристрастно и подробно все то, что съ юридической точки зрѣнія оппозиція нашла неправильнымъ, незаконнымъ въ дѣйствіяхъ нынѣшняго французскаго министерства по отношенію къ конгрегаціямъ и ихъ членамъ. Мы слѣдили за оппозиціей въ ея стремительномъ натискѣ на министерство, мы видѣли ее въ полномъ вооруженіи: ея знамя—просвѣщеніе, ея щитъ—свобода, ея мечъ—право, ея свистящая стрѣла—попранный правительствомъ законъ, ея полки и легіоны—сражаются только на полѣ законовъ....

Долгъ безпристрастнаго повѣствователя заставляетъ насъ теперь пойти въ другой лагерь, къ тѣмъ ратоборцамъ, которые должны были пасть подъ стремительнымъ натискомъ консерваторовъ; мы тамъ встрѣтимъ бодрыхъ воиновъ, съ большою ловкостью парирующихъ удары, и увидимъ, что столь обильно посыпавшіяся на нихъ стрѣлы рикошетомъ поразили главнымъ образомъ ихъ враговъ.

Когда въ прошломъ году бывшій президентъ министерства, Вальдекъ-Руссо, внесъ въ палату депутатовъ проектъ закона о союзахъ, оппозиція въ одинъ голосъ заявила, что законъ этотъ направленъ единственно противъ религіозной свободы католиковъ, и за все время обсужденія этого закона въ законодательныхъ собраніяхъ оппозиція *urbi et orbi* громкимъ голосомъ оповѣщала, что только духъ преслѣдованія и фанатической нетерпимости можетъ заставить законодателя вотировать этотъ законъ. Однако, всѣ сдѣланныя тогда оппозиціею невѣроятныя усилія въ смыслѣ измѣненія въ желательномъ для нея направленіи извѣстныхъ диспозицій закона о союзахъ не привели къ практическому результату, и законъ былъ вотированъ въ почти его первоначальной, правительственной редакціи.

Казалось бы, что и послѣ его принятія законодательными собраніями и промульгаціи его исполнительной властью законъ этотъ по его духу долженъ былъ являться для оппозиціи своего рода исчадіемъ ада... На дѣлѣ же вдругъ оказалась крайне интересная метаморфоза: реакціонеры не только преклонились передъ промульгированнымъ закономъ о союзахъ, но, присмотрѣвшись къ нему ближе, вдругъ даже нашли, что онъ совсѣмъ не такъ ужъ опасенъ для ихъ интересовъ, что съ нимъ, собственно говоря, можно поладить... И пришли они къ такому пріятному для нихъ заключенію, благодаря тому обстоятельству, что они „тщательно изучили“ текстъ закона о союзахъ. Ихъ законовѣды оказали имъ въ этомъ отношеніи большую услугу: всѣ диспозиціи, всѣ выраженія, всѣ слова статей закона о союзахъ, которыя относятся къ конгрегаціямъ, были неоднократно пропущены этими законовѣдами сквозь умственное рѣшето реакціонной юридической казуистики, и въ результатѣ оказалось, что, „хотя, съ одной стороны, законъ... , зато, съ другой стороны, тотъ же законъ... , даже больше того, слѣдуетъ прямо сказать, что законодатель не запрещаетъ этого, хотя, какъ будто... Словомъ, слѣдуетъ эту статью интерпретировать въ такомъ то смыслѣ... Слѣдуетъ различать... , ибо текстъ не вполне ясенъ“....

Защитники конгрегацій, конечно, съ радостью набросились на эти толкованія съ цѣлью воспользоваться ими въ интересахъ ихъ кліентовъ, и въ результатѣ оказалось слѣдующее.

Вопреки ясно высказанному желанію законодателя, вопреки требованіямъ закона 1 іюля 1901 г., вопреки „мнѣнію“ Государственнаго Совѣта, были основаны послѣ изданія закона о союзахъ кон-

прегационныя учрежденія, которыя и не думали просить требуемаго закономъ разрѣшенія. Уже это одно обстоятельство, по убѣжденію нынѣшняго министра президента, Эмиля Комба (Emile Combes), вполне оправдываетъ принятыя правительствомъ мѣры. „Развѣ—спрашиваетъ онъ—оправданіе этихъ мѣръ не находится всецѣло въ отсутствіи просьбъ о разрѣшеніи? Развѣ образъ дѣйствія конгрегационныхъ учреждений не составляетъ въ полномъ смыслѣ слова вызова по адресу правительства? Развѣ конгрегации не создали въ полномъ смыслѣ слова анархическаго положенія вещей“?... И въ доказательство своихъ словъ министр-президентъ приводитъ слѣдующіе факты.

Когда правительство Вальдека-Руссо задумало внести въ палату депутатовъ законъ о союзахъ, въ его распоряженіи имѣлись только незначительныя данныя, относящіяся какъ къ конгрегациямъ, такъ и къ ихъ учрежденіямъ. Въ сущности, правительство имѣло тогда серьезныя свѣдѣнія только объ имѣвшихъ разрѣшеніе конгрегацияхъ. Мужскихъ конгрегаций, признанныхъ закономъ, существовало тогда всего пять, и эти пять конгрегаций имѣли пять только признанныхъ закономъ учреждений. Что же касается конгрегаций женщинъ, то число такихъ признанныхъ закономъ конгрегаций было въ то время 905, и число признанныхъ учреждений ихъ—2,870. Съ цѣлью собрать необходимыя свѣдѣнія относительно числа конгрегаций, существовавшихъ безъ разрѣшенія и, стало быть, не признанныхъ закономъ, правительство приступило, къ концу 1901 года, къ разслѣдованію, которое дало слѣдующіе результаты: кромѣ пяти признанныхъ конгрегаций мужчинъ, о которыхъ мы говорили выше, существовало 147 непризнанныхъ конгрегаций мужчинъ. Что же касается учреждений, существовавшихъ безъ разрѣшенія и основанныхъ этими конгрегациями, то ихъ оказалось 3,216... Съ другой стороны, разслѣдованіе показало, что рядомъ съ 905 признанными конгрегациями женщинъ имѣлись 606 такихъ конгрегаций непризнанныхъ, и что число учреждений, существовавшихъ безъ разрѣшенія и основанныхъ конгрегациями женщинъ, было, не болѣе, не менѣе, какъ 13,252, изъ коихъ 10,970 были основаны признанными конгрегациями женщинъ и 2,282 непризнанными...

Эти цифры очень краснорѣчивы.

Онѣ производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, какъ неосновательны были обвиненія, которыя защитники конгрегаций возводили на Вальдека-Руссо во время парламентскихъ дебатовъ, вызванныхъ его закономъ

о союзахъ; эти защитники обвиняли его въ томъ, что онъ смутилъ покой страны и совершенно напрасно „вторгся въ религіозную сферу“ гражданъ съ единственной и столь неважной цѣлью оторвать незначительное число монаховъ и монахинь отъ ихъ мирныхъ занятій. Не показываютъ ли самымъ яснымъ образомъ только что приведенныя цифры, какъ велика была опасность, которой подвергалась свободная Франція вслѣдствіе того, что Франція покрывалась сѣтью конгрегацій и ихъ учреждений, каковыя конгрегаціи и учрежденія находились почти все внѣ правительственнаго контроля и надзора, въ каковыхъ конгрегаціяхъ и учрежденіяхъ сосредоточились коалиціонныя силы всѣхъ реакціонеровъ?..

Однако, правительство въ примѣненіи на практикѣ закона 1 іюля 1901 г. было какъ можно болѣе мягкимъ.

Послѣ принятія этого закона законодательными собраніями до свѣдѣнія правительства дошло, что конгрегаціи не сочли нужнымъ испросить разрѣшеніе для ихъ учреждений, потому что онѣ полагали, что данное имъ разрѣшеніе охватываетъ и ихъ учрежденія. Тогда правительство постѣшило обратить вниманіе конгрегацій на неправильное толкованіе ими закона. Большая часть конгрегацій воспользовалась предупрежденіемъ правительства и обратилась съ просьбой о разрѣшеніи; дѣйствительно, въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года имѣлись 64 конгрегацій мужчинъ и 685 конгрегацій женщинъ, обратившихся за разрѣшеніемъ для болѣе чѣмъ 13,000 ихъ учреждений. Но—и это самое главное—тѣ учрежденія, которыя были основаны послѣ промѣнѣ закона 1 іюля 1901 г., категорически отказались просить разрѣшеніе и этимъ самымъ бросили вызовъ правительству республики.

Эти именно учрежденія явились объектомъ правительственнаго декрета отъ 27 іюня сего года.

Какъ намъ уже извѣстно, конгрегаціи, которыя основали эти учрежденія, утверждали, что послѣднія не должны были разсматриваться, какъ конгрегаціонныя учрежденія, такъ какъ члены конгрегацій были въ этихъ учрежденіяхъ только въ качествѣ служебнаго персонала, оплачиваемаго посторонними лицами.

Правда, эту теорію нѣкоторое время раздѣлялъ и самъ Вальдекъ-Руссо. Усомнившись, однако, въ справедливости своего толкованія, бывшій министръ-президентъ нашелъ необходимымъ попросить авторитетнаго разъясненія у Государственнаго Совѣта. Послѣдній въ своемъ извѣстномъ уже намъ „мнѣніи“ примѣнилъ только свою настоящую юриспруденцію по отношенію къ конгрегаціон-

нымъ учрежденіямъ. Ибо давно уже хотѣли укрѣпить тотъ взглядъ, что члены конгрегацій не образуютъ конгрегаціоннаго учрежденія, когда трудъ этихъ членовъ оплачивается посторонними лицами. Уже въ началѣ царствованія Луи-Филиппа прибѣгали къ этой тезѣ, и тогда уже Государственный Совѣтъ высказался въ противоположномъ смыслѣ.

Министръ-президентъ Emile Combes по этому поводу цитируетъ одного очень компетентнаго юриста и приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ сочиненій послѣдняго:

„Что подразумѣваютъ подъ словомъ „конгрегаціонное учрежденіе“? Сообразно инструкціи отъ 17 іюля 1825 г., сестры школь и благотворительныхъ учреждений, помѣщенныхъ въ зданіи, представленномъ общиной, рассматривались, какъ основывающія учрежденіе, нуждающееся въ разрѣшеніи короля, только въ томъ случаѣ, если конгрегація вступила въ вѣчное обязательство съ общиной (ст. 7); но съ 1830 г. пришли къ правильному заключенію, что это толкованіе закона служило только къ обходу закона, чтобы конгрегаціи могли избѣгать необходимости исполнять формальности, требуемыя закономъ при основаніи ихъ учреждений. Съ тѣхъ поръ и признали, и постановили правиломъ, что повсюду, гдѣ сестры, входящія въ составъ конгрегаціи, учреждаютъ школу или открываютъ благотворительное учрежденіе,—повсюду, словомъ, гдѣ онѣ устраиваются,—имѣется учрежденіе, зависящее отъ конгрегаціи, и, стало быть, имѣется необходимость въ полученіи разрѣшенія“.

И, дѣйствительно, Государственный Совѣтъ, который долженъ былъ высказаться по этому вопросу въ 1838 и 1840 г.г., высказался въ этомъ смыслѣ.

Стало быть „мнѣніе“, высказанное въ этомъ году Государственнымъ Совѣтомъ, нисколько не является новымъ, „составленнымъ для удовлетворенія правительства“, какъ это инсинуируютъ защитники конгрегацій.

Противъ „мнѣнія“ Государственнаго Совѣта выставляютъ недавнее же рѣшеніе кассационной палаты, которое гласитъ, что органическій законъ о первоначальномъ обученіи даетъ учителю право открыть свою школу мѣсяць послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ заявленіе, требуемое закономъ. Но, по глубокому убѣжденію нынѣшняго министра-президента Эмиля Комба, это рѣшеніе кассационной палаты нисколько не отнимаетъ у учрежденія его *конфессіональнаго характера*, а посему учрежденіе подлежитъ—что касается его открытія—формальностямъ 13 статьи закона о союзахъ, если учре-

жденіе находится въ завѣдываніи члена конгрегаціи. Изъ этого рѣшенія только вытекаетъ, что это не въ органическомъ законѣ о первоначальномъ обученіи, а въ законѣ о союзахъ слѣдуетъ искать санкцію дѣйствій, совершенныхъ конгрегаціоннымъ учрежденіемъ, открытымъ безъ разрѣшенія. Какова можетъ быть эта санкція? Дается ли эта санкція судебнымъ порядкомъ? Приводится ли она въ исполненіе административнымъ порядкомъ? Вотъ вопросы крайней важности. По утвержденію министра-президента Комба, нынѣшнее французское правительство изучило эти вопросы съ величайшимъ вниманіемъ, такъ какъ оно всѣми силами старалось избѣгнуть какого бы то ни было произвола въ примѣненіи закона, о которомъ народные представители высказались во всѣхъ отношеніяхъ.

Три статьи закона о союзахъ могли особенно интересовать правительство въ данномъ случаѣ, это—извѣстныя уже намъ статьи: 13, 16 и 18.

Вспомнимъ, что статья 16 требуетъ, чтобы каждая конгрегація имѣла разрѣшеніе. Санкція: штрафъ и упраздненіе конгрегаціи судебной властью.

Вспомнимъ, что статья 18 говоритъ, что конгрегаціи, которыя будутъ существовать въ моментъ промульгаціи закона о союзахъ, будутъ считаться безъ дальнѣйшихъ мѣропріятій (*de plein droit*) упраздненными, если онѣ не докажутъ, что онѣ исполнили всѣ формальности для полученія разрѣшенія.—Санкція: ликвидація имущества конгрегаціи судебной властью.

Статьи 16 и 18 говорятъ только о *конгрегаціяхъ*. Правительство же въ данномъ случаѣ имѣло въ виду единственно *учрежденія*. Правительство, поэтому, пришло къ убѣжденію, что оно не можетъ примѣнять санкцію,—предвидѣнную этими двумя статьями,—къ конгрегаціоннымъ *учрежденіямъ*, основаннымъ безъ разрѣшенія.

Впрочемъ, для большей еще увѣренности правительство консультировало по этому поводу министерство юстиціи, каковое министерство категорически заявило, что, считаясь съ формальными выраженіями статей 16 и 18 закона о союзахъ, нельзя преслѣдовать существующія безъ разрѣшенія конгрегаціонныя учрежденія передъ судебной властью.—„И вотъ,—говоритъ министр-президентъ,—вслѣдствіе полного отсутствія санкціи судебнымъ порядкомъ, мы принуждены были ухватиться за административную санкцію, законность которой зиждется на статьѣ 13“... Какъ намъ уже извѣстно, эта послѣдняя статья—въ своей второй половинѣ—провозглашаетъ,

что упраздненіе конгрегаціи или закрытіе учрежденія конгрегаціоннаго можетъ быть произнесено декретомъ (президента республики) согласно мнѣнію совѣта министровъ.

Правительство и издало тогда декретъ 27 іюня.

Если, какъ это удостовѣрилъ своимъ авторитетнымъ „мнѣніемъ“ Государственный Совѣтъ, учрежденія, въ данномъ случаѣ—школы, которыми завѣдывали члены конгрегацій, являлись конгрегаціонными учрежденіями, если эти послѣднія, не смотря на предупрежденія со стороны правительства, наотрѣзъ отказывались просить требуемаго закономъ разрѣшенія, если правительство лишено было возможности, въ силу статей закона о союзахъ, преслѣдовать эти незаконно существовавшія учрежденія (школы) передъ судомъ, и если, наконецъ, въ рукахъ правительства осталась одна только административная санкція, то развѣ декретъ 27 іюня не является въ высшей степени логичнымъ и законнымъ государственнымъ актомъ?

Но вотъ защитники конгрегацій тогда нашли, что административная санкція, о которой говорится въ 13 статьѣ, не примѣнима къ конгрегаціоннымъ учрежденіямъ, существующимъ безъ разрѣшенія, потому что въ этой статьѣ говорится только о конгрегаціяхъ и ихъ учрежденіяхъ, признанныхъ закономъ, получившихъ, стало быть, разрѣшеніе. Министру-президенту не трудно было, однако, опровергнуть эту тезу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что принятіемъ 13 статьи закона о союзахъ законодатель хотѣлъ дать исполнительной власти, въ силу принадлежащаго этой исполнительной власти права государственной охраны (*droit de haute police*), право распустить даже признанную специальнымъ закономъ конгрегацію.

„Тѣмъ паче это право государственной охраны, право, которое Вальдекъ-Руссо требовалъ такъ резонно по отношенію къ признаннымъ конгрегаціямъ, находить свое примѣненіе по отношенію къ учрежденіямъ, основаннымъ безъ требуемаго закономъ разрѣшенія! Въ противномъ случаѣ нужно будетъ придти къ тому абсурдному заключенію, что точно такъ же, какъ и суды, администрація не имѣетъ никакихъ средствъ дѣйствовать на эти учрежденія“... И дѣйствительно, весь вопросъ сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы знать, остается-ли правительство, которое законъ вооружаетъ правомъ распустить (*dissoudre*) признанную конгрегацію, безъ всякаго оружія по отношенію къ конгрегаціоннымъ учрежденіямъ, существующимъ безъ разрѣшенія? Отвѣтить положительно на этотъ вопросъ было бы не

только противорѣчіемъ тексту закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ „преданіемъ общественному осмѣянію и закона, и законодателя, который создалъ его“... „оказалось бы, что совершенно напрасно народные представители такъ много трудились надъ составленіемъ закона о союзахъ, который имѣлъ главнымъ образомъ въ виду конгрегаціи. Оказалось бы, что совершенно напрасно законодатель оставилъ за собою право изслѣдовать статуты конгрегацій и давать или не давать разрѣшенія конгрегаціямъ; оказалось бы, что совершенно напрасно законодатель довѣрилъ исполнительной власти право рѣшать относительно каждаго учрежденія; оказалось бы, что формальности, которыя законодатель предписалъ, что гарантіи, которыми онъ себя окружилъ,—все это оказалось бы пустымъ звукомъ, мертвой буквой, если бы достаточно было не исполнить главной формальности—не просить разрѣшенія, чтобы бросить насмѣшливый вызовъ правительству и суду“...

V.

Сойдемъ съ арены чисто юридическаго поединка между правительствомъ и защитниками конгрегацій, при которомъ мы до сихъ поръ присутствовали; оставимъ правительство въ тотъ моментъ, когда его краснорѣчиво-юридическія аргументаціи увлекаютъ за собою громадное большинство народныхъ представителей, и правительство выходитъ побѣдителемъ изъ боя... Вернемся немного назадъ, постараемся выяснитъ нѣкоторые вопросы, которые остаются для насъ еще темными.

Не подлежитъ сомнѣнію—и само правительство этого нисколько не отрицаетъ,—что правительство въ толкованіи 13-ой статьи закона о союзахъ было непослѣдовательно. Въ первое время послѣ промульгаціи этого закона, какъ Вальдекъ Руссо, такъ и бывший при немъ министръ народнаго просвѣщенія Лейгъ находятъ, что нѣтъ учрежденія тамъ, гдѣ школьное зданіе принадлежит не членамъ конгрегацій. Потомъ они вдругъ радикально мѣняютъ свой взглядъ на то, что такое—конгрегаціонное учрежденіе: эта непослѣдовательность со стороны правительства и дала защитникамъ конгрегацій сильное оружіе для—на первый взглядъ—справедливаго нападенія на правительство: „какъ,—кричатъ они,—вы сегодня утверждаете одно, а завтра—чисто противоположное: не проникнуты ли сами толкованія закона духомъ

полнаго произвола?!“... Справедливость требуетъ замѣтить, что, сколько бы ужь тамъ ни приходило на помощь министерству „мнѣніе“ Государственнаго Совѣта, рѣзкая перемѣна фронта правительствомъ по отношенію взгляда его на школы, въ которыхъ члены конгрегацій только преподають, была вызвана не тѣмъ, что правительство вдругъ ясно увидѣло, что, съ юридической точки зрѣнія, оно неправильно до сихъ поръ толковало законъ, а чисто политическими причинами...

Такой проницательный юристъ, такой замѣчательный государственный дѣятель, какъ Вальдекъ-Руссо, чуть-чуть не попался въ разставленную ему ловушку...

Законъ о союзахъ, въ его примѣненіи къ конгрегаціямъ, чуть-чуть не оказался „пустымъ звукомъ, мертвой буквой“...

И все это потому, что правительство Вальдека-Руссо, которое оппозиція обвиняла чуть ли не въ каннибальствѣ, хотѣло отнестись къ своимъ противникамъ очень снисходительно!

Бывшій при Вальдекѣ-Руссо министромъ народнаго просвѣщенія г. Лейгъ рассказываетъ по этому поводу очень интересную и длинную исторію.

За недостаткомъ мѣста, мы передадимъ тутъ эту исторію въ ея сжатомъ изложеніи.

Послѣ принятія парламентомъ закона 1-го іюля 1901 г., къ Вальдеку-Руссо и къ Лейгу отправилась депутація видныхъ консервативныхъ депутатовъ, которые явились къ нимъ съ просьбой какъ можно снисходительнѣе примѣнять новый законъ. Депутація обратила вниманіе членовъ правительства на нѣкоторые случаи, когда конгрегаціи не являлись ни собственниками, ни нанимателями зданій, въ которыхъ члены конгрегацій являлись только служебнымъ персоналомъ. Въ виду того, что такихъ „случаевъ“ было въ то время очень мало, депутація особенно просила Вальдека-Руссо не беспокоить ихъ. Вальдекъ-Руссо легко согласился на ихъ просьбу, и тогда же было рѣшено, что правительство не будетъ требовать разрѣшенія отъ такихъ учреждений. Министръ народнаго просвѣщенія и послѣшилъ потомъ издать циркуляръ въ этомъ смыслѣ (мы привели выше этотъ циркуляръ).

Защитники конгрегацій очень ловко воспользовались этой неосторожной уступкой правительства.

Они вывели заключеніе,—которое и формулировали въ юридическихъ консультаціяхъ,—что статья 13 закона о союзахъ имѣетъ въ виду только учрежденія, основанныя самими конгрегаціями, что

эта статья не имѣетъ въ виду школы, зданіе которой не принадлежитъ въ собственность конгрегаціи или не нанято ею.

Реакціонная пресса съ жадностью набросилась на эту тему и распространила ее по всѣмъ угламъ французскаго католическаго міра.

Конгрегаціи поняли, что, благодаря практическому примѣненію этой тезы, имъ можно будетъ обойти законъ о союзахъ, который имъ внушалъ такой страхъ.

Статья 13 не имѣла больше практическаго смысла, не существовала больше!

Результатъ не преминулъ оказаться.

Не только конгрегаціи сразу перестали просить разрѣшенія для ихъ учрежденій, но онѣ взяли обратно около двухъ тысячъ просьбъ о разрѣшеніи, съ которыми онѣ было раньше обратились въ Государственный Совѣтъ.

Въ мірѣ конгрегацій то и дѣло происходили оживленные переговоры,—искали и находили вѣрныхъ людей, которые покупали или нанимали на свое имя зданіе для школы. Конгрегаціонныя школы превращались, такимъ образомъ, въ школы, принадлежащія третьимъ лицамъ. То, что раньше являлось исключеніемъ, становилось общимъ правиломъ. Положеніе вещей въ нѣсколько дней радикально измѣнилось. Законъ 1901 г. не имѣлъ больше смысла; онъ не имѣлъ больше объекта.

Правительство спохватилось.

Оно—немного поздно—увидѣло, что черезъ неосторожно открытую ею дверь „бочкомъ“ проберутся всѣ конгрегаціи, что конгрегаціонныя школы по прежнему будутъ находиться внѣ правительственнаго контроля, такъ какъ эти школы официально не будутъ считаться конгрегаціонными...

Тогда г. Лейгъ отъ имени правительства обратился въ Государственный Совѣтъ съ просьбой дать свое авторитетное „мнѣніе“. Г. Лейгъ поставилъ Государственному Совѣту слѣдующій вопросъ:

„Въ случаѣ открытія школы однимъ или многими членами конгрегаціи, должно ли разсматривать эту школу, какъ новое учрежденіе, открытое конгрегаціей, кто бы ни былъ собственникъ или наниматель зданія и каковъ бы ни былъ способъ вознагражденія обучающаго персонала?“

Мы уже знаемъ, что Государственный Совѣтъ поспѣшилъ отвѣтить положительно на этотъ вопросъ.

Правительство вздохнуло свободнѣе.

Правда, „мнѣніе“ Государственнаго Совѣта не есть законъ: оно не обязательно для правительства, но въ данномъ случаѣ правительство схватилось за это „мнѣніе“, какъ за якорь спасенія.

Ибо „какъ бывшее, такъ и нынѣшнее министерство никоимъ образомъ не можетъ позволить, чтобы законъ, который такъ долго обсуждался, который всесторонне изучили съ такой заботой, который далъ мѣсто такимъ значительнымъ, такимъ славнымъ парламентскимъ дебатамъ, былъ превращенъ въ ничто, благодаря простой уловкѣ“...

VI.

Образъ дѣйствія защитниковъ конгрегацій—коалиціи всѣхъ реакціонныхъ силъ Франці—выдвинулъ, между прочимъ, интересный вопросъ, входящій въ область французскаго конституціоннаго права. Какъ извѣстно, нѣсколько дамъ парижскаго высшаго свѣта, которыя взяли на себя починъ устроить въ Парижѣ манифестаціи женщинъ противъ закрытія конгрегаціонныхъ школъ, отправились въ Елисейскій дворецъ съ цѣлью просить отъ имени „христіанскихъ женщинъ“ („*mères chrétiennes*“) заступничества г-жи Лубе, супруги президента республики. Г-жа Лубе отказалась принять этихъ дамъ. Консервативная французская пресса нашла этотъ поступокъ возмутительнымъ: не является ли этотъ отказъ прекраснымъ доказательствомъ, что въ Елисейскомъ дворцѣ—подъ президентствомъ г-на Лубе—господствуетъ партійный духъ якобинства, и что двери этого дворца глухо закрыты для справедливыхъ и мирныхъ просьбъ „истинно-мыслящихъ“ французовъ? Впрочемъ, консервативныя партіи давно уже обвиняютъ нынѣшняго президента французской республики въ томъ, что онъ далеко не является тѣмъ высоко-безпристрастнымъ первымъ магистратомъ, который не служить—и не долженъ служить—никакимъ интересамъ той или другой партіи и который долженъ имѣть въ виду только общее благо Франці. И вотъ, въ томъ обстоятельствѣ, что г. Лубе призвалъ недавно ко власти министерство г. Комба, что онъ принялъ декретъ 27 іюня, послѣ того, какъ въ своихъ извѣстныхъ рѣчахъ онъ такъ горячо высказался „за забвеніе партійныхъ смуть“, консерваторы черпаютъ неоспоримое, по ихъ словамъ, оправданіе ихъ утвержденіямъ.

Предоставляетъ ли законъ президенту республики возможность дать внутренней и внѣшней политикѣ Франціи желательное ему направленіе? Другими словами, личныя идеи президента республики могутъ ли имѣть преобладающее вліяніе въ государственной жизни Франціи?

Отвѣтить на этотъ вопросъ—значить вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, справедливы ли утвержденія оппозиціи, что нынѣшній президентъ французской республики—человѣкъ партіи въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Какъ извѣстно, мы должны искать отвѣта на поставленный нами вопросъ въ диспозиціяхъ конституціоннаго закона 25 февраля 1875 г.

Вспомнимъ же—въ ея характерныхъ чертахъ—роль, отведенную французской конституціей президенту республики.

Прерогативы власти президента французской республики во многомъ напоминаютъ прерогативы монархической власти въ странахъ съ представительными учрежденіями.

Особенно бросается въ глаза параллель, которую можно провести между властью президента французской республики и властью англійскаго короля.

Президентъ французской республики даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пользуется большей свободой въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ англійскій король.

Такъ, президентъ французской республики имѣетъ право председательствовать на совѣтѣ министровъ и принимать иностранныхъ пословъ внѣ присутствія министра иностранныхъ дѣлъ. Англійскій же король не председательствуетъ никогда на совѣтѣ министровъ, и обычай требуетъ, чтобы при приѣмѣ королемъ пословъ присутствовалъ министръ.

Въ сравненіи со властью президента Соединенныхъ Штатовъ власть президента французской республики оказывается очень широкой.

Вспомнимъ только, что во Франціи это президентъ республики, который свободно назначаетъ на всѣ высшія государственныя должности, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ президентъ лишень этого права.

Президенту французской республики принадлежитъ право помилованія (*droit de grace*); ему принадлежитъ также законодательная инициатива.

Президентъ французской республики располагаетъ сильнымъ

орудіемъ борьбы противъ большинства народныхъ представителей въ палатѣ депутатовъ, если бы это большинство пожелало навязать ему министерство, политической программы котораго онъ не является адептомъ: онъ, съ согласія сената, можетъ распустить палату депутатовъ и апеллировать такимъ образомъ къ французскому народу.

Однако, при созданіи министерства президентъ французской республики долженъ руководствоваться только ясно выраженной волей большинства народныхъ представителей; съ другой стороны, онъ можетъ прибѣгать къ распусценію палаты депутатовъ и къ новымъ выборамъ только въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ можетъ рассчитывать, что новые выборы дадутъ благопріятное для его личной политики большинство.

Президентъ французской республики является верховнымъ вождемъ арміи. Въ военное время онъ имѣетъ право стать во главѣ французской арміи въ качествѣ главнокомандующаго. Онъ располагаетъ правомъ созывать „высшій военный совѣтъ“ и председательствовать на немъ.

Скажемъ мимоходомъ, что нынѣшній президентъ, г. Лубе широко пользуется этимъ правомъ.

Но гдѣ прерогативы власти президента французской республики особенно велики,—это когда рѣчь идетъ о вѣшной политикѣ Франціи.

Президентъ республики является единственнымъ представителемъ Франціи въ ея сношеніяхъ съ другими странами.

Президенту республики принадлежитъ право заключать и ратифицировать договоры съ иностранными державами.

Только тѣ договоры, которые обязательно должны повлечь за собою извѣстные бюджетные расходы („qui engagent les finances de l'Etat“), или которые касаются правъ состоянія французскихъ подданныхъ, должны быть приняты законодательными собраніями до ратификаціи ихъ президентомъ республики.

Отсюда слѣдуетъ, что президентъ республики облеченъ крайне значительной властью лично заключить политическій союзъ (traité d'alliance) съ той или другой державой и не нуждается для этого въ согласіи законодательныхъ собраній, если договоръ о союзѣ не заключаетъ обязательствъ, затрагивающихъ финансы Франціи.

Въ случаѣ заключенія имъ такого договора президентъ республики обязанъ сообщить этотъ договоръ народнымъ представителямъ, но время сообщенія вполне предоставлено выбору прези-

дента: когда онъ найдетъ, что государственные интересы Франціи отъ этого не пострадаютъ, онъ и сдѣлаетъ это сообщеніе.

Вотъ почему союзный договоръ, заключенный между Франціей и Россіей, еще до сихъ поръ не былъ сообщенъ французскимъ законодательнымъ собраніямъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что политическая программа президента республики можетъ имѣть чувствительное вліяніе на внутреннюю и особенно на внѣшнюю политику Франціи.

Однако, что касается внутренней политики, конституціонный законъ 25 февраля 1875 г. ставитъ дѣйствія президента республики въ постоянную зависимость отъ воли большинства народныхъ представителей, которые, въ свою очередь, опираются на волю большинства избирателей.

Стало бытъ, президентъ республики только тогда можетъ послѣдовательно проводить свои личныя политическія идеи, когда эти послѣднія вполне гармонируютъ съ ясно выраженной волей большинства французскаго народа.

Въ противномъ случаѣ, ему остается только или „подчиниться“ волѣ большинства, или отказаться отъ должности— „se soumettre ou se demettre“.

Намъ тутъ не приходится разсматривать вопросъ о томъ, встрѣчаетъ ли воля большинства народныхъ представителей всесторонній отзвукъ въ личныхъ идеяхъ нынѣшняго президента республики г. Лубе.

Намъ интересно было выяснитъ, имѣютъ ли нѣкоторое основаніе обвиненія оппозиціи, что г. Лубе является, вопреки французской конституціи, „человѣкомъ партіи“.

Во всѣхъ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ г. Лубе являлся до сихъ поръ прежде всего послушнымъ исполнителемъ органическихъ законовъ Франціи.

Р. Г. Шавельскій.

VII.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Пересмотръ вопроса о феодализмѣ на Руси.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Закладничество—патронатъ. Слб., 1897

— Новое объясненіе закладничества (Ж. М. Н. П., 1901, X).

— Имунитетъ въ удѣльной Руси. Слб., 1900.

— Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси. Слб., 1901.

В. П. Сергѣевичъ. Закладничество въ древней Руси (Ж. М. Н. П., 1901, IX).

Ө. В. Тарановскій. Новѣйшее ученіе о феодализмѣ древней Руси. Варшава, 1902.

Одинаковыя причины (экономическія, географическія, духовныя, юридическія и т. д.) всегда и вездѣ производятъ одинаковыя слѣдствія и притомъ совершенно самостоятельно внѣ всякихъ заимствованій. Послѣднія могутъ дать только первый толчекъ къ развитію институтовъ, уже имѣющихся въ зародышѣ на данной почвѣ, но и только. Такъ, напр., у насъ зерно вассалитета и защиты могли дать варяги, а зерна имунитета и помѣстья могли прийти къ намъ и изъ Византіи черезъ южныхъ славянъ, но этимъ дѣло и ограничилось, тѣмъ болѣе, что самая возможность даже минимальной дозы заимствованій въ этой области еще спорна. Мѣстныя же и временныя особенности (вопреки П. Н. Милюкову, на основаніи ихъ, рѣзко противопологающему русское и западно-европейское историческое развитіе) вліяютъ только на частности институтовъ,

въ одной странѣ и въ одно время подчеркивая одну ихъ сторону, въ другой же странѣ и въ другое время—другую.

Но если это такъ, то всякій институтъ можно вполне понять и объяснить только путемъ сравненія его въ разныя времена и въ разныхъ странахъ. Иначе всегда рискуешь получить его однобокое освѣщеніе. М. М. Ковалевскій и В. И. Сергѣевичъ съ ихъ школами, внося сравнительный методъ въ науку исторіи русскаго права (и не только Петербургскаго и доудѣльнаго, но, вопреки г. Тарановскому, и удѣльнаго и Московскаго), придали тѣмъ самымъ ей еще небывалый у насъ блескъ и развитіе и въ немалой степени содѣйствовали, по справедливому замѣчанію г. Тарановскаго, уничтоженію и расчищенію царившей здѣсь раньше „самодѣльщинѣ самобытныхъ идей и категорій“, тормозившей научное развитіе.

Только, къ сожалѣнію, расчистка эта далеко еще не кончена. Такъ, напр., до 1897 г. среди серьезныхъ историковъ у насъ считалось неприкрытымъ даже говорить о томъ, чѣмъ проявилъ себя феодализмъ на Руси, хотя такіе институты, какъ закладничество и иммунитеты и нѣкоторые особенности землевладѣнія и службы прямо наталкивали историковъ на этотъ вопросъ. Правда, еще Карамзинъ, Полевой и Кавелинъ признавали на Руси феодализмъ, хотя и не научно, именно, въ смыслѣ раздѣла завоеванной страны между дружинниками завоевателями. Болѣе научно г. Чичеринъ признавалъ тожество основныхъ началъ быта русскаго и западнаго, произвольно только противопоставляя русскіе индивидуализмъ и шаткость договорныхъ отношеній западнымъ союзности и прочности этихъ отношеній. Соловьевъ указалъ на существованіе въ древней Руси патроната, Неволинъ—феодалныхъ иммунитетовъ, хотя оба они это сдѣлали и очень уклончиво и съ большими недомолвками. Последнее и привело къ тому, что путь, указанный этими тремя историками, не привлекъ никого, тѣмъ болѣе, что у насъ и мало знали своеобразное наше удѣльное время и понимали западно-европейскій феодализмъ въ преувеличенно рѣзкихъ чертахъ. Не малю тутъ значилъ и авторитетъ Градовскаго, усиленно подчеркивавшего черты несходства между русскими и феодальными порядками. Такимъ образомъ всѣ цѣнныя мысли и наблюденія Чичерина, Неволіна и Соловьева были забыты и не получили дальнѣйшаго развитія.

Тѣмъ не менѣе матеріаль для пересмотра вопроса о феодализмѣ на Руси накапливался понемногу самъ собой. Гг. Владимірскаго-

Будановъ и Леонтовичъ выяснили много учреждений славянскихъ древнѣйшаго времени, тождественныхъ съ германскими. Гг. Ключевскій и Платоновъ занялись вопросомъ о княжатахъ и борьбѣ съ ними Ивана Грознаго. Важное значеніе тутъ имѣли и недавно открытые акты, дававшіе новое освѣщеніе тому, что уже знали раньше (Тверская писцовая книга 1548 г., сохранившая слѣды служилыхъ отношеній удѣльнаго времени; акты гг. Вахромѣева, Дебольскаго, Дьяконова, Федотова-Чеховскаго, Юшкова; литовская метрика, русская историческая библіотека и т. д.).

Такимъ образомъ вопросъ о феодализмѣ на Руси давно уже носился въ воздухѣ, ожидая изслѣдователя, который облекъ бы его въ плоть и кровь, что и сдѣлалъ г. Павловъ-Сильванскій въ его въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ брошюрахъ, указанныхъ нами въ заголовкѣ этой статьи (хотя, правда, пока только для XIII—XV вв. и въ самыхъ общихъ чертахъ).

Въ нихъ онъ знакомитъ насъ съ русскими коммendaціею, какъ личной и земельной, такъ и исключительно личной (закладничество)¹⁾ и мундатуріемъ („жить опрись въ брезѣ великаго князя“). Говоритъ здѣсь онъ и о дружинѣ въ смыслѣ вольнаго военнаго товарищества, близкаго къ князю и въ то же время самостоятельнаго относительно его, отличающагося при томъ какъ отъ земской знати, такъ и отъ народнаго ополченія. Говоритъ онъ и о вассалитетѣ, развившемся какъ у насъ, такъ и на западѣ изъ дружинныхъ отношеній и являющемся въ сущности отдѣлившейся отъ князя осѣдлой землевладѣльческой дружиной. Таковой, вопреки г. Чичерину, г. Павловъ-Сильванскій считаетъ у насъ боярскую службу, видя въ ней вольную военную службу князю за его покровительство и матеріальную помощь въ формѣ земли и доходныхъ должностей. Въ высшей степени любопытны здѣсь указанія г. Павлова-Сильванскаго и на наши подвассальныя боярскія и владычныя дружины, особенно, если сопоставить ихъ съ взглядами на тотъ же предметъ г.г. Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова. А инвеституры если у насъ и не было, за то было челобитье, сближаемое г. Павловымъ-Сильванскимъ съ обрядомъ коммendaціи.

Признаетъ г. Павловъ-Сильванскій существованіе на Руси и бенефиций (служныхъ земель) и *fief-officię* въ (кормленій). Именно,

¹⁾ Брошюра г. Павлова-Сильванскаго „закладничество-патронатъ“ была своевременно рецензирована въ нашемъ журналѣ. Поэтому о ней здѣсь не распространяемся.

въ удѣльное время находимъ у насъ въ качествѣ условно пожалованныхъ земель служни земли, связанные съ свободнымъ вассально-служебнымъ договоромъ слуги съ господиномъ, съ XVI же в. помѣстья, связанные съ обязательной службой государству. Но, если кормленія у насъ были такъ-же широко распространены, какъ и на западѣ, то бенефиціи въ удѣльное время у насъ были рѣдки. Но господствовавшее тогда боярское вотчинное землевладѣніе по Павлову-Сильванскому тоже въ существенныхъ чертахъ тождественно съ западнымъ вотчиннымъ феодаломъ. Какъ на западѣ феодалы вмѣстѣ съ ихъ ленами-феодами переходили къ другому сеньеру, такъ и у насъ бояре отбѣзжали съ вотчинами. Мало того. Въ 1507 г. у насъ даже игумень Іосифъ отбѣзжалъ съ своимъ монастыремъ отъ волоцкого князя къ московскому!

Затѣмъ, какъ на западѣ, такъ и на Руси, по Павлову-Сильванскому, наблюдаемъ мы иммунитеты въ смыслѣ свободы *ab introitu iudicium* (волостелей) и отъ податной и судебной зависимости въ общемъ порядкѣ. Любопытно, что по Павлову-Сильванскому право землевладѣльца судить его людей по ихъ взаимнымъ претензіямъ—гипотеза западно-европейскихъ историковъ—превращается въ несомнѣнный фактъ нашими жалованными грамотами. Нашъ смѣстный судъ тоже гораздо удачнѣе западнаго способа рѣшенія смѣстныхъ дѣлъ монастырскими властями или королевскими въ присутствіи представителя монастыря. Вопреки Вайцу, г. Павловъ-Сильванскій предполагаетъ также по аналогіи съ русскими порядками и на западѣ въ древнее время полный объемъ власти вотчинныхъ судей.

Что же касается вопроса о происхожденіи иммунитета, то по Вайцу иммунитетъ—Созданіе королей: В. И. Сергѣевичъ примыкаетъ къ той же теоріи (Рус. Юр. Др., I, 1 изд., 328 и 331). Цепфль считаетъ иммунитетъ исконнымъ обычнымъ правомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, возникшимъ изъ исконной неприкосновенности частнаго жилища, дома и двора съ правомъ убѣжища. Эйхгорнь считаетъ иммунитетъ преимуществомъ антрустіоновъ. Мауреръ видитъ начало иммунитета въ исконной свободѣ крупныхъ имѣній отъ общинныхъ узъ. Неволинъ производитъ иммунитетъ изъ общаго обычнаго права (ист. гр. з, II, 149). Г. Павловъ-Сильванскій примыкаетъ къ Мауреру и Неволину и вполне справедливо: 1) вся древнерусская жизнь опредѣлялась обычаемъ; 2) иммунитеты повсемѣстны; 3) княжеская власть постепенно распространялась, а не уменьшалась.—Акты Фед.-Чех., I, 1 говоритъ тоже за Павлова-Сильванскаго. Только мнѣніе Маурера намъ кажется освѣщающимъ

лишь одну сторону вопроса. Истинное понятіе о предметѣ даетъ лишь синтезъ мнѣній его, Эйхгорна и Цепфля ¹⁾).

Находитъ г. Павловъ-Сильванскій на Руси и вотчины какъ съ полусуверенными правами (мелкія княжескія), такъ и сенъеригосударства (великія княжества). Находитъ на Руси г. Павловъ-Сильванскій и *graciarie* какъ *datae*, такъ и *oblatae*. Видитъ онъ и у насъ феодальный духъ свободы и независимости въ отношеніяхъ бояръ къ князю и разбои, насилія и грабежи сильныхъ людей, какъ слѣдствіе этого духа, причѣмъ насиліями впрочемъ отличались и великокняжескія власти. Насилія и самоуправства по Павлову-Сильванскому и вели у насъ, какъ и на западѣ, къ широкому развитію частныхъ союзовъ защиты вообще и въ частности патроната-закладничества и вассальной службы, какъ одного изъ отношеній защиты.

Только раздробленіе суверенитета въ Россіи, въ зависимости отъ чрезвычайнаго размноженія нашихъ рюриговичей, въ противоположность быстрому вымиранію западныхъ каролинговъ, совершилось не путемъ узурпаціи, какъ на западѣ, а путемъ княжескихъ раздѣловъ. Рыцарскій духъ у насъ тоже не развился въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Да и вообще наши князата, бояре и владыки были слабѣе западныхъ феодаловъ, благодаря отсутствію у насъ въ удѣльное время крѣпостного права, почему князья-государя такъ быстро и справились съ ними.

Феодальные же замки видитъ г. Павловъ-Сильванскій у насъ, болѣе остроумно, чѣмъ убѣдительно, въ монастыряхъ и княжескихъ городкахъ и кремляхъ. Считая феодализмъ, вмѣстѣ съ Лампрехтомъ, организованнымъ натуральнымъ хозяйствомъ, признаетъ г. Павловъ-Сильванскій и тожество въ основныхъ чертахъ съ германскими нашихъ волостного устройства, вотчиннаго хозяйства и управленія и отношеній вотчинъ къ волостямъ (маркамъ), хотя пока и не доказываетъ этого, а лишь указываетъ.

Таковы взгляды г. Павлова-Сильванскаго. Заслуга его и состоитъ въ томъ, что онъ снова поднялъ вопросъ о феодализмѣ на Руси (впрочемъ, пока лишь по выраженію г. Тарановскаго „во виѣшней его структурѣ“, а по выраженію самого г. Павлова-Сильванскаго

¹⁾ Жаль также, что относительно иммунитетовъ г. Павловъ-Сильванскій не воспользовался превосходной работой П. И. Бѣляева „Источники древне-русскихъ законодательныхъ памятниковъ“, выясняющей генезисъ и типы грамотъ.

въ его „скелетѣ“) послѣ 50-лѣтняго молчанія о немъ нашихъ историковъ, обративъ вниманіе ученыхъ (напр. г.г. Владимірскаго-Буданова, Роткова, Сергѣевича и Тарановскаго) на наличность въ удѣльной Руси тождественныхъ съ германскими феодальныхъ отношеній, намѣтилъ широкую программу изслѣдованія этихъ отношеній и указалъ правильный методъ для него.

Только для полнаго рѣшенія вопроса о феодализмѣ на Руси всего этого еще мало. По справедливому замѣчанію г. Тарановскаго, для этого надо, кромѣ солиднаго экономическаго обоснованія, общаго г. Павловымъ-Сильванскимъ, еще специальное изслѣдованіе пѣлаго ряда вопросовъ, изъ которыхъ важнѣйшими г. Тарановскій признаетъ слѣдующіе: 1) выясненіе строя русскаго домена; 2) изученіе въ удѣльной Руси сословности, какъ существеннаго продукта и признака развитой системы феодализма; 3) проведеніе сравненія нашего удѣльнаго періода съ эпохой не только образованія, но и полнаго развитія феодализма на западѣ; 4) разъясненіе военной организаціи, въ частности военнаго предводительства феодаловъ; 5) органическое объясненіе „окняженія“ земли, являющагося пока, какъ *deus ex machina*; 6) болѣе точное опредѣленіе юридическаго положенія „княжатъ“ и ихъ отношеній къ князьямъ и боярамъ; 7) вообще выясненіе вопроса о феодальной іерархіи; 8) подробное изученіе по отдѣльнымъ землямъ.

Пока же вопросъ о феодализмѣ на Руси до того еще запутанъ и неясенъ, что, напр., В. И. Сергѣевичъ, отрицая судебную зависимость закладника отъ господина, все же ставитъ наше закладничество въ самую тѣсную связь съ заемнымъ обязательствомъ и съ системой обложенія и считаетъ его причинявшимъ правительству убытки, почему послѣднее постоянно его и запрещало въ XIII—XVII в.в. А западно-европейское клѣнство, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, не выходя изъ предѣловъ частной домашней жизни, законамъ нашимъ не извѣстно. Съ клѣнтами же В. И. Сергѣевичъ сближаетъ нашихъ дружинниковъ, вольныхъ слугъ. Послѣдніе, по его мнѣнію, со временемъ, какъ и императорскіе клѣнты Рима, перешли въ придворные чины и заполнили собою княжескій дворъ и всѣ приказы. А г. Павловъ-Сильванскій сопоставляетъ закладней удѣльнаго времени съ римскимъ *patrocinium vicorum*, римскую же клѣнтелу съ нашими знакомцами и держальниками. И въ этой контраверзѣ г.г. Сергѣевичъ и Павловъ-Сильванскій аргументируютъ съ почти равною убѣдительностью.

Поэтому мы и не можемъ согласиться съ г. Тарановскимъ, когда

онъ признаетъ убѣдительною документальную аргументацію г. Павлова-Сильванскаго. До этого еще очень далеко (особенно по вопросамъ брошюры „Феодальныя отношенія удѣльной Руси“, гдѣ не находимъ даже послѣдовательнаго параллелизма русскихъ и западныхъ порядковъ, такъ выгодно отличающаго другія работы г. Павлова-Сильванскаго). И еще не мало придется поработать ему надъ выдвинутыми имъ вопросами, чтобъ его выводы, несмотря на всю ихъ цѣнность и важность, стали, наконецъ, безспорнымъ достояніемъ науки.

Сергій Шумановъ.

2. Г. И. Шрейдеръ. *Наше городское общественное управленіе. Этюды, очерки и замѣтки.* Томъ I СПб., 1902.

Цѣль книги г. Шрейдера,—„произвести генеральный смотръ городскому положенію 11 іюня 1892 года въ смыслѣ детальнаго выясненія его принципиальныхъ основаній и обусловленныхъ ими практическихъ результатовъ“ (не всѣхъ, впрочемъ, хотя именно это и имѣлъ въ виду авторъ на стр. VII предисловія, а лишь кардинальныхъ, 60). И время для такого смотра имъ выбрано весьма удачно—съ одной стороны, въ виду стоящаго на очереди вопроса о новой городской реформѣ, съ другой стороны, въ виду обильно накопившагося матеріала за послѣдніе годы. А до 1897—1898 г.г. и „22 года работавшій въ опредѣленномъ направленіи муниципальный механизмъ продолжалъ еще нѣкоторое время двигаться въ томъ же направленіи, хотя и въ замедленномъ темпѣ и съ уклоненіями въ стороны“. Да и „на думскихъ креслахъ осталось еще много старыхъ гласныхъ, съ которыми въ новый строй вошли старыя традиціи. Наконецъ, даже администрація, благодаря обманчивому виѣшнему сходству между старымъ и новымъ городскимъ положеніемъ, не успѣла еще хорошенько разобраться и опредѣлиться въ своей новой позиціи по отношенію къ городскому управленію“. (VI). Очень удачна и идея г. Шрейдера разсматривать положеніе 1892 г. не само по себѣ, но въ связи съ общимъ теченіемъ и направленіемъ нашего законодательства, именно, какъ заключительную часть трилогіи, первую часть которой составляетъ законъ 12 іюля 1889 года о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений и судебной части въ имперіи, а вторую—положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года

(стр. 289). И, какъ заключительная часть трилогіи, „городовое положеніе 1892 года, по строгой выдержанности и разработанности основного мотива, по цѣльности и стилистичности построенія, представляется едва ли не самымъ совершеннымъ твореніемъ своей эпохи“ (стр. 290), что однако не мѣшаетъ ему отличаться и непродуманностью и кабинетной непрактичностью (стр. 265). Но какъ бы то ни было, разъ положеніе 1892 г. представляетъ собой наиболѣе совершенное выраженіе извѣстныхъ тенденцій и началъ, то, именно, въ его практикѣ ихъ вліяніе должно сказаться съ наибольшей силой и, слѣдовательно, именно эта практика дастъ наилучшій въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ фактической матеріалъ для опредѣленія ихъ цѣлесообразности и практической пригодности. Анализъ этихъ тенденцій, началъ и ихъ практики по положенію 1892 г. составляетъ самую сильную сторону книги г. Шрейдера, что доказывается хотя бы уже тѣмъ, что многія изъ его толкованій положенія 1892 г. были затѣмъ приняты и сенатомъ (стр. 269) и даже нашимъ законодательствомъ (законъ 10 марта 1897 года, стр. 50).

Въ общемъ ходъ мыслей г. Шрейдера вкратцѣ таковъ:

Всѣ три положенія одинаково явились продуктомъ глубокаго недовѣрія къ закону и почти безграничной вѣры въ чудодѣйственную силу твердой власти (стр. 291). На мѣсто контроля и надзора теперь стала система опеки и вмѣшательства, на мѣсто самоуправляющагося городского общества—городское поселеніе, управляемое черезъ выборныхъ, но правительственныхъ казенныхъ чиновниковъ (стр. 335).

Возлагая на губернскую администрацію надзоръ не только за законностью, но и за правильностью дѣйствій городского управленія, положеніе 1892 г. исходитъ изъ презумпціи ея детальной и всесторонней освѣдомленности. Но наличность такой освѣдомленности (особенно относительно уѣздныхъ городовъ) прямо таки невозможна. И вотъ въ результатѣ видимъ, что даже въ области, поставленной подъ усиленный надзоръ, и по отношенію къ которой система административной опеки и вмѣшательства доведена до крайнихъ предѣловъ, именно, въ области бюджетнаго права, мы встречаемся за послѣднее время съ незаконными сборами (сборы съ возовъ, лодокъ и судовъ, стр. 294, спеціальные сборы съ домовладѣльцевъ безъ ихъ согласія, стр. 295—299, и т. д.) и расходами (расходы безъ указанія опредѣленныхъ средствъ на ихъ покрытіе, стр. 301; расходы въ большомъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдуетъ, стр. 302; ассиг-

нованіе разбѣдныхъ чинамъ полиціи, стр. 302), не только допускаемыми, но даже поощряемыми администраціей, въ виду ложно понимаемыхъ ею общихъ государственныхъ нуждъ и пользы, или интересовъ мѣстнаго населенія (стр. 304). Приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ система административной опеки и относительно правильности дѣйствій органовъ городского управленія, лучшей примѣръ чему исторія съ тифлисской конкой (305). Были бы хорошо организованы полиція и показное внѣшнее благоустройство города, и были бы удовлетворены требованія и домогательства разныхъ вѣдомствъ, хотя бы и незаконныя, а до остальныхъ нуждъ города и до ихъ удовлетворенія администраціи дѣла нѣтъ (327). Надо отмѣтить здѣсь и постоянное заранѣе предрѣшенное отклоненіе городскихъ ходатайствъ¹⁾, причемъ мотивъ отклоненія подставляется такой, какой кажется логически наиболѣе подходящимъ, безъ всякаго согласованія его съ живой дѣйствительностью (стр. 278), отчего и получаютъ такіе казусы, какъ, напр., одновременное признаніе финансоваго положенія Костромы неблагопріятнымъ (стр. 276) и благопріятнымъ (стр. 277). Хороши и такіе логическіе абсурды, какъ отмѣна администраціей думскихъ мнѣній и заключеній (стр. 269).

Затѣмъ смѣсь въ положеніи 1892 г. діаметрально противоположныхъ и непримиримыхъ началъ, общественнаго и бюрократическаго, самоуправленія и опеки (стр. 103), уже а priori должно было создать нѣчто совершенно безжизненное, ни къ какой широкой цѣлесообразной дѣятельности неспособное (стр. 315), что и видимъ въ дѣйствительности. Должностныя лица городского управленія поэтому превратились въ чиновниковъ, гласные стали отправлять не общественную службу, а натуральную повинность подъ страхомъ кары за нерадѣніе (стр. 35, 316).

Остановимся прежде всего на гласныхъ. Уже по выборамъ 1893 г. среди нихъ увеличилось число думскихъ старожилъ и лицъ чуждыхъ интересамъ городской мелкоты и равнодушныхъ къ нимъ, что сказалось хотя бы на вопросахъ народнаго образованія (стр. 30). Увеличеніе же среди гласныхъ числа интеллигентовъ въ 90-хъ гг. только мнимое и относительное (стр. 32).

Далѣе, не только вообще наши интеллигенты не умѣютъ часто

¹⁾ Напрасно здѣсь г. Шрейдеръ не сдѣлалъ хоть ссылки на книгу г. Карышева о земскихъ ходатайствахъ, своевременно рецензированную нами въ „Вѣстникѣ Права“.

отличить думу отъ управы (стр. 59), но часто даже сами муниципалы не знаютъ строя и порядка дѣйствія городскихъ учреждений (sic, 58). А тутъ еще между старымъ и новымъ, рѣзко противоположнымъ по существу, внѣшнее обманчивое сходство (стр. 59). Отсюда отсутствіе сознательнаго отношенія избирателей къ своей избирательной задачѣ (стр. 58, не совсѣмъ впрочемъ: сличи стр. 82). Надо принять во вниманіе и уменьшеніе числа гласныхъ и засѣданій по положенію 1892 г. вмѣстѣ съ увеличеніемъ работы, благодаря расширенію городского хозяйства, и лишеніе гласныхъ права инициативы въ дѣлѣ созыва думскихъ собраній, и постоянное вмѣшательство администраціи во все (стр. 72), и безсрочность ея усмотрѣнія (стр. 288).

Затѣмъ „представители состоятельныхъ классовъ едва ли въ состояніи должнымъ образомъ уразумѣть чуждыя имъ и подчасъ прямо недоступныя ихъ пониманію нужды массы населенія“ (стр. 75). Инициативы отъ подопечнаго ждать тоже нельзя (стр. 77). Нечего уже а ргіоіи ждать особой дѣятельности отъ „совѣта при управѣ“ (стр. 105), каковымъ является теперь дума (стр. 78). Но, если думская дѣятельность такимъ образомъ превратилась въ подневольное толченіе воды въ ступѣ (стр. 153), если притомъ у самихъ гласныхъ недостаточно развито чувство долга, слабо сознаніе своихъ общественныхъ обязанностей и даже отсутствуетъ страхъ за свои классовые интересы, обезпеченные однородностью состава и всѣмъ строемъ городскихъ учреждений (стр. 152), то нечего удивляться индифферентизму ихъ и абсентеизму какъ относительно засѣданій думы (стр. 124), такъ еще болѣе относительно комиссій подготовительныхъ (стр. 125) и особенно исполнительныхъ (стр. 126). Послѣднія, въ прямую противоположность мѣстами даже чрезмерно размножившимся подготовительнымъ комиссіямъ, получили у насъ очень слабое развитіе (стр. 126), несмотря на блестящую роль ихъ въ Англіи (стр. 125) и на заваленность управъ бюрократической, чисто кабинетной работой (стр. 128). Отсюда перемѣщеніе центра городского и исполнительнаго органа въ сторону вольнонаемныхъ служащихъ, часто злоупотребляющихъ слабостью городского надзора за ними (стр. 129). Поэтому же дѣятельность исполнительныхъ комиссій часто по качеству ниже даже управской (стр. 131), примѣромъ чему можетъ служить бездѣятельность петербургской городской оцѣночной комиссіи, причинившая городу огромные убытки. Иногда же комиссіи являются лишь удобнымъ коллегіальнымъ прикрытіемъ для энер-

гичныхъ и смѣлыхъ дѣльцовъ, не различающимъ мое и твое (напр., въ Польшѣ (стр. 133). И не специальными репрессіями помочь тутъ дѣлу (стр. 136).

Наконецъ, положеніе 1892 г. открываетъ гласнымъ свободную и легальную возможность проводить въ думѣ свои личные своекорыстные интересы въ качествѣ городскихъ должностныхъ лицъ (стр. 260) и контрагентовъ, или въ качествѣ просителей (стр. 261) за счетъ общественныхъ интересовъ и такимъ образомъ превратить городское дѣло въ какое то муниципальное мародерство (стр. 262). А устранить изъ гласныхъ всѣхъ этихъ лицъ нѣтъ никакой возможности безъ ущерба для дѣла при современномъ крайне ограниченномъ континентѣ лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ (стр. 263).

Еще лучше необходимость для городского головы, который почелъ бы себя нравственно обязаннымъ уклониться отъ председательства въ думѣ по вопросу, въ которомъ онъ лично заинтересованъ, для этого официально лгать и обходить законъ (стр. 265).

Но особенно вредно и прямо таки невозможно по г. Шрейдеру современное состояніе управы, являющейся теперь не столько исполнительнымъ органомъ думы, сколько подчиненнымъ органомъ администраціи (стр. 280). Такимъ образомъ „современная городская управа поставлена въ совершенно непригодное для нормальной дѣятельности положеніе человѣка, котораго посадили между двухъ стульевъ, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимость сдерживать натискъ двухъ въ разныя стороны дѣйствующихъ и часто неизбежно сталкивающихся силъ,—администраціи, съ одной стороны, и думы, съ другой“ (стр. 115 и 317). „Умѣніе балансировать между двухъ стульевъ, при огромномъ запасѣ необходимыхъ для того такта, выдержки, дипломатической ловкости, а чаще всего просто развязности и неуязвимаго мѣдлобія—вотъ качества, обладаніе которыми нынѣ прежде всего и больше всего необходимо для претендента на управскій окладъ“ (стр. 318). Страхъ невыбора, съ одной стороны, страхъ неутвержденія, съ другой (стр. 74). Немудрено, что при такихъ условіяхъ почти повсемѣстно управы или застыли въ мертвой неподвижности, или же вступили на путь угодливости и деспотическаго самовластія (стр. 103; не всегда впрочемъ, о чемъ см. стр. 321).

Затѣмъ, образовательный уровень городскихъ управъ послѣ 1892 г. повсемѣстно понизился, а окладъ городскихъ служащихъ (особенно головъ) очень повысился (стр. 33). Статья же 101 пол.

1892 г., предоставившая губернатору право ревизіи управъ, привела къ развитію канцеляризма въ нихъ (стр. 37), почему понадобилось вездѣ расширить управскія канцеляріи и увеличить ихъ штаты (стр. 36). А гдѣ канцеляризмъ, тамъ неизбѣжно и волокита (стр. 37). Способствовалъ возрожденію ея и порядокъ обращенія къ исполненію и утвержденія думскихъ постановленій, установленный положеніемъ 1892 г. (стр. 40). Волокита же неизбѣжно ведетъ къ прямому вреду для городскихъ интересовъ и городского населенія (стр. 42), примѣромъ чему можетъ служить хотя бы невозможность при теперешнихъ порядкахъ городскому управленію установить таксы на хлѣбъ и на мясо. Усилилось благодаря этой волокитѣ и расхищеніе городскихъ земель (стр. 43—47), и безъ того юридически слабо защищенныхъ (стр. 44). Если бы городское управленіе и знало, что захватъ готовится, то никакихъ мѣръ предпринять противъ него не могло бы, такъ какъ у него нѣтъ денегъ на экстренные расходы. Поэтому оно и стало вносить въ смѣты крупныя очень статьи на экстраординарные расходы, или еще проще, „вздувать“ смѣты (стр. 46). А усиленіе волокиты и въ дѣлѣ отчужденія городской земли, хотя бы оно и было необходимо (напр. для привлеченія иногороднихъ и устройства фабрикъ, стр. 48), въ свою очередь привело къ обезцѣвленію ея и новымъ захватамъ (стр. 54), причемъ особенно много тутъ напутала ст. 79 (стр. 51). Надо здѣсь упомянуть и про затрудненія для мелкаго обывателя въ дѣлѣ пользованія городскими оброчными статьями благодаря той же системѣ казеннаго управленія (стр. 73).

Далѣе. При положеніи 1870 г. думскіе журналы (и весьма обстоятельные!) печатались, являясь зеркаломъ муниципальной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ создавая традицію и закрѣпляя силу прецедентовъ (стр. 55). Но теперь и начальники губерній стали запрещать печатать журналы, или позволять печатать изъ нихъ лишь бессмысленные клочки, и сами муниципалы, упростивъ ихъ форму для избѣжанія волокиты (стр. 56), обезцѣнили ихъ и дѣлали негодными для обнародованія (стр. 57). Такимъ образомъ волокита отразилась вредно и на интересахъ гласности, которая и безъ того въ нашемъ современномъ городскомъ управленіи не въ авантажѣ обрѣтается (стр. 272).

Крайне неудовлетворительна и система городской отчетности и контроля. Гласные прежде всего недостаточно подготовлены для удовлетворительнаго разрѣшенія подобныхъ вопросовъ, не знаютъ бухгалтеріи и даже недостаточно знакомы съ порядками канцеляр-

скаго дѣлопроизводства (стр. 201), специалистовъ же бухгалтеровъ приглашать очень дорого (стр. 209). Не регламентированъ къ тому же и порядокъ городской отчетности и счетоводства (стр. 212). Поэтому управы почти всегда ограничиваются представлениемъ простого денежнаго отчета (стр. 203) и притомъ составленнаго безсистемно, беспорядочно и безтолково (стр. 204), каковой избираемая ad hoc ревизіонныя коммисіи едва успѣваютъ провѣрить къ сроку хотя бы только чисто формальнымъ образомъ, ограничивая свою дѣятельность однимъ кассовымъ и бухгалтерскимъ контролемъ (стр. 201). Фактическій же контроль возможенъ только для постоянныхъ ревизіонныхъ коммисій, да и то тогда только, когда отчеты управъ станутъ полными и правильными (стр. 202—204) и когда членомъ этихъ коммисій будетъ назначено вознагражденіе за ихъ очень большіе труды, что является теперь незаконнымъ, и невозможнымъ (стр. 210).

Переходимъ къ выборамъ 1897 г., которые лишній разъ засвидѣтельствовали отсутствіе сознанія своего гражданскаго долга и своихъ общественныхъ обязанностей у современныхъ муниципальных избирателей, ихъ индифферентизмъ и апатичность и пользованіе ими выборнымъ правомъ исключительно для своихъ личныхъ цѣлей (стр. 80—81). Тѣмъ не менѣе даже такіе избиратели поняли, что теперь вездѣ дѣла плохи и плохи исключительно благодаря верховодящей по новому положенію дѣломъ управѣ, а не безсильной и не самостоятельной думѣ (стр. 99), и выразили протестъ противъ такого положенія дѣлъ почти повсемѣстнымъ головнымъ правиломъ управъ (стр. 82).

Затѣмъ, на стр. 84 г. Шрейдеръ предается ужъ черезчуръ большому оптимизму относительно соединенія на этихъ выборахъ интеллигенціи съ мѣщанствомъ, а на стр. 83 относительно усиленія разнородности думскаго состава. Но на стр. 93 онъ же вынужденъ признаться въ противоположности думскаго большинства, выходящаго изъ рядовъ меньшинства избирателей, желаніямъ и стремленіямъ большинства послѣднихъ, располагающаго въ думѣ лишь меньшинствомъ голосовъ,—противоположности, выразившейся повсемѣстно хотя бы, напр., во врученіи новыми думами бразды городского правленія прежнему только что забаллотированному управскому составу (стр. 87), чему впрочемъ какъ будто противорѣчитъ стр. 118 книги, говорящая о смѣнѣ думами личнаго состава управъ въ началѣ второго четырехлѣтія. На стр. же 100 самъ же г. Шрейдеръ указываетъ на незначительность и случайность обновленія думскаго состава въ 1897 г. А если все это такъ, то въ чемъ же,

спрашивается, тутъ выражается видимый г. Шрейдеромъ прогрессъ? Не удовлетворивъ общество, не удовлетворило городское положеніе 1892 г. и администрацію. Гласные, неувѣренныя въ томъ, что добытыя путемъ повышеннаго обложенія средства цѣликомъ получаютъ желательное городскому управленію назначеніе, къ переоцѣнкѣ не приступаютъ, или тянутъ ее, или пользуются ею даже для пониженія обложенія (стр. 320), хотя при нормальныхъ условіяхъ переоцѣнка является лишь прогрессивнымъ факторомъ въ области городского управленія, приводя облагаемую цѣнность и доходность въ большее соотвѣтствіе съ дѣйствительною, чему можетъ служить примѣромъ переоцѣнка Петербурга въ 1900 г. (стр. 194—198). Отказываютъ гласные и прямо въ деньгахъ, нужныхъ для осуществленія административныхъ предначертаній, прибѣгая по остроумному замѣчанію г. Шрейдера къ столь знакомой и любимой нами изстари формѣ „колѣнопреклоненныхъ бунтовъ“ (стр. 320). Таковъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, хотя до г. Шрейдера и мало замѣченныхъ и недостаточно оцѣненныхъ поводовъ къ коллизіямъ между администраціей и городскими думами. Найдутся и другіе поводы къ нимъ (напр., разное пониманіе задачъ городского управленія). Городскіе головы съ управами тоже иногда не проявляютъ достаточной энергіи и настойчивости для приведенія думъ къ „готовности“ (стр. 321), а иногда, опираясь на свою выборность и коллегіальность, начинаютъ проявлять, къ неудовольствію администраціи, и самостоятельность, независимость и заботливость о городскихъ интересахъ и достоинствахъ городского самоуправления. Мало того. Общественное начало, полужадушенное уже, казалось, проявило поразительную живучесть и животворность (не предсмертныя ли судороги?) и послѣднее время, несмотря ни на какіе препоны, начало воскресать, (саратовскіе выборы, прошедшіе подъ вліяніемъ интеллигентной муниципальной программы, думскія постановленія по поводу 19 февраля и т. д.), что особенно выразилось въ начавшейся (побѣдоносной по г. Шрейдеру, съ чѣмъ едва ли можно согласиться) борьбѣ думъ за „гегемонію“ (по пышному, но едва ли справедливому выраженію г. Шрейдера; вѣрнѣе за жизнь) съ всесильными бюрократическими управами. Если, напр., Одесская дума по дѣлу Шпаковского нашла возможнымъ добровольно сама свести къ нулю свое и безъ того ничтожное значеніе (стр. 106), то на большинство думъ (несмотря даже на неблагоприятный для общественной самодѣятельности ихъ составъ, что здѣсь недостаточно подчеркивается г. Шрейдеромъ) умаленіе общественнаго на-

чала бюрократическимъ, пошедшее на практикѣ даже далѣе положенія 1892 г. (117; взять хотя бы проведеніе управами и администраціей мѣропріятій завѣдомо нежелательныхъ думъ путемъ жонглированія ст. 89 пол. 1892 г.; 72, 280—285), подѣйствовало „возбуждающе“ (такъ ли, г. Шрейдеръ?) и заставило ихъ вступить въ борьбу съ управами сначала путемъ смѣны ихъ личнаго состава (118), а когда это мало помогло дѣлу, то путемъ урегулированія своихъ отношеній къ управѣ (119) и организаціи надзора за ней (120) въ видѣ постоянныхъ ревизіонныхъ комиссій, о которыхъ мы уже говорили.

Все это и заставило администрацію приступить къ новой реформѣ городского (и земскаго таки опять! 322) управленія въ смыслѣ новаго усиленія и апофеоза бюрократическаго начала въ мѣстномъ управленіи. Психологическій же моментъ для реформы былъ выбранъ ею замѣчательно удачно (324), въ виду глубокаго всеобщаго недовольства нашимъ безжизненнымъ, неработоспособнымъ и пренебрегающимъ интересы массы городского населенія городскимъ управленіемъ (319), хотя и очень неясно понимаются въ обществѣ причины всего этого, а также и плохо сознается, чѣмъ можно помочь дѣлу (323). „Хоть гірше, тай инше“, такой теперь не говоримъ лозунгъ, а прямо таки вопль общества. Но и изъ огня да въ полымя попасть особой пріятности не представляетъ. А между тѣмъ именно это грозитъ обществу, когда, какъ это предполагается, за думой оставляютъ значеніе только декоративное, да еще, пожалуй, значеніе комиссій экспертовъ (327), да и въ этой роли придадутъ ей чрезмѣрно бюрократическій характеръ, предоставивъ избирательныя права квартиранимателямъ съ высокимъ квартирнымъ цензомъ при условіи обязательнаго для гласныхъ не менѣе, какъ средняго образованія (322). Тогда только въ думахъ начнется сознательная, выдержанная классовая политика, которой мы пока еще къ счастью не знаемъ, хотя и жалуемся на нее (328), а въ результатѣ „муниципальное дѣло быстро двинется впередъ по пути все болѣе удаляющемуся отъ интересовъ мѣстнаго населенія. Оно будетъ обходиться все дороже и дороже, и населенію придется нести все возрастающее бремя городскихъ налоговъ. Подъ вліяніемъ же роста городскихъ налоговъ неизбежно должно будетъ произойти вздорожаніе городской жизни, а, слѣдовательно, и ухудшеніе условий существованія массы городского населенія“ (329).

Въяснить все это обществу пока еще не поздно и составляетъ общественно необходимый долгъ печати (324), каковой и выполняетъ книга г. Шрейдера.

По его мнѣнію, для введенія у насъ нормальной муниципальной жизни нужно не частично улучшать, а совершенно разрушить зданіе 1892 г., такъ какъ въ немъ „нельзя перемѣнить ни единаго камня, не нарушивъ его цѣльности, безъ надежды въ то же время хотя сколько нибудь увеличить его прочность и удобства“ (336), и затѣмъ надо реставрировать у насъ упраздненное самоуправляющееся городское общество (337), такъ какъ „никакая административная опека не можетъ дать того, что можетъ быть съ успѣхомъ достигнуто единственно самодѣятельностью самого населенія, отстаивающаго свои кровные интересы. Нужно только, чтобъ этой самодѣятельности открытъ былъ надлежащій просторъ, чтобъ на пути его (ея?) не было препонъ ни въ ограниченномъ высокімъ цензомъ составѣ городского представительства, ни въ его условіяхъ и порядкѣ дѣйствій“ (307).

Съ этой точки зрѣнія и было бы особенно цѣнно и поучительно изученіе городского положенія 1870 г., какъ ни какъ, но вводившаго у насъ не городское управленіе, какъ теперь, а самоуправленіе въ видѣ городского общества, осуществлявшаго свою волю, въ качествѣ самоуправляющагося союза, черезъ посредство своихъ особыхъ органовъ управленія, особой общественной власти (333),— достоинствъ и недостатковъ этого положенія. Но анализъ послѣдняго и его практики у г. Шрейдера гораздо слабѣе, чѣмъ анализъ положенія 1892 г., чему впрочемъ удивляться нечего, такъ какъ это трудъ, который уже въ виду невозможности собрать для него весь необходимый сырой матеріалъ по силамъ только какому либо ученому обществу, а никакъ не отдѣльному частному лицу (9).

Тѣмъ не менѣе и здѣсь находится у г. Шрейдера кое что любопытное.

Такъ, напр., на стр. 11—24 онъ вполне убѣдительно, вопреки общераспространенному взгляду на третій разрядъ, какъ на дисциплированную дикую орду (25), доказываетъ прогрессивную роль третьяго разряда избирателей въ городскомъ управленіи, такъ какъ этотъ разрядъ, „представляя собою основную массу городского населенія, наиболѣе заинтересованнаго въ должномъ направленіи и правильномъ теченіи муниципального дѣла, былъ именно тѣмъ, черезъ который по преимуществу входили въ составъ упраздненныхъ муниципалитетовъ новыя и свѣтскія силы. Это былъ именно тотъ разрядъ избирателей, который напрягалъ всѣ усилія съ цѣлью сдѣлать ряды муниципаловъ наиболѣе живыми и просвѣщенными и который въ этихъ видахъ отдавалъ

въ распоряженіе муниципальных учреждений все, что было въ его средѣ лучшаго, наиболѣе образованнаго, энергичнаго и жизнедѣятельнаго“ (стр. 24). Да и интеллигентнымъ квартирнанимателямъ было очень легко проникать въ этотъ разрядъ, чѣмъ они и пользовались (стр. 26). Значить, надо было только квартирнанимателямъ (стр. 27) и домовладѣльцамъ на городскихъ земляхъ (стр. 308—312, на послѣднихъ кстати у насъ совсѣмъ почему то вниманія не обращаютъ) открыть прямой доступъ къ участию въ городскомъ общественномъ управленіи и дозволить для дисциплинированія избирателей избирательныя платформы (стр. 95). А вмѣсто того положеніе 1892 г., „повысивъ цензъ, лишивъ избирательныхъ правъ основную массу городского населенія, представлявшую собой прежде третій и частью второй разряды избирателей, устранивъ такимъ образомъ отъ участія въ городскомъ управленіи наиболѣе энергичные и дѣятельные элементы, вмѣстѣ съ тѣмъ закрыло и ту единственную отдушину, черезъ которую проникала въ наши муниципалитеты струя свѣжаго воздуха“ (стр. 27). Не ввело оно и избирательныхъ платформъ.

Затѣмъ, по старому положенію второй разрядъ долженъ былъ балансировать между первымъ и третьимъ, не давать преобладанія меньшинству надъ большинствомъ и въ то же время защищать первое отъ поглощенія вторымъ (стр. 67). На дѣлѣ, правда, второй разрядъ обыкновенно примыкалъ къ первому. Но это можно было поправить усиленіемъ представительства третьяго разряда или ослабленіемъ представительства первыхъ двухъ разрядовъ, а еще лучше введеніемъ пропорціональнаго представительства (стр. 96)¹. А вмѣсто того положеніе 1892 г. предало всю основную массу городского населенія въ руки своекорыстнаго, систематически стремящагося свалить даже небольшую тяжесть городского налога на безправную массу (стр. 147), экономически сильнаго меньшинства, состоящаго къ тому же изъ крупныхъ неплательщиковъ (стр. 150), думая первую защитить отъ втораго единственно усиленіемъ административной опеки и надзора (стр. 69)!

Также и вопросъ о количествѣ гласныхъ въ положеніи 1870 г. „остался совсѣмъ неразработаннымъ, и рѣшеніе его получилось какое-то глазомѣрное, недостаточно обоснованное и мотивированное“ (стр. 159). И, не смотря на то, все-же положеніе 1870 г. сдѣлало

¹ Напрасно г. Шрейдеръ не сдѣлалъ здѣсь ссылки на известную книжку г. Коркунова объ этомъ представительствѣ.

взять настолько большія нормы думскаго комплекта, что, по меньшей мѣрѣ, на двадцать лѣтъ впередъ обезпечило городское дѣло отъ задержекъ, препонъ и неудобствъ, вытекающихъ изъ недостаточнаго соотвѣтствія количества городскихъ дѣятелей дѣйствительной въ нихъ потребности (стр. 163). Положеніе же 1892 г., при увеличившейся работѣ, уменьшило количество гласныхъ въ два-три раза (стр. 170). И этотъ недостатокъ личнаго состава тѣмъ сильнѣе будутъ чувствоваться, чѣмъ энергичнѣе и сильнѣе, шире и рациональнѣе станетъ дума развивать свою дѣятельность (стр. 175).

Нельзя не обратить вниманія и на городскіе дефициты. При господствѣ положенія 1870 г. „смѣтные дефициты являлись своеобразнымъ финансовымъ коррективомъ, имѣвшимъ цѣлью ослабить непосильную, при скудости городскихъ средствъ, тяжесть обязательныхъ расходовъ и освободить отъ нихъ хотя нѣкоторую долю бюджетныхъ ресурсовъ, въ видахъ удовлетворенія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе, съ точки зрѣнія городского управленія, насущныхъ нуждъ и потребностей“ (стр. 178). Теперь же, вмѣсто увеличенія городскихъ доходовъ и сокращенія обязательныхъ расходовъ, статьей 2 „правиль“ просто приказано дефицитамъ не быть (стр. 179). И это тогда, когда и городскіе доходы уменьшились, и городскія нужды увеличились, и къ обязательнымъ юридическимъ расходамъ прибавились и обязательные фактически расходы, т. е. такіе, въ ассигновкѣ которыхъ членамъ муниципалитетовъ не хватило гражданскаго мужества отказать (180—181)! Въ результатѣ, конечно, дефициты изъ городскихъ смѣтъ не исчезли и теперь, а стали лишь маскироваться занесеніемъ въ смѣту мнимыхъ фиктивныхъ доходовъ (стр. 182) и даже недоимокъ (стр. 185).

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее. Ростъ города и общаго его значенія въ соціальной жизни страны наблюдаемъ одинаково и въ Россіи, и въ Западной Европѣ (стр. 233—258). Именно, по переписи 28 января 1897 г. городское населеніе у насъ опредѣлилось въ 16¹/₄ милліоновъ душъ об. п., ежегодное же увеличеніе его выразилось въ 1,56%, тогда какъ даже въ Англии и Уэльсѣ этотъ процентъ не превышаетъ 1,53% (стр. 237). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и промышленный ростъ Россіи, и все болѣе и болѣе и у насъ дифференцируется городъ отъ деревни (стр. 2) и растетъ бюджетъ нашихъ городовъ (стр. 3). Но, въ отличіе отъ Россіи въ муниципальной жизни передоваго Запада, самоуправленіе все болѣе демократизируется, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе развиваются спеціальныя задачи городского хозяйства

(стр. 5), и все болѣе эта жизнь пріобрѣтаетъ общее социальное значеніе въ смыслѣ созданія условій, содѣйствующихъ возможно большому физическому, умственному, нравственному и матеріальному благосостоянію городского населенія (стр. 4). Вездѣ на Западѣ хозяйственная политика городскихъ общинъ съ ея широко намѣченной программой мѣропріятій, направленныхъ на улучшеніе жизненныхъ условій низшихъ слоевъ городского населенія, и смѣлыми опытами общественнаго завѣдыванія различными промышленными предпріятіями, является однимъ изъ замѣтныхъ и растущихъ факторовъ общественнаго переустройства. Но, къ сожалѣнію, исходя изъ мысли, что при дѣйствіи положенія 1892 г. у насъ и некому, и нѣтъ возможности подражать обрядамъ иноземной муниципальной дѣятельности, г. Шрейдеръ въ своей книгѣ все эти вопросы проходитъ почти полнымъ молчаніемъ и ограничивается лишь бѣглыми указаніями на мерзость запустѣнія, царящую въ области нашей городской гигіены и санитаріи (стр. 245), идущей не на встрѣчу смертности, а въ хвостъ ея (стр. 193), на узко-массовой и показной характеръ городскихъ предпріятій, обслуживающихъ лишь правящее меньшинство (стр. 217), на полное равнодушіе нашего современнаго городского управленія къ интересамъ и нуждамъ трудящихся классовъ населенія [городскихъ служащихъ и служащихъ въ концессионныхъ предпріятіяхъ (стр. 219—233) и прислуги (стр. 248); ср. также отношеніе городского управленія къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ трудящагося люда]; и на господство у насъ концессионнаго и подряднаго (по недоразумѣнію лишь называемаго у насъ хозяйственнымъ) способомъ производства городскихъ работъ (стр. 248—249). Противоположные же въ европейскомъ духѣ факты, конечно, и у насъ найдутся, но ихъ и мало, да и не суждено имъ было у насъ окрѣпнуть и развиться (стр. 249). Особенно же въ этомъ отношеніи характеренъ и поучителенъ неизвѣстный еще книгѣ г. Шрейдера проектъ передачи американцамъ нашихъ столичныхъ путей сообщенія, близкій къ осуществленію вопреки и воли столицъ, и даже циркуляра министра вн. дѣлъ 1896 г.

Но если все это и вѣрно и возмутительно, то раньше и на Западѣ наблюдалось то же самое. Такъ вотъ для насъ и должно быть въ высшей степени интересно и поучительно, какъ Западъ постепенно отъ всѣхъ этихъ неустойствъ перешелъ къ современному городскому благоустройству. Особенно же для насъ долженъ быть интересенъ этотъ процессъ въ столь родственныхъ по духу и порядкамъ нашимъ городамъ французскихъ городахъ. Г. же Шрей-

деръ на стр. 125, 233—258 и 262 говоритъ вскользь и исключительно только объ англійскихъ порядкахъ, рабски держась притомъ извѣстной книги Гуго „О новѣйшихъ теченіяхъ въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи“. По сравненію же русскихъ порядковъ съ западными г. Шрейдеръ указываетъ лишь на поразительное сходство нашего теперешняго городского управленія съ дореформенными англійскими муниципальными корпораціями (стр. 252—254) и французскими муниципальными совѣтами эпохи реставраціи (стр. 68). Вотъ и все.

Но относительно англійскихъ порядковъ, хоть бѣгло и вскользь, все же кое-что даетъ г. Шрейдеръ. Относительно же болѣе близкихъ и потому болѣе интересныхъ намъ континентальныхъ порядковъ г. Шрейдеръ и самъ не даетъ ровно ничего, и не указываетъ взаимно того читателю даже хотя бы на книгу Шоу „Городскія управленія въ Западной Европѣ“¹⁾.

Съ внѣшней стороны книга г. Шрейдера тоже не безъ недостатковъ. Какъ сборникъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ и газетахъ за послѣдніе 8 лѣтъ (стр. V), она, вопреки авторскому заявленію, лишена всякой систематичности въ изложеніи и страдаетъ отрывочностью и противорѣчіями, повтореніями и недомолвками; языкъ книги тоже отнюдь не популярный, расплывчатый и сбивчивый, неясный и шершавый. Изъ-за частности и мелочей у г. Шрейдера очень часто трудно замѣтить главное и общее. Тѣмъ не менѣе книга г. Шрейдера очень дѣльная и, главное, очень своевременная. Желаемъ ей широкаго распространенія и съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода въ свѣтъ втораго тома ея (стр. 165), въ которомъ, надѣмся, будутъ затронуты и другіе важные вопросы городского управленія, которыхъ книга г. Шрейдера пока еще не касалась (напр. о вредѣ совмѣстительства въ одномъ лицѣ предсѣдательства въ думѣ и управѣ).

Сергій Шумаковъ.

Редакторъ Г. Сліозбергъ.

¹⁾ Книги Гуго и Шоу переведены на русскій языкъ и своевременно рецензированы нами въ нашемъ журналѣ. Не можемъ не пожелать, чтобы была переведена на русскій языкъ и недавно вышедшая превосходная книга Гуго о нѣмецкомъ городскомъ самоуправленіи.

СП6ГУ

000188227

ЮФ СПЕКТР

СНБГУ

